

Александр ФЛЕШИН / СТИХОТВОРЕНИЯ | 2 |

Александр ФЛЕШИН

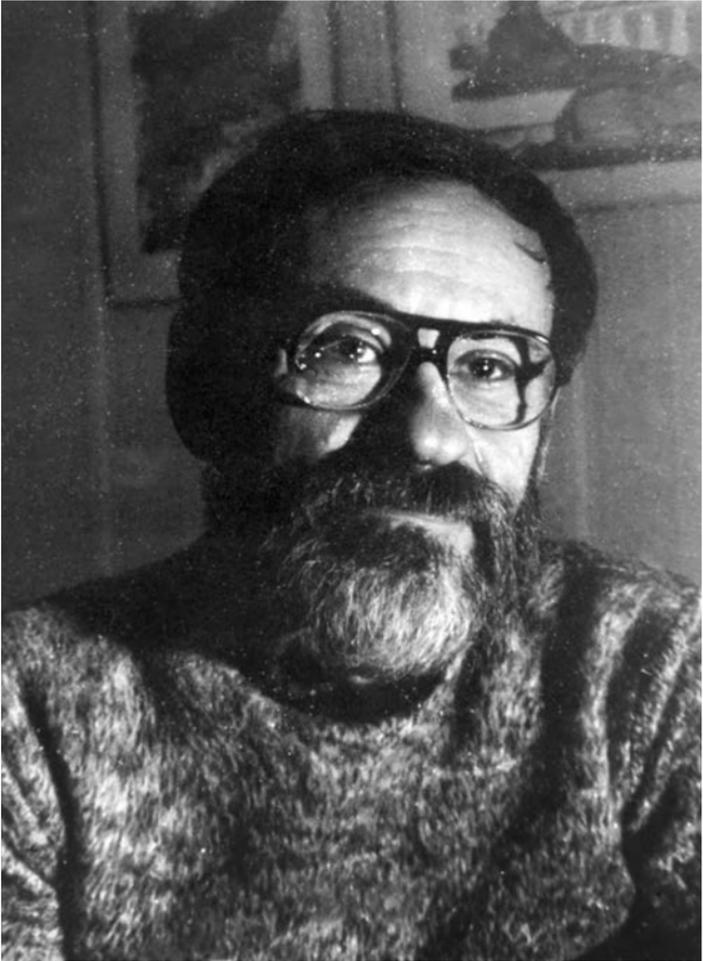
СТИХОТВОРЕНИЯ

Избранное

1990–2005

Возрождение

90-е годы

Александр ФЛЕШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Избранное

1990–2005

Книга вторая

Москва
Возвращение
2020

УДК 821.161. 1-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-5
Ф71

Составитель *Э. Г. Флешина*

Подготовка текста *Э. Г. Флешиной и М. А. Фролова*

Флешин, А. Е.

Ф71 Стихотворения: Избранное: В 2 книгах. Книга вторая. – М.: Возвращение, 2020. – 664 с.: ил.

ISBN 978-5-7157-0632-4

При жизни Александр Флешин (1928–2005) публиковался преимущественно как поэт-переводчик, его оригинальные стихи изредка появлялись в московских и периферийных журналах и газетах. Лишь в 1996 году была издана книга стихов «Полёт иКара». В 2010 году в издательстве «Новое литературное обозрение» увидел свет сборник «Полёт Икара».

Во вторую книгу вошли стихотворения и миниатюры, написанные в 1990–2005 годах. Дополняют книгу воспоминания Э. Флешинной о круге общения поэта, в который входили замечательные поэты и художники: Р. А. Ивнев, А. А. Штейнберг, А. В. Фонвизин, В. Я. Ситников, Л. Д. Гудиашвили, А. Зверев, В. Яковлев и многие другие. В настоящем издании воспроизведены портреты автора и автографы его друзей из семейного собрания, материалы которого демонстрировались на выставке «Из глубины шестидесятых...», состоявшейся в 2015 году в Государственном литературном музее в Москве.

УДК 821.161. 1-1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7157-0632-4

© Э. Г. Флешина, 2020
© Р. М. Сайфулин, оформ., 2020

1990–2000

Погорелка. Москва. Ветлуга

Чего бы мы у Бога попросили?
Какой бы обособили урон?
На все четыре стороны – Россия,
лихие вести с четырёх сторон.

Всем векселям, подписанным беспечно,
настали сроки – кредиторов тьма.
И, подтверждая, что ничто не вечно,
идеи мрут и рушатся дома.

Сбываются пророчества наглядно,
всей болтовне державной вопреки,
но справедливость не всегда нарядна,
и тыкать пальцем нынче не с руки.

Свет воссиял, а на душе тревога.
Поверженные идолы страшны.
Чего же ныне нам просить у Бога,
какой животворящей тишины?

14 мая 1990. Погорелка

Созвучье, согласие, сопенье –
Какой обольстительный ряд!
Миры, неподвластные тленью,
Над тенью сомненья парят.

В гармонию граней вникая,
Востря обленившийся взор,
Ты веришь: открытость такая
Сметёт вещеvedенья сор.

В печи догорели поленья,
Сгущается зримо предел.
Надолго одно лишь сопенье
Тебе остаётся в удел.

16 мая 1990. Погорелка

Я часто восхищал гостей своих
строфой, строкой, раскрепощённым словом
и сам порой доволен был уловом,
которого хватило б на двоих.

Порой печаль пыталась в тень уйти,
игре ума дорогу уступая;
иронией прикрывшись, боль тупая
была нередко спутницей в пути.

Нет, я не удалялся в дебри грёз,
не клал на мрак румяна и белила,
чтоб суть явлений выглядела мило,
как вскормленный заботливо колхоз.

Ну, а потом священной немотой
был поражён (иль одарён) надолго
и начисто лишённый чувства долга,
смирился с калькуляцией такой.

И вот опять потоком сочных слов
захвачен я и увлечён куда-то,
хоть позади зияющая дата,
и вижу я всё меньше вещей снов.

17 мая 1990. Погорелка

Путь на Парнас извилист,
и волею природы
писатели делились
всегда на две породы.

В одних – прямые гены,
в других – слегка погнуты.
Вон те – обorigены,
а те – обериуты.

Живут и пишут эти
по правилам известным.
А те шалят, как дети,
им так не интересно.

Шалят в литературе
и в жизни всем на диво,
в привычной кубатуре
рисуясь как-то криво.

Обorigены ищут
удачи и успеха.
Обериуты свищут
и корчатся от смеха.

21 мая 1990. Погорелка

Гляжу на облака холодные с тоской
и на тоску гляжу с холодной иронией.
А ветер за окном ругает род людской,
и карами грозит нам карканье воронье.

Душевно говоря, природы лик суров.
И я её понять могу без оговорок.
И согреваю свой животворящий кров,
который верен мне, а потому и дорог.

Кто что ни говори, а жизнь всегда права.
Вот только б одолеть инерции нелепость...
И повторяю я заветные слова,
что, мол, моя изба – моя, пока что, крепость.

22 мая 1990. Погорелка

Как в реке Ветлуге
пляшут буги-вуги
рыбы круглый год.
Над водой Ветлуги
лёгких радуг дуги
поднебесье гнёт.

Щедрые лугами
с пышными стогами
дремлют берега.
А в лесах медведям,
кабанов соседям,
воля дорога.

Ну а нам до Бога
дорога дорога
сквозь покой души.
И на той дороге
сгинут все тревоги –
только не спеши.

5 июля 1990. Погорелка

ОСА И ОСЁЛ

Антибасня

Уходят в сказки чудеса,
крепчает сила зла.
Однажды некая оса
ужалила осла.
Осёл же тут же
под кустом
жизнь той осы
пресёк хвостом.
Мораль? Извольте –
вот мораль:
мне их обоих
очень жаль.

3 июля 1991. Погорелка

Ночь за окном, а я пишу стихи,
что означает: жизнь ещё терпима.
Но стрелы зла не пролетают мимо.
Они всегда вонзаются в грехи.

В зародыши желаний и страстей,
в источники обид и искушений,
чтоб мы, страдая, стали совершенней
и перестали ждать благих вестей.

Познания разбитое яйцо,
неведенья блаженного утрата...
Но много ли осталось до утра-то,
где всех проблем абсурдность налицо?

Май 1994. Погорелка

ЛЁНЕ ИОФФЕ

...Ну и что ты будешь делать в соседней камере?

С. Е. Лец

Ты уж как-нибудь догости,
хоть и тяжело (и боль, и страх)
бремя безлошадности нести
столько лет на вытянутых руках.

Снисходя к себе самому,
восходя опять-таки к себе,
в самопротивлении уму,
в самообречении судьбе.

Есть концы, а выходов нет.
Задушевный глух лабиринт.
Недовоплощённый завет
жажду бытия бередит.

Август 1994. Погорелка

Ольге Николаевне Дементьевой

Хотел бы я, чтобы хоть раз,
когда тоска настигнет Вас,
Вы с помощью вот этих строк
её прогнали за порог.
Зимой, на исходе дня,
глядишь, и вспомните меня.

Сентябрь 1994. Ветлуга

Элле

Тебе на свете равных нет.
Не зря стяжал награду,
всех прочих превзойдя, поэт,
создавший Элиаду.

*31 декабря 1994. Москва**

* Далее это указание отсутствует под стихами, написанными в Москве.

ДЕЙСТВО

День остывал, и угасали звуки,
и не хотелось думать ни о чём,
но, вдохновеньем взятый на поруки,
я завладел магическим ключом.

И началось. Не то чтобы, но всё же...
Ко мне слетались вечные слова,
а вслед за ними те, что помоложе,
и те, что лишь озвучились едва.

И каждое стремилось встать на место,
что было Кем-то определено.
И это место им одним известно,
а мне лишь угадать его дано.

Так и происходило это действие
в глуши, в тиши, столь плодотворной тут,
пока творились на земле злодейства,
которые Историей зовут.

1995. Погорелка

Черти ждут меня в Аду,
ангелы – в Раю.
Между ними я пройду,
как солдат в строю.

Понапрасну будут ждать
годы и века:
не святой я и не тать
как-никак пока.

Пусть они проводят дни
всяк в своём краю.
Я в сторонке, а они
в пекле да в Раю.

Чтоб не скушно было им
в мёртвом мире жить,
я и к тем бы, и к другим
в гости стал ходить.

30 июня 1995. Погорелка

Если вдруг разонравится жить,
что же сможет мне смерть предложить?

Ну, конечно же, вечный покой,
впрочем, вовсе неясно – какой.

Пустоту, проще – небытие
(зачеркнёт она всё, что моё).

И болезням конец, и тоске.
Всё сотрёт, как волна на песке

равнодушно смывает слова,
проступившие было едва.

Чувств обрыв, и желаний, и дел.
Растворенье? Завидный удел!

Так что вроде бы всё в самый раз.
Просто тут неуместен отказ.

Как щедры и бесценны дары!
Придержи их, судьба, до поры.

Июль 1996. Погорелка

НАДПИСЬ НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ
СБОРНИКА «ПОЛЁТ иКАРА»

Моей единственной, которую воспринимаю,
как дар и как весть.

Март 1996

НАДПИСЬ НА ОБОРОТЕ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА
СБОРНИКА «ПОЛЁТ иКАРА»

Э.

Тебе, явившейся однажды,
чтоб стать надеждой и судьбой,
росою в эпицентре жажды,
где мира нет с самим собой.

Сам космос на земной орбите
открылся мне за гранью дня.
Сквозь образ твой проходят нити,
что связывают с ним меня.

22 декабря 1996

ЛЕТО

Город вяло барахтался в гроздьях сирени,
от черёмухи душной вконец одурев.
Солнце мягко катилось по крышам строений
и лениво петух пас постылый гарем.

Козы стригли траву, возникая по кругу
и на «Ниву» рогами косились порой.
Обыватели вести сбывали друг другу,
недовольные пылью, судьбой и жарой.

И средь этого сонного коловращения,
приобщённые к великолепию его,
мы у вечности прожитой просим прощенья,
чтоб у той, у другой не просить ничего.

Лето 1997. Погорелка

«Груз прожитых лет...»
А груза-то нет.
Нет ни груза, ни лет.
А есть только след,
а есть только свет
и отблеск примет –
вопрос и ответ.
Призыв и привет
холодных планет,
Новейший завет,
фальшивый билет
в закатный рассвет.

Лето 1997. Погорелка

КАРТИНА

Э.

Восход над нами вечность распростёр,
теплом целебным солнце души лечит.
И обнимает ласково простор
нас, распрямивших вогнутые плечи.

Жизнь позади, но лето впереди.
Что на весах сегодня перевесит?
Но ты, весна, меня предупреди
намёком о готовящейся мессе.

Но день распахнут в голубую даль,
и впереди видений анфилада.
Не стоит углублять свою печаль,
и ничего загадывать не надо.

Глобальная проблема решена,
из пустоты возникшая когда-то.
Благословляет землю тишина,
оправленная в золото заката.

Лето 1997. Погорелка

Витиеватость слога
созвездьям не к лицу.
Им, видевшим так много,
пить времени пыльцу.

Высвечивать дороги,
увязывать пути,
чтоб мы иголку в стоге
сумели днесь найти.

Им сверху выпал жребий
глядеть на облака.
Журавль в окрестном небе
далёк от них пока.

Тем более Синица,
которая в руке,
и уж совсем – страница
и лунный след в строке.

Лето 1997. Погорелка

ТАЙНЫ

Я раскрыть эти тайны, видать, не смогу.
Тайна в каждой травинке и в каждом листке.
Человек оставляет следы на снегу,
человек оставляет следы на песке.

Но прокатится солнце по этим снегам,
и пройдёт по пескам с лёгким плеском прибой
и следы твоей жизни прочтут по слогам,
и сотрут их небрежно, смеясь над тобой.

Или, может, они унесут их с собой
в безответную высь в некий срок вознесут?
Надо мной безмятежный простор голубой,
где по слухам творится непрошенный суд.

5 февраля 1998

КАПЕЛЬ

И снова в заводь падает блесна...
Скрипят пытливо старые качели,
и возвещает о себе весна
сквозной скороговоркою капли.

Она штрихует прошлого канву,
смывает напрочь выцветшие краски
и обещает праздник наяву
и жизни нерастраченные ласки.

Она внушает: – Встрепенись, поверь.
Пусть бьётся сердце в унисон со мною,
смелей открой в неведомое дверь,
преодолев стремление к покою! –

Сгустилась ночь. Шум за окошком стих.
Но беспокойства дух окутал келью...
С усмешкой перечитываю стих,
написанный коварною капелью.

12 февраля 1998

Укоренённый в небесах,
скорбя, земную жизнь вкушаю,
себя её плодов лишаю,
хоть мне лишай внушает страх.

Но я, однако же, живу
и каждый день гляжу в окошко,
и вижу, как крадётся кошка,
презрев укорную молву.

К неведомой профанам цели
она свой острый нюх стремится,
притом, упорно, как термит,
что мой чертог жуёт доселе.

Мне не понятно лишь одно:
зачем всё это лезет в строчки,
да скопом, не по одиночке,
но, видно, так уж суждено.

А повседневность близорука,
укромна, но на вкус горька.
Я примиряюсь с ней, пока
она причастности порука.

И если проступает след
во времени или пространстве,
при всём своём непостоянстве
готов идти на звёздный свет.

11 мая 1998. Погорелка

РЫБАЛКА

Над рекой простор обмяк
в одури кромешной.
Что там вякает червяк?
Сердится сердешный?

Недоволен ли крючком?
На меня ль в обиде?
Горе с этим червячком.
Дурость в чистом виде!

Мне б энергию его
и его живучесть.
Рана сердца моего
червякова участь.

Да к тому же ветер крут –
лоб упрямый бычит.
Да коряги там и тут
ждут своей добычи.

15 мая 1998. Погорелка

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИНТЕРНАТЕ*

Ветер рьяно треплет тишину,
по ветвям, срывая кисти, скачет.
То щипнёт басовую струну,
то свой путь иначе обозначит.

Небо в майском варится котле,
и земля, и мы (куда ж тут деться?!),
и, стряхнув напластованье лет,
налегке я погружаюсь в детство.

Степь горит, сухой трещит курай,
гонит ветер пляшущее пламя,
словно и сюда, в тишайший край
хищница-война пришла за нами.

Перед плотной пламенной стеной
я стою, пленён и зачарован.
Океан огня передо мной.
Сквозь него мне жизни путь дарован.

Этот ветер огненный пронёс
я по всем тропинкам и дорогам.
Он всегда со мной, как верный пёс.
Он уже поведал мне о многом.

Может, из таинственных глубин
что-то в глубь души перетекало,
проникая в мой гемоглобин
из костра, заката и бокала.

Тайна жизни... Магия огня...
Саламандра пляшет с птицей дивной.
И зовут к себе, зовут меня.
Но досрочен танец их призывный.

Май 1998. Погорелка

* Автор был в эвакуации под Алма-Атой.

ДИСТРОФИКИ

Когда мгновенье разбивает скорлупу,
чтоб обрести трёхмерное бессмертье
и озарить заросшую тропу,
положенную взглядом в круговерти,
мы слышим властный голос матери-судьбы
и сквозь ничто вдруг прозреваем нечто,
зовущее не в месиво борьбы,
а в тот покой, чья благодать бесконечна.

Февраль 1995

Елене Петровне Розановой

По сугробам отчаянный скачет кузнечик.
А вокруг ни земли, ни цветка, ни травинки,
только белых деревьев холодные свечи
да морозного воздуха тонкие льдинки.
Как он в зиму попал из уютного лета,
я не знаю, и сам он не знает, наверно,
впрочем, нам-то ведь, в сущности, важно не это.
Важно то, что его самочувствие скверно.

Февраль 1995

Как-то жизнь предосудительно меняется.
Декорации, устои, освещение.
Прежде скрытое нахально заголяется,
липкой грязью украшается священное.

Вроде всё вокруг в сохранности и целости,
только тонет мир во тьме песка зыбучего
да на «общечеловеческие ценности»
кем-то шапка-невидимка нахлобучена.

Февраль 1995

Прожив на свете много лет,
дождался я ответа,
что в жизни этой мрака нет,
есть лишь оттенки света.

Отныне тайны бытия
озарены прозреньем.
И жизнь всего-то отдал я
за это озаренье.

12 февраля 1998

Весна на встречу с летом
уже летит, спеша;
черёмуховым цветом
осыпана душа.

И зеленеют взгляды
сквозь жизни злую муть,
к созвездию Плеяды,
отыскивая путь.

20 мая 1998. Погорелка

Ныне для остроты взгляда
Нострадамусом быть не надо.
И пророчества ни к чему нам –
льнёт голодный народ к трибунам.

Нет, не Божья то будет кара
(не дождётесь такого дара!).
Воспоёт о Конце Света
восхитительная ракета.

23 мая 1998

АКРОСТИХИ

Лене Снежковой

Любовь её манила и вела.
Её звезда нездешняя манила.
Но в жизни было слишком много зла,
А в зле живёт безжалостная сила.

Инне Логуновой

Искать не стоит в жизни смысла,
Не стоит погружаться в тайны.
Но есть знаменья, знаки, числа,
Аккорды чувств, что не случайны.

11 февраля 1995

Элле

Энергии искрящийся поток...
Ликующие лики озарений...
Лепечет сонно легкокрылый гений:
Ещё чуть-чуть, ещё один глоток.

27 февраля 1995

Алику Иерусалимскому

А ЛИК его бывает просветлён
Лишь изредка. Причина всем понятна!
И солнцу так же досаждают пятна,
Как свет ему. Отвык от света он.

Тане Иерусалимской

Твой голос колокольчиком звенит,
Алмазных граней зажигая блёстки.
Но взгляд перемещая за подмости,
Я вижу своенравную Лилит.

15 февраля 1995

Наташе Гуде

Над грудой книг простёрты два крыла
Аккордом светлым уценённых вздохов.
Туман окутал мысли и дела,
А впрочем, в нём увязла и эпоха.
Шуршит под ветром прошлогодний лист.
Ах, как пьянящий воздух свеж и чист!

Февраль 1995

Суперакростих

Рите Шкловской

Регалии ристалищ роковых,
Импровизаций истовых истома...
Трагедий титанических три тома –
Альбомных арабесок акростих.

18 апреля 1995. Ветлуга

Лале Вайсковой

Лебяжьем пухом выстлана душа.
А за душой – взыскующее тело.
Любить, не просто быть, оно хотело,
Астральной беспредельностью дыша.

Апрель 1996

МЕЛОЧЬ

Улыбка не бывает холодна:
вsepониманье в ней и всепрощенье.
В улыбке ведь не зря душа видна
в её почти реальном воплощенье.

—

В самом центре часа позднего,
неприкаянный на вид,
одуванчик неба звёздного
над избой моей парит.

—

Читай! Все средства хороши
для исцеления души.

—

Раз некая фея
в объятьях Морфея
забылась настолько,
что вспомнилась только...
к обеду.

—

Однажды мне чужой приснился сон.
Как быстро у меня прижился он!

—
Я завязал змею узлом.
Она мне отплатила злом.

Молитва на 8 марта
Господь Всевышний! Свет любви пролей
И наших баб несчастных пожалей!

Март 1994

Парадоксальность бытия
Цепь разочарований и потерь...
Ничто обвал остановить не может.
Всё, кроме жизни, дорого теперь,
а между тем она мне всё дороже.

Автопортрет

Не претендую на величье,
смеюсь над позою любой.
Меняю образ и обличье
И – остаюсь самим собой.

—
Хожу я по жизни у самого края.
Размах моих крыльев от Ада до Рая.

Эпитафия Е. Сабурову
Он потерял в бессмертие билет,
но на земле оставил «рыбий след»*.

—
Уж коли родилась ты сукой –
не хрюкай!

К. Прытков

* Имеется в виду повесть Е. Сабурова «След рыбы».

—
В компании кур павлин
выглядит белой вороной.

—
Как дикобраз, я иглами оброс.
И тут как раз возрос на иглы спрос.

—
Как говорил маркиз де Сад,
злодеяния нам не внове.
Но грешники проходят в Ад
на конкурсной основе.

Частушка

Как в деревне Погорелке,
что ни ночь ломались целки.
А теперь, едрёна мать,
стало нечего ломать.

Ветеран

Он молодым пример достойный подаёт,
пусть пыл уже не тот, но живо чувство долга.
Галантный кавалер, при даме он встаёт,
хотя и не всегда... к тому же ненадолго.

Диагноз

Сума да тюрьма,
затерявшийся свет...
Целителей – тьма,
исцелителей нет.

ВЕТЛУГА

В тихом городе Ветлуге
небом улицы полны.
И дома здесь друг о друге
знают всё, что знать должны.

Здесь, как всюду, горе глушат
силой водочной пока.
Но возносят к свету души
бескорыстно облака.

И грызут кору столетий
kozy тут не торопясь,
с внятным миром междометий
устанавливая связь.

В тихом городе Ветлуге
над Ветлугою рекой
ширь врачует все недуги,
растворяя непокой.

17 января 2000

ЯКОВЛЕВСКИЕ ЦВЕТЫ

1

Бездорожье. Ни звука, ни знака.
До чего ж ему звезды близки!
На четыре стороны мрака
протянул он свои лепестки.

Разгадать его суть не берусь я,
но так трепетно он обнажён,
весь пронизанный дымчатой грустью,
безысходностью весь окружён.

Может быть, он томится от жажды,
но, конечно, он был неспроста
из души пересажен однажды
на холодную плоскость холста.

3 февраля 2000

2

Четырьмя стенами отгороженный
от столичной вязкой суеты,
развлекаюсь мыслями порожними,
созерцаю мёртвые цветы.

Поменявши, впрочем, точку зрения,
жизнь и в них увидит острый взгляд.
Просто из другого измерения
пристально глядят они на нас.

И при этом что-то в нас меняется,
нечто опыляется в душе,

словно неизбежность отменяется,
как теперь ненужное уже.

Вечности мгновением дарованы,
так они и встали перед ней,
встали под незримыми покровами
беспощадной слабости своей.

5 февраля 2000

ПАМЯТЬ

Володе Логунову

Может, праздник вспомнить интересней,
но для нас и этот значим след.
Вместе приземлились мы на Пресне,
образуя камерный дуэт.

Позади Лефортовские бденья,
злая неизбежность впереди.
Навсегда запомнил этот день я,
что застрял занозою в груди.

После, в недрах адского вокзала,
на этапном вираже крутом
нас узлом судьба навек связала,
только мы не ведали о том.

С той поры минуло четверть века,
и хоть курс меняли мы не раз,
в памяти не стёрлась эта веха –
огонёк, горящий лишь для нас.

6 февраля 2000

ПО ЗВЕРЕВСКИМ МЕСТАМ

О будущем своём я не жалею.
О прошлом вспоминаю, как о сне.
Я уйду в безлюдную Аллею*,
которая сквозит навстречу мне.

Я уйду в неё раскрытым взглядом,
не оставляя на песке следа,
при этом зная, что художник рядом,
что он сюда приходит иногда.

Приходит он из дали запредельной
и смотрит с горькой трезвою тоской
на этот мир, такой членораздельный
и недовоплотившийся такой.

6 февраля 2000

* Картина А. Зверева «Аллея».

Как говорится, человек не птица,
парящая над кружевом зари,
и наша жизнь в условных единицах
почти бесценна, что ни говори.

Ну, кто же за неё назначит цену?!
Товара столько, только выбирай...
Прожектора направлены на сцену,
где разместился бутафорский рай.

Там тени в дорогих автомобилях
спешат на посиделки в казино.
Они в угаре шутовском забыли,
что проиграли жизнь свою давно.

Тут суперменам часто не до смеха
и умникам страшнее, чем в бою.
А рекордсмены киллерского цеха
блюдут квалификацию свою.

7 февраля 2000

КАРТИНАМ В МОЕЙ КОМНАТЕ

Из глубины шестидесятих
неистребимых лет
струится, временем не смятый,
нерукотворный свет.

Знакомых лиц застывший оттиск,
нетленные цветы* –
всё это той планеты отблеск,
где воплотилась ты**.

И лошадь сказочной расцветки,
и непонятный лик***,
и грустный воробей на ветке****,
что жизни суть постиг...

Из вязкой тьмы шестидесятих,
где спуску не дают,
всё это вырвалось когда-то
и здесь нашло приют.

10 февраля 2000

* Цветы – акварели В. Яковлева.

** Портреты Э. Ф., выполненные художниками А. В. Фонвизиным,
В. Яковлевым, А. Зверевым и другими.

*** Лошадь – гуашь А. Зверева.

**** Грустный воробей – картина Л. Рыжова.

Я лежу с карандашом в руке,
путаюсь в извилистой строке.

Весь в заботах о текущем дне,
внешний мир опять мешает мне.

Я-то сам давно уж вне игры,
но соприкасаются миры.

А поскольку я живу в миру,
не могу совсем залезть в нору.

И спасая от расстройства ум,
отражаю непотребный шум.

10 февраля 2000

Порой в былое бросим взгляд,
и вдруг возникнет перед нами
энергетический заряд
на стыке двух воспоминаний.

И явственно проступит вмиг
закономерностей цепочка,
в конце которой ты постиг,
что неспроста явилась строчка,

которая в себе несла
следы таинственного знака,
и, хоть в душе не проросла,
тебя тревожила, однако.

Законы вечны. Жизнь проста,
прозрачна, как вода колодца.
Всё встанет на свои места,
и непременно круг замкнётся.

12 февраля 2000

ОАЗИС

Я мысленно уже, конечно, там,
а здесь я пребываю лишь телесно.
По милым сердцу моему местам
от них вдали тоскую повсеместно.

Звезда моя, сюда меня веди,
в оазис в мире этом оголтелом.
Я стану здесь Вселенной посреди
и вновь душа соединится с телом.

Моя земля, прибежище моё,
твоя открытость вновь меня излечит.
Сад свежестью наполнен до краёв,
в нём вызревает ожиданье встречи.

В траве, укрытой зябкой пеленой,
мне мотыльки поведают об этом.
И яблони, посаженные мной,
меня одарят белопенным светом.

Февраль 2000

В плену фантазий пребывая,
реальность гнусную гоню,
и потому сто раз на дню
мне радость светит огневая.

Когда же хочется порой
за повседневность зацепиться,
ко мне нисходит вновь Жар-птица
и вовлекает в жизнь игрой.

Вовек познать нам не дано
того, что горизонтом скрыто,
но есть листвы зелёной сито,
и небо, и морское дно.

Февраль 2000

ДИАЛОГ

Э.

Как отыскать путь?
Как разглядеть знак?
Я говорю: – Будь! –
Ты говоришь: – Как?

Мир наш не так плох,
просто жесток он.
Но у меня – вздох,
а у тебя – стон.

Властный напор льда
тёплый сотрёт след.
Ты говоришь – Да. –
Я говорю – Нет!

Февраль 2000

Что видно со второго этажа?
Живу, как обывателю положено.
Мы с Богом, вольнодумством дорожа,
относимся друг к другу настороженно.
Не тшусь купить бессмертье за гроши,
имею к вечной истине влечение
и верю в очищение души
и в благородство местного значения.
Всё прочее диктуют тьма и страх,
терзающие образ и подобие.
А время дух перетирает в прах –
для школяров наглядное пособие.

Февраль 2000

Э.

Ты не смотри, что я прилёт
немного отдохнуть.
Подсыплю в топку уголёк,
встряхнусь – и снова в путь.

И снова дробный перестук
пришпоренных колёс
вращает горизонта круг,
что мифами оброс.

И пусть в движенье смысла нет,
не размышляй, спеши
на ясный свет земных примет
бессмертия души.

Февраль 2000

СОН

Хоть было ещё рановато
и был небосвод невысок,
я выгнездил зёрна граната
и выпил сияющий сок.

Какая-то смелая птица,
не веря в искусный обман,
сумела к истокам пробиться
сквозь декоративный туман,
и взгляд торжествующий птичий
запомнился мне навсегда.
А после с бесценной добычей
растаял туман без следа.

Февраль 2000

Створки раковины приоткрою,
на померкший белый свет взгляну
и, вздохнув, опять вернусь к покою,
окунусь в глухую глубину.

И не то чтоб вовсе равнодушен
и совсем душевно изнемог,
просто воздух стал намного суше
и плотнее стал столичный смог.

Но при этом как же невесома
стала человечья суета!
Неспроста шальная хромосома
подмигнула мне, ох неспроста!

И какая б ни была погода,
я завидной участи не рад,
с высоты двухтысячного года
на пейзаж окрестный бросить взгляд.

Февраль 2000

ДВУХТЫСЯЧНЫЙ

Э.

Тридцать восемь лет мы с тобой вдвоём
вдаль плывём в одной лодке.
Вслух произнесу – в голосе моём
странные звучат нотки.

Что бы ни стряслось, в стужу и в жару
мы всегда в одной связке.
Так вот наяву встану поутру
и вступаю в мир сказки.

Пусть тебе судьба сил не додала –
унывали мы редко,
я хочу, чтоб ты счастлива была,
милая моя детка.

Февраль 2000

Восьмой десяток?! Что-то тут не так.
Компьютер что-то, верно, перепутал.
Нет, не такой я всё-таки простак,
чтоб доверять бесспорным атрибутам.

К тому же я всегда был не силён
в простых математических расчётах,
провидя в цифротворчестве самом
ухмылку торжествующего чёрта.

Мне кажется, всё это ни к чему.
И по утрам я часто молодею,
прожорливому кинувши уму
какую-нибудь сочную идею.

Конечно, время оставляет след,
и шапка-невидимка скрыть не может,
что от него исходит некий свет,
который нас тиранит и тревожит,

А возраст... Что ж, его не обойти,
не спрятаться, не возвратиться в детство.
И ветер, повстречавшийся в пути,
мне от печали предлагает средство.

Февраль 2000

Иллюзия... мираж... самообман...
Без них, пожалуй, нам пришлось бы туго.
На то нам разум, в сущности, и дан,
чтоб видеть во враге заклятом друга,
чтоб верить в обязательность примет
и даже в обоснованность надежды
на то, что вдруг узрят Фаворский свет
горластые кретины и невежды.

Самообман? Все средства хороши,
когда в судьбу вторгается мгновенье.
Защитная реакция души
на грубые его поползновенья.

Несовместимость версий такова,
что их самоуверенность опасна.
Но есть росой омытые слова
и потому надежда не напрасна.

Февраль 2000

ПОРЫВ

Сумятицей людской
безумствует эпоха.
В орнамент городской
я вписываюсь плохо.

Зачем эти пиры
среди масок и обличий
тому, кто для игры
пренебрегал добычей?!

Уйти в луга, леса,
сны по местам расставить,
на птичьих голоса
расписывая память.

И в благодати сплошной
впивая, что осталось,
блаженной тишиной
смыть горечь и усталость.

24 марта 2000

СВЕТ ПОГАСШЕЙ ЗВЕЗДЫ

Памяти Л. Гудиашвили

Я взглянул на подарок Ладо*,
на прекрасную, гордую Нани,
и в густой веренице годов
засверкали той осени грани.

Сколько было в том доме тепла,
сколько мудрости в пристальном взгляде;
как неспешно беседа текла
без нужды в маскарадном наряде!

Здесь, где меркнет газетная дичь,
поднимают привычные планки
очарованный сказкой москвич
и грузин европейской огранки.

Вечер бархатный смотрит в окно
на времён фантастических диво,
а сошедшая с фрески Нино
так внимательно несуетлива.

Здесь когда-то за вечность до нас
Грибоедов и Пушкин бывали...
В этот дом приходил я не раз,
в нём теперь побываю едва ли.

На меня, вдоль меня, сквозь меня
смотрит непостижимая Нани,
словно взмывшая вдруг из огня
над картинами воспоминаний.

28 марта 2000

* Акварель «Нани», подаренная Л. Гудиашвили автору в 1965 г.

ПОРТРЕТ*

Он возникал из яростных мазков
и в тот же миг завладевал пространством.
Он, верно, изначально был таков,
каким являлся и каким остался.

Был образ и похож и непохож
на то, что воплощал он своенравно.
Художник словно говорил: – Ну что ж,
пусть пустяки поведают о главном. –

Но так ли, эдак, он неповторим.
В нём скрытых чувств проявлена природа.
И я вхожу в него, как в лабиринт,
где выход напрочь отсечён от входа.

29 марта 2000

* Портрет Э. Флешинной, написанный художником А. Зверевым.

ПРАЗДНИКИ ДВУХТЫСЯЧНОГО ГОДА

Первомай осчастливил пургой.
Травы в снежной ловушке застыли,
словно в город попал я другой –
ах, Ветлуга, и впрямь, это ты ли?

Или волей неведомых сил,
изменив направление вращения,
шарик наш удила закусил
и поднёс нам не то угощенье!?

Снова в пору встречать Новый год,
на санях мчаться по первопутку.
Кто-то сдвинул на месяц вперёд,
верно, первоапрельскую шутку.

Только шутке не видно конца.
Вот сейчас я, от холода розов,
носом к носу столкнусь у крыльца
с растерявшимся Дедом Морозом.

Впрочем, следует всякого ждать,
прозревая грядущие беды.

.....
Как бы загодя предугадать,
чем порадует нас День Победы?

2 мая 2000. Ветлуга

Нас морочат всю жизнь всезнайки,
к эпохальным зовут победам.
Мир уж очень нелеп с изнанки,
ну, а истинный нам неведом.

Переполненные настоящим,
с чувств и мыслей стирая глянец,
как пылинки в луче слепящем,
ритуальный свершаем танец,
сквозь пустые сердца и лица,
ощущая безмерность кожей,
трудно к свету из тьмы пробиться
атеисту милостью Божьей!

5 мая 2000. Ветлуга

Я с матерью всех пороков,
не зная ни целей, ни сроков,
порой, огорчаясь и злясь,
лелею преступную связь.
И хоть себе я не лгу,
с ней порвать не могу.
Творя неподвластное тленью,
я скован,
как раб,
к сожаленью.

Май 2000. Ветлуга

Небо в тучах, а хочется ясности
и при этом немного тепла,
чтобы жизнь без излишней опасности
по законам природы текла;

чтоб глядели глаза с пониманием,
чтобы душам – уютней в телах,
ну а тех, что подвержены маниям,
отправлял в переплавку Аллах.

Ведь не так уж и много хочется.
Всё должно измениться вот-вот.
Но сбываются злые пророчества,
и по-прежнему хмур небосвод.

Май 2000. Ветлуга

ВЕЧЕР НА РЕКЕ

Вечер солнце гонит прочь,
и уходит солнце в ночь,
истощив тепла запас,
предназначенный для нас.

Тишина, простор, покой...
До небес – подать рукой;
ветерок жуёт листы,
пробираясь сквозь кусты;

что-то шепчут камыши
о созвездиях души,
а внизу течёт вода
ниоткуда в никуда.

Впрочем, замысел реки –
просочиться в глубь строки,
чтоб копить свои дары,
затаившись до поры.

26 мая 2000. Погорелка

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Решая сложные задачи,
притом коварные порой,
в погоне за хвостом удачи
мы странной тешимся игрой.

Мираж упорных обольщает,
химеры в плен берут сердца.
И жизнь так много обещает
и шлёт нам за гонцом гонца.

В соблазнах щедрых столько яда,
так властно сладок этот яд.
А мне всего-то в жизни надо
полнеба и земли на взгляд.

Май 2000

Я на обочине сияющего лета
живу в тени глобального запрета,
от главного светила отключён,
от силы животворной отлучён.
Мой рацион предельно ограничен,
и со спиртным контакт проблематичен.

Короче, повседневно наяву
меж Сциллой и Харибдою плыву.
Но я плыву, мне счастье быть дано,
а сколько жизней притянуло дно!
Всё, в сущности, пока не так уж плохо:
и мир прекрасен, и крепка эпоха...

24 июля 2000. Погорелка

ДИСТРОФИКИ

Когда февраль перетекает в март,
идёт неявная артподготовка.
Конечно же, не в полном смысле «арт»,
притом замаскированная ловко.

И всё-таки в незримой глубине
готовится естественное чудо,
которое весть принесёт и мне,
дошедшую неведомо откуда.

13 февраля 2000

С годами время чувствуешь иначе,
и бесполезны тут календари.
Как трудно быть, порой решать задачи,
без трепета глядеть в глаза зари.

И ни к чему прислушиваться к теням,
гнездящимся в пыли минувших дней,
а надо подниматься по ступеням
и быть достойным старости своей.

Февраль 2000

УТРО

Просторно утро свежее до головокружения,
непуганое облако сияет над рекой.

И заполняет радостью душевные движения
органныго звучания торжественный покой.

Но разве это не было предсказано заранее,
и не к тому ли исподволь давно вела игра,
что будет вручено тебе небесное послание,
подписанное росчерком орлиного пера?!

7 марта 2000

Непререкаема времени сеть,
так что на власть его глупо пенять.
Кто-то торопится больше успеть,
кто-то пытается глубже понять.

Задан их путь, если звёзды не врут,
а если врут, суть – в природных дарах.
Так две породы людских и живут
в мире едином – в разных мирах.

25 марта 2000

Ветер мечет мелкий бисер града,
хочет нас порадовать, простак.
Мы же говорим ему: – Не надо,
не усердствуй, проживём и так. –

В узких щелях недопониманья
вызревает вязкий ком обид.
Так что, в общем, из-за невниманья
здешний мир обидами набит.

8 мая 2000. Ветлуга

УТРО

Глядите: мир опять готов
нам радость подарить,
являя воплощенье снов,
трепещут крылышки цветов,
готовых воспарить.

Сегодня с матерью-землёй
им расставаться жаль.
Но с мотыльками и со мной
считает всех одной семьёй
сияющая даль.

Май 2000. Ветлуга

Опять гроза скользнула по касательной,
в деревне не оставила следа,
пообещав, что завтра обязательно
её сестра нагрянет к нам сюда.

Что ж, будем дара ожидать природного,
сухие мысли вяло вороша.
Июльский день. От зноя безысходного
растрескалась иссохшая душа.

Июль 2000. Погорелка

МЕЛОЧЬ

Храм природы
Не то чтоб побывал в бою,
и всё же в этом храме
я проливаю кровь свою,
воюя с комарами.

Июль 2000

—

Все грани жизни хороши.
Не унывай, мерцай в тиши.

11 декабря 2000

2001–2005

Москва. Погорелка. Ветлуга

Может, это просто мне приснилось,
ну, а может, сталося наяву.
Так ли, эдак – жизнь явила милость,
открывая новую главу.

Было звёзд не больше и не меньше,
чем всегда в присутствии Луны,
растворялись в тишине полнейшей
мысли, беспредельности полны.

Ночь была совсем обыкновенной.
Только я, забыв, где верх, где низ,
за какой-то огонёк Вселенной
зацепился взглядом и повис.

15 марта 2001

ИНТЕРМЕДИЯ

Здесь жизни ход размеренный,
анкерный, возможно, ход
взял меня самоуверенно
в повседневный оборот.

Плавит март снега зернистые,
обнажая прель и грязь,
и весна уже неистово
нам времён являет связь.

Отгорожена от прошлого
и грядущего душа,
плод беспамятства роскошного
пожиная не спеша.

Отрешённость. Дни не делятся,
ровным светом залиты.
Санаторная безделица
в стороне от суеты.

Тишины повадка девичья
от всего ли оградит?
Острым глазом Ходасевича
на меня печаль глядит.

15 марта 2001. Звенигород

БЕСПОКОЙСТВО

Вязким прошлым пахнет хвоя*,
целый век сгустился в миг,
но в густой настое покоя
беспокойства яд проник.

Неразлучны плюс и минус.
Вслед за солнцем ходит тень.
Верно, будущего примесь
замутила ясный день.

Беспокойства яд... и всё же
воздух свеж и даль светла.
Вот и тень скользнёт по коже
и сгорит в лучах дотла.

16 марта 2001. Звенигород

* Лагерь КЛ-400 в Коми АССР на Вежайке.

Буднично, а значит безоглядно
сквозь меня сочится жизни ток.
Бури стороной обходят? Ладно,
рановато подводить итог.

Скажем, это просто передышка.
Копит силы терпеливый рок.
Вот уж! Ехидная мыслишка
мины на пути готовит впрок.

Неприметно ткётся нить паучья.
Знаю, что её не обойти...
но в костёр подбрасывает сучья
ветер, заблудившийся в пути.

И огонь, с которым я навечно
подружился в давние года,
мне тепло своё отдаст, конечно,
и притом не причинит вреда.

Вижу даль сквозь потолок и стену.
Беспредельность мне займы дана.
Не ропщу – я знаю жизни цену,
ну, а смерти не нужна цена.

18 марта 2001. Звенигород

За окном белым-бело –
своенравна Родина.
Небо снегом замело,
землю засугробило.

Вновь попятилась весна,
да и где теперь она?!
И могучая сосна
выглядит растерянно.

Но такой хрустальный свет
длит своё струение,
что в душе сомнений нет,
в смысле настроения.

21 марта 2001. Звенигород

Не требую к себе внимания,
не дёргаюсь амбициозно,
поскольку ведь любая мания
смешна, хотя всегда серьёзна.

И зависть не моя знакомая,
а впрочем, что уж зря хвалиться,
себе завидую такому я,
каким бы мог осуществиться.

Фантом, игра воображения,
ведь чуждо мне на самом деле
маниакальное движение
к намеченной прицельно цели.

Живу с самим собой в согласии,
внедрённый сызмала в природу,
я рад, что дни мои окрасили
её леса, поля и воды.

Живу в ладу, сиречь в гармонии
с небесной и земной красою,
лишь на волну самоиронии,
порой приёмник свой настрою.

Есть карандаш, бумага, родина,
есть путеводный свет нетленный,
а если что-то мне недодано,
так мне достаточно Вселенной.

26 марта 2001. Звенигород

Бог, как известно, любит троицу,
а я люблю, напротив, курицу.
Я не желаю перестроиться,
Бог обижается и хмурится.
Но при подобной катавасии
мы, в основном, живём в согласии.

27 марта 2001. Звенигород

Весна стучится в двери,
вернее, в окна.
Я скоро ей поверю
бесповоротно.

Пока ж на козни эти
гляжу с опаской.
Она ещё не метит
зелёной краской

ни мысли, ни тревоги,
ни озаренья.
Ещё надежд отроги
покрыты тенью...

Пусть кто-то в день грядущий
спешит пробиться,
стремясь к заветным кушам
с домашней птицей.

Там высветит мгновенье
в скрещенье линий
и радуги явление,
и хвост павлиний.

Нашёптывает вечно
упрямый кто-то,
что ждёт нас точно нечто
за поворотом.

27 марта 2001. Звенигород

Э.

Сколько время весит?
Кто ответит, пух?
Словно тесто месит
время плоть и дух.

Борода седая,
знать, не без причин.
Годы оседают
кольцами морщин.

Манит лоно лени,
остывает взгляд,
за спиною тени
выстроились в ряд.

Сколько весит старость?
Кто ответит, сны?
Что в золе осталось
от зарниц весны?

Что мы сохранили,
что мы сберегли?
Много ль пыли-гнили
выбросить смогли?

Мысли – клювом в темя.
А ответов нет...
Сколько стоит время?
Сколько стоит свет?

27 марта 2001. Звенигород

УТРО

1

Ни кузнечиков, ни мотыльков.
В мире всё ещё зыбко и смутно.
Из ромашек и васильков,
как птенец, вылупляется утро.

Может, в чём-то обманет меня,
может, ввысь в нём таятся ступени,
утро самого важного дня,
потому что все прочие – тени.

2

Уже пылает солнце на краю
Земли, чтоб обновить её одежды.
Паук-синоптик сушит снасть свою,
пронизанную бликами надежды;
река, стряхнувши груз туманных снов,
струит легко сияющие воды,
и лес хранит незыблемость основ,
часы и дни спрессовывая в годы;
объемлет душу благодатная тишь,
притягивают свет луга и рощи.
Сейчас взмахнёшь руками и взлетишь.
Что может быть естественней и проще?!

29 марта 2001. Звенигород

Какое утро
глядит в окно!
Сулит кому-то
покой оно.

Рай предвещает
простор без дна.
Взгляд восхищает
голубизна.

Весна хлопочет,
спешит весна,
ни днём, ни ночью
не зная сна.

Но нет покоя,
восторга нет.
Печаль не смует
пьянящий свет.

Вскрывает гласность
явлений суть:
в природе ясность,
в народе муть.

Март 2001. Звенигород

СОВМЕЩЕНИЕ

Мягкий день на снежных лапах
подошёл к моим глазам
и принёс далёкий запах –
чудодейственный бальзам.

Из иного измеренья,
из нездешней чистоты,
высветляя силу зренья,
наводя к весне мосты.

Совмещеньем зачарован,
я над явью вознесён.
Кем мне этот миг дарован?
Почему так ярок он?

И ничуть не странен даже,
убедительный такой,
брейгелевского пейзажа
гравированный покой.

Март 2001. Звенигород

ШЁПОТ

Скользят по следам тени.
Условна эпох граница.
Зелёная кровь растений
сквозь время легко струится.

И солнечный луч травы,
поющие гимн свету,
всегда и во всём правы,
проносят, как эстафету.

Вспять не потечёт Лета,
но шепчет трава, однако,
что смерть – поражение света,
что жизнь – отрицанье мрака.

30 марта 2001. Звенигород

В ясном небе легче пуха
реет облачная дымка.
На земле – томленья духа
и тревога-невидимка.

В небе гордое сиянье
и возвышенность величья,
на земле – всех бед слиянье
и на всём печать двуличья.

Но при том я всё же знаю,
тянет нас к привычным безднам.
Вся природа в нас земная,
лишь омытая небесным.

4 апреля 2001. Звенигород

ВЕСНА

Кроны деревьев купаются в голубизне,
солнце лучами листочки глазастые гладит.
Души и мысли рванулись навстречу весне,
даже и те, что у осени были в закладе.

Снова дремотную тишь тормозит круговерть,
в соки земные добавив хмельную закваску.
Скоро мне радуга скажет чуть слышно: – Поверь
в старую, но обретённую заново сказку.

Из поднебесья шальные кричат петухи,
доли не зная своей, да и знать не желая.
Рядом вороны, картавя, считают грехи
наши и всех, чья им памятна радость былая.

Сколько же нам в этом дрящемся мире дано!
Сколько чудес нас утешить торопят в горе!
Лишь улыбнись и открой в благовестье окно,
чтобы весна отразилась в распахнутом взоре.

27 апреля 2001. Ветлуга

ГЛУБИНКА

Порывы обволакивала тишь.
Покой блюли окрестные долины.
На землю небо скатывалось с крыш
и растворялось в зарослях малины.

Провинции российской мягкий свет
уводит взгляд в глубины мироздания,
где места для борьбы амбиций нет,
где вызревают силы созидания.

Реальности размытые черты
воображенье начисто стирают.
Как бескорыстно помыслы чисты,
стремясь к вершинам вечным по спирали!

Минувшее, сквозь отзвуки сочась,
нисходит в мир под солнечной эгидой,
и город наш мне кажется сейчас
всплывающей из мифа Атлантидой.

29 апреля 2001. Ветлуга

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Над закатами поздними
мягкий проблеск луны.
Все мосты между звёздами
навсегда сожжены.

Притяженьем повязаны
массы душ и планет.
Над столетними вязами
всеобъемлющий свет.

Горизонт ускользящий
остывает вдали.
Много зрелищ пока ещё
у старушки Земли.

11 августа 2001. Погорелка

Э.

Нами третье октября
отмечается не зря,
потому что это самый
светлый день календаря.

В этот день явилась ты
в мир земного тяготенья,
чтобы лечь легчайшей тенью
на кораллы и цветы.

Мир внезапно стал другим,
что-то сдвинулось незримо.
И отныне озарима
жизнь дыханием твоим.

3 октября 2001

ИНТЕРНАТ

Не мог предвидеть я, наверно,
расклада собственной судьбы,
когда в далёком сорок первом
Россия встала на дыбы.

Когда сплошным землетрясением,
как смертоносная волна,
по обезлюдевшим селеньям
прошла ослепшая война.

Не мог я видеть из «когда-то»,
растя под сенью Кызыл ту*
в суровых буднях интерната,
хватая вести на лету,

с тоской в степное небо глядя,
явлений постигая суть,
уже с прозрением во взгляде,
не мог узреть «когда-нибудь».

Подбрасывал я уголь в печку
и скармливал огню курай,
и удочкой тревожил речку,
поскольку здесь был мирный край.

Да, где-то здесь хранится детство,
оставившее чёткий след.
Я от него принял в наследство
все эти шесть десятков лет.

Опять стою на берегу я –
жизнь отражается в реке...
И только удочку другую
сегодня я держу в руке.

Ноябрь 2001

* Кызыл ту – колхоз «Красное знамя» под Алма-Атой.

БЕСЕДА

Я не в ладах с настырной новью
и в протяжённости нетленной,
придвинув небо к изголовью,
веду беседу со Вселенной.

Неторопливо и негромко,
но пристально и отрешённо.
И вечная головоломка
предвидится почти решённой.

Вот, кажется, ещё немного,
и я постигну смысла тайну,
и тайну снов, и тайну Бога –
всего, что в жизни не случайно.

Пусть только шум не потревожит
гармонии души и тела.
Ведь, в сущности, пустяк, и всё же...
Но, может, и не в этом дело.

А в чём? Как зыбка тень ответа!
Как брэнна вечности изнанка!
И вновь является примета
не пригодившейся болванкой.

14 декабря 2001

СИЛУЭТ

Оставаясь всем чужим,
человек непостижим.
Сколько предстоит ему
отделять от света тьму;
сколько троп крутых пройти,
прозревая по пути,
сколько раз упасть на дно,
с тварной гнилью заодно,
чтоб увидеть хоть на миг
(явь ли то, сознания ль сдвиг?)
в неразгаданной тиши
силуэт своей души!

25 декабря 2001

НА ВЫСТАВКЕ

Реалиям всем вопреки
живу почти наяву,
под тихий напев реки
плыву сквозь веков молву.

В абсурдности бытия
звезды путеводной нет.
И всё же душа моя
ещё излучает свет.

Изорвано время в клочки,
но я и этому рад.
Сквозь розовые очки
на Чёрный гляжу квадрат.

28 декабря 2001

ДИСТРОФИКИ

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

Когда, затерянный в толпе,
я под эгидой мимикрии
скольжу по хрупкой скорлупе,
прикрыв плащом дырявым крылья,

меня звезды далёкой взгляд
лишь безошибочно отметит,
и мне одна она лишь светит,
даря энергии заряд.

19 марта 2001. Звенигород

Я облака пытался заманить
сквозь форточку, открытую напрасно.
Что взглядом их движение изменить
бессмысленно, мне скоро стало ясно.

Но если б я лишил их высоты,
не мог бы, верно, я смотреть без боли
на это осквернение красоты,
на облака, живущие в неволе.

20 марта 2001. Звенигород

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЫБАКА

Души легчайший поплавок
надёжно связан с телом.
И эту связь порвать не смог
никто в порыве смелом.

А тело без души мертво
веле́ньем высшей власти.
Да и душа, она тово,
что поплавок без снасти.

4 апреля 2001. Звенигород

Раз Фрейд приснилась
влюблённая в тело душа.
Взяла и влюбилась,
к блаженству бездумно спеша.

А тело хотело покоя.
Оно избегало тревог.
Решить уравнение такое
Сам Фрейд, как ни бился, не смог.

4 августа 2001. Погорелка

МЕЛОЧЬ

В пронзительной безбрежности,
где Лета не течёт,
грехи, а не погрешности,
имеют вес и счёт.

—

По-разному до нас доходят вести.
Я истине, открывшейся мне, рад.
Я понял, что в одном и том же месте
веки пребывают Рай и Ад.

—

Нашей Муське

Хоть ешь и пьёшь совсем немножко,
но ты – увесистая кошка!

—

Бычье обличье,
здоровье коровье.

—

Что комару орёл?!
Да кто ж его боится?
Вот стрекоза –
опаснейшая птица!

—
Не любит алкоголиков река.
Не то чтобы совсем их не выносит,
выносит, и порой издалека.
Глядишь – на отмель вынесет и бросит.

—
Когда за окном непогода,
подумай о муках народа.

2001

Как-никак, а век мой на исходе.
Что ж, всему отмерен должный срок.
Не случайно всё, что происходит
на пересечении дорог.

Многого сегодня не приемлю,
в небе тает оптимизма след.
Злые ветры лихо кружат землю,
и спасенья от безумья нет.

Как от одичания укрыться?
В детство впасть иль выпасть из игры?
Иль, огородив своё корытце,
просто отключиться до поры?

Можно выжить. Всё не так уж плохо,
только вот настанет ли пора?
Если изнутри гниёт эпоха,
значит, зреет Чёрная дыра.

Затмевает солнце мысли эти,
червь настырный благодать грызёт.
Может, где-то на другой планете
яйцеклетке больше повезёт.

В будущее светлое не верю,
на него давно махнул рукой,
ведь не зря в душе стальные двери
охраняют призрачный покой.

7 января 2002

СОН

Э.

Со мной этот сон смотри.
Простор золотит заря.
Мне снится, что я внутри
мыльного пузыря.

Вот я над землёй лечу,
в радужный вписан шар,
солнечному лучу
спеша принести свой дар.

Но мыльный пузырь – фантом,
и век его – краткий миг.
Не ведая сам о том,
он только сознания сдвиг.

Лечу я, но ясно мне:
надежды на чудо нет.
Он лопнет, и лишь во сне
останется смутный след.

Не сможешь и ты помочь
и предотвратить беду,
когда, возвращаясь в ночь,
на землю я упаду.

8 января 2002

МОРДОХВОСТ И БРЮХОНОС

Шёл по лесу Мордохвост
в шляпе типа мухомор,
несмотря на крупный рост,
трезвый с некоторых пор.

А навстречу ковылял
обнаглевший Брюхонос.
И, хоть был он ростом мал,
громко чушь по пьянке нёс.

Мордохвост взроптал на жизнь
от обиды и стыда.
Так пути их разошлись
с Брюхоносом навсегда.

10 января 2002

Здесь, где в сияющей глуши
свою лелею лень я,
легко творят настрой души
горящие поленья.

Здесь формирует огород
особый угол зренья,
и чисто будничный восход
дарует озаренье.

И, убеждённый тишиной
в реальности природы,
тону в безбрежности сплошной,
где растворились годы.

18 января 2002

Важнейшее из всех основ,
куда важней правописанья –
сцепленье разноликих слов,
их сочетанья и касанья.

Я эту истину постиг
(порой случается такое!)
и в этот год, а может, миг
лишился навсегда покоя.

Я соответствия искал,
в них находя для мыслей пищу,
и взглядом пристальным ласкал
словесной флоры корневища.

Игра? Но разве не игра
вся наша жизнь со смертью вкупе?
Стихи же – суп из топора,
который неуместен в супе.

21 января 2002

СЛЕД

А. Ч-ой

Мне жаль и бездаря, и гения,
которым застит белый свет
маниакальное стремление
оставить на земле свой след.

Чтоб знать, что не напрасно прожиты
тебе дарованные дни.
Ведь для чего-то лез из кожи ты –
успех бессмертию сродни!

О, жажда втиснуться в Историю,
не раствориться в пустоте!
Оно заманчиво, не спорю я,
да только виды здесь не те.

Жизнь колобком румяным катится
и в ней самой и смысл и цель.
А если не на то потратится,
так что пенять на карусель.

Иду тропой, сто раз исхоженной,
где, встретивший со мной рассвет,
грозой недавней обнадёженный,
червяк оставил чёткий след.

28 января 2002

Жизнь раскидала друзей, как поленья костра.
Многих и вовсе до срока уже погасила.
Верно, поэтому стала печаль так остра,
и притупилась зовущая к ясности сила.

А ведь как прежде парит над рекою туман,
солнце с луною играет по-прежнему в прятки,
и тишины неоглядной трёхмерный обман
очень легко убеждает, что всё, мол, в порядке.

Счастье – в гармонии внешних и внутренних сфер,
время же, в сущности, веса почти не имеет.
К вечности гирику нельзя подобрать, например,
явно нельзя, математикам, впрочем, виднее.

Времени ход беспощаден и неумолим.
Каждый по-своему в нём и печален, и весел.
Радуга, соединившая сферы дыханьем своим,
всё обесмертит и вечность легко перевесит.

2 февраля 2002

Вера в Бога сама – Божья милость,
но при этом не трудно понять:
христианство – система на вырост,
так сказать, неподъёмная кладь.

Как приманчивы райские кущи!
Только слишком до них далеко.
По Христовым заветам живущих
в наше время сыскать не легко.

Ну, а прочие только бормочут,
свечки жгут да обряды блюдут,
выбирая и путь покороче,
и чтоб не был ухабист и крут.

Замирают в прилюдном поклоне,
никому не простив ничего,
и Христа видят лишь на иконе,
где застыл скорбный образ его.

4 февраля 2002

Когда безумья прорастают зёрна,
беспечность исчезает без следа.
Как тишина сегодня иллюзорна!
Обманчива она, как никогда.

День догорел. В полях затихла птаха.
Покой простор остывший охватил.
И я из глубины земного праха
гляжу на медитацию светил.

И хоть они и далеки, и немые,
их пульс Земли тревожит всё сильней.
Решают звёзды трудную проблему,
что делать им с планетою моей.

8 февраля 2002

О, чудо ретрансляции,
могущество антенн!
Пространство растворяется,
захваченное в плен.

От полюса до полюса
почти что без помех
звучит журчанье голоса,
и музыка, и смех.

Но вот всё постороннее
от чувств отключено.
Глядит Луна бессонная
в бездонное окно.

Спустилась ночь со спутника,
и я услышать смог
физалиса и лунника
душевный диалог.

11 февраля 2002

ТВОРЕЦ

В жизни много путей и тропинок,
но дорога творца вместе с ним
родилась, чтобы вёл поединок
он с врагом многоликим своим.

К совершенству зовущая мука
и слепой безоглядный полёт,
диктатура всевластного звука
и расчёта подспудного лёд.

Метит в сердце звенящая строчка
меломанов, шаманов и жриц.
А для прочих – лишь слов оболочка,
скорлупа от разбитых яиц.

Для него всё привычное странно.
Он приветствовать часто готов
на едва затянувшихся ранах
лепестки мимолётных цветов.

Оттого-то бесстрашно и стойко
он встречает угрозы грозы.
Между ним и пространством прослойка,
впрочем, тоньше крыла стрекозы.

Запредельных эпох дуновенье,
где с вопросом созвучен ответ,
приоткрытые створки мгновенья,
преломлённый безумием свет...

12 февраля 2002

АВТОПОРТРЕТ В. ЯКОВЛЕВА

Со стенным ландшафтом слит,
и нигде, и рядом,
на меня Портрет глядит
неподвижным взглядом.

Замер он в забытом дне –
плод мечты и бреда.
Видно, что-то хочет мне
о себе поведать.

Но порой при свете дня
то его тревожит,
что чего-то про меня
он сказать не может.

13 февраля 2002

ЛУГОЦВЕТ

Как славно и спокойно тут
среди пёстрого убранства.
Лишь крылья бабочек стригут
здесь время и пространство.

И стрекоза свои глаза
несёт на тонких крыльях.
Сияют всюду образа,
что взглядом приоткрыл я,
чтоб навсегда в себя впитать
блаженство и отраду,
и в них слова свои вплетать,
и видеть в том награду.

13 февраля 2002

МУЗЫКА И СЛОВО

Музыка звучит во всём,
слово – в сердце человечьем.
Мы в себе его несём
безысходности навстречу.

Слово музыке сродни.
В нём одушевленье звука.
Может быть, слова одни
есть бессмертия порука.

И свою являет власть
неизменно, вновь и снова
ускользающая связь
между музыкой и словом.

14 февраля 2002

ЖИВАЯ ВОДА

Э.

В Москве я редко воскресаю рано,
печь не топлю (ни печки тут, ни дров),
и воду получаю из-под крана,
и мне хлопот не доставляет кров.

Душой и телом я люблю свой город.
Я вместе с ним цвета менял и рос.
Меня ласкал он и хватал за ворот,
порой опасный задавал вопрос.

Моя судьба с его судьбою слита,
насколько можно доверять судьбе.
Здесь был пропущен сквозь двойное сито
и здесь на верность присягнул тебе.

Но есть в глуши российской деревушка,
меня усыновившая не зря,
где над рекой нависшая избушка
глядит, как разгорается заря.

Здесь воздухом, настоящим на травах,
просторно дышит вольная река,
здесь проступает мох на пнях корявых,
и ласточки ныряют в облака.

И у меня тут отрастают крылья,
где терпеливо ждёт меня всегда
не сказкой порождённая, а былью,
живая родниковая вода.

16 февраля 2002

Подобно многим, в Бозе
почившим, видит бес,
и я искал в навозе
жемчужных зёрен блеск.

Пускай не так упорно,
пускай смеясь порой,
я верил в эти зёрна,
захваченный игрой.

Но уходил всё чаще
туда, где, сея лад,
сокровищ настоящих
хранился дивный клад,

где, прячась в травах росных,
счастливый взгляд маня,
жемчужных зёрен россыпь
сияла для меня.

18 февраля 2002

Быть может, мысля и темно и вяло,
и в том не уподобясь февралю,
из очень разнородных матерьялов
сегодня я минувшее творю.

Я выбираю то, что мне по вкусу
(а может, выбираю и не я),
и возвращаюсь в Трою и в Тарусу,
и в прочие чудесные края.

Сомнений безответственные крохи
вливают на растерянность мою.
То узнаю окрестные эпохи,
то, кажется, совсем не узнаю.

Скачу верхом и странствую в карете,
стремясь к неведомому рубежу,
и, наконец, себя нигде не встретив,
я, как паломник, в дом к себе вхожу.

19 февраля 2002

Всё перемелется. Баланс добра и зла
души преображённой не встревожит.
Куда б её судьба ни завезла,
она уже озлобиться не сможет.

Её несправедливость не смутит,
не возмутит её паденье нравов,
ни власти ненасытный аппетит,
ни нелюдей взбесившихся орава.

С участием просветлённая душа
глядит на всё, что проплывает мимо.
Утопия ведь тем и хороша,
что лишь во сне она осуществима.

20 февраля 2002

ПОИСКИ БЕССМЕРТИЯ

Конечно, египтяне были умными.
Загробной жизни высока культура.
От фараонов оставались мумии,
но мумия ведь даже не скульптура.

Они упорно жаждали бессмертия.
Их песнь кончалась на высокой ноте.
Они обожествляли их, наверное,
тюки законсервированной плоти.

Для них звучал бы дико и кощунственно
призыв: – Не сотвори себе кумира, –
а мир воображаемый был чувственным,
и не было у них иного мира.

Папирус возвестил величье книжности.
В чести в Египте не были невежды.
И, даже пребывая в неподвижности,
до нас дошли их вера и надежды.

Но с древними равняться египтянами
нам не с руки. Признаю, меру зная –
не быть нам никогда такими рьяными,
у нас ментальность всё-таки иная.

Не то чтобы мы были неумелыми
иль не пеклись о вечном неустанно,
ведь собственные мумии имели мы
и обожали страшных истуканов.

Но как-никак прошли тысячелетия
дорогами чудес, людьми творимых,

и мы себе в бессмертие наметили
пути другие, что реально зримы.

Гляжу, как на экране воплощается
актёр, земную роль свою сыгравший;
он к нам живым, как прежде, возвращается,
как будто и не умер он однажды.

Куда там египтянам с их затеями!
Им и не снилось этокое чудо.
Там только вера, что давно затеряна,
а может, к нам пришедшая оттуда.

Плоды пытливой мысли и усердия...
Поди сегодня на прогресс посетуй!
Тут налицо все признаки бессмертия,
объект лишь заменён пока кассетой.

22 февраля 2002

МОСКВА – ВЕТЛУГА

Отправясь в точку «В» из точки «М»,
перехожу в другое измеренье
без острых мегаполисных проблем,
что притупляют и сужают зренье.

Теряют власть прожитые года
и, бойкая в делах такого рода,
усталость мысли талая вода
уносит вдаль, в другое время года.

Так плавно начинается полёт
из полумрака к праздничному свету.
Зима весне меня передаёт
привычно и легко, как эстафету.

23 февраля 2002

Ещё не проросла рассада в сны,
зелёный сок не оживил картину;
ещё невнятны голоса весны,
и запахи почти не ощутимы.

Но скоро небо землю призовет
вступить в союз во имя жизни вечной,
и стаи птиц отправятся в полёт,
хоть встретятся с весной не все, конечно.

Готовя декорации на слом,
уже идёт подспудная работа.
Захлёбываясь солнечным теплом,
преображенья ввысь взметнётся нота.

И радостью одарит, как всегда,
пространство, неделимое на части...
Не надо лишь подсчитывать года,
и этого достаточно для счастья.

24 февраля 2002

Не успел ещё город расстаться
с черноснежьем, похмельным на вид,
а меня тридевятое царство
в безоглядность сманить норовит.

Преждевременна резвость такая,
да и планы ещё не ясны,
но уже календарь намекает
на коварную близость весны.

Впрочем, времени власть иллюзорна.
Суету отменяя и гам,
я умножу свою дальноркость
на тоску по цветистым лугам.

И уеду я, сбросив оковы,
часть проблем прихватив сгоряча,
тишину и бальзам родниковый
получать по рецепту врача.

26 февраля 2002

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ

Живу в пространстве, солнцем озарённом,
но и Луна мне дарит блик печали.
И, будучи природным Скорпионом,
я этого почти не замечаю.

Во мне размыты родственные связи,
ослабли генетические узы.
Я не пытаюсь лезть из грязи в князи
иль шар чужой вытаскивать из лузы.

Мне, безусловно, чужды скорпионы.
Их агрессивность я не уважаю...
И ландыши, фиалки и пионы
мне родственные чувства выражают.

1 марта 2002

НОЧНОЙ ЭСКИЗ

При свете убывающей луны
цветы стыдливо прикрывают лица,
и тень куста стремится воплотиться
в скульптурный облик здешней тишины.

Ночная жизнь таится до поры,
дневная жизнь с поверхности исчезла.
И облако решило, что нечестно
скрывать от слабых правила игры.

Секрет успеха в дисбалансе сил.
Ну, а игра всегда одна и та же,
в которой проигравший не расскажет,
какую он ошибку допустил.

Свидетелей обычно не найти,
да и кому нужны они, не знаю.
Наутро снова свяжет ширь сквозная
земные и небесные пути.

2 марта 2002

Весь день с утра накрапывает время,
и тонет город в будничной мороке.
И я скучаю, как султан в гареме,
и вяло перечёркиваю строки.

Хотелось бы создать, конечно, нечто
из ничего, из мимолётных пятен,
которые пронесит мимо речка,
чтоб не склевал их ворон или дятел.

Однако мысли, в образы ныряя,
уныло возвращаются оттуда.
И всё же где-то, может, за морями
с моей подачи происходит чудо.

3 марта 2002

ТВОЯ ДОРОГА

Дорог на свете много.
Тяжёл сомнений гнёт –
ведь каждая дорога
куда-нибудь ведёт.

Но нужно не куда-то,
а именно туда,
где тот пейзаж, та дата,
та радость и беда,
что ждут, как говорится,
страдая и любя,
не сказочного принца,
а именно тебя.

И все дороги явно
зовут в свои края,
и нет дороги главной,
но где-то есть твоя.

Как угадать приметы?
Та – в горы, эта – в лес.
Видать, у каждой в этом
есть личный интерес.

Она нас встретить рада,
но, чтобы выйти к ней,
свою тропинку надо
торить немало дней.

4 марта 2002

ОБ ОДЕЖДЕ

Не обживал я смокинги и фраки;
тем не горжусь, но и не сожалею.
Порой мне доводилось жить в бараке,
но никогда я не носил ливреи.

Не привелось мне и военной формы
осваивать крутую диктатуру.
Вот лагерный бушлат, в пределах нормы,
пришлось мне потаскать, конечно, сдуру.

Всё это так, в порядке исключения,
для умозрения и самосознания,
что не имеет, может быть, значенья,
но, безусловно, углубляет знания.

Нарядов роскошь не слепит мне зренья.
К чему она? Мне лишнего не надо.
Я лишь порой на птичье оперенье
завистливым поглядываю взглядом.

5 марта 2002

Изменяюсь, болею, старею,
на закаты всё чаще смотрю.
Говорю я всё реже: – Скорее! –
не спеша подрулить к ноябрю*.

Неприглядна картина такая,
но другой я, конечно, не здесь.
Понемногу к себе привыкаю,
не к тому, а к такому, как есть.

Привыкаю почти без печали,
принимаю мгновений дары,
из того, что пугало вначале,
извлекая икринки игры.

Есть в игре той покой и движенье,
и потери есть, не утаю.
Но в зеркальном своём отраженьи
я порою себя узнаю.

6 марта 2002

* В ноябре у автора день рождения.

Э.

Нет, резонанс не обязателен,
хотя полезна всё же книжица.
Чем меньше у меня читателей,
тем убедительнее пишется.

Сегодня вязнут люди в будничном,
однако, эхо откликается.
И, может, очутившись в будущем,
мой стих в пристрастьях не покается.

То беззащитный, то безжалостный,
он был судьбой и утешением.
И ты прости его, пожалуйста,
за все земные прегрешения.

7 марта 2002

Сократ был в обвинениях неистов.
Душою не крививший никогда,
он, будучи упрямым моралистом,
не избежал народного суда.

Болезненно воспринял смерть Сократа
его любимый ученик Платон,
который Аристоклом был когда-то,
и продан в рабство был однажды он.

И Аристотель был прославлен очень.
Он Александра славного взрастил,
потом открыл ликсей в Афинах, впрочем,
был обвинён, бежал что было сил.

Пророк в своём отечестве не нужен,
тем паче с человеческим лицом.
Опасно быть философом, к тому же,
когда слывёт философ мудрецом.

11 марта 2002

Мы живём в немыслимое время,
ну, в каком-то виртуальном мире,
где, согласно некой теореме,
глубже все явления и шире.

Нам легко Журавль даётся в руки.
Гром сенсаций нас не оглушает.
К чудесам рекламы и науки
очень привыкаемость большая.

Говорят, один музей при МИДе,
может, чтобы досадить соседям,
выставляет в натуральном виде
шкуру неубитого медведя.

11 марта 2002

ПОГОРЕЛКА

Как узнать, что крупно, а что мелко?
Всё меняет вдруг такая малость!
Тихая деревня Погорелка
в жизнь мою вошла и в ней осталась.

Так мы повстречались с ней когда-то.
Знать, звезда была к нам благосклонна.
Лето от восхода до заката
стало и просторно, и бездонно.

Скоро четверть века неразлучны,
мы неотделимы друг от друга.
Мною светлый мир её озвучен,
сны реки и благовесты луга.

Солнце время в память переплавит,
высветит в минувшем чьи-то лица,
все порывы по местам расставит,
что в дальнейшем, верно, пригодится.

Радость и печаль невыразимы.
Это знают звёзды и деревья.
Каждый год я увожу на зиму
в шумную Москву свою деревню.

19 марта 2002

Нет, подобную привычку
не приемлет разум наш.
Запахнул художник птичку
в нарисованный пейзаж.

Эта птичка бодро пела,
прилетая к нам сюда,
а теперь оторопела
и застыла навсегда.

Ей уже не порезвиться,
не порадовать птенцов.
Ну, кому мешала птица,
Божий дар, в конце концов?!

Ей не вырваться отсюда,
не взметнуться в небеса.
Не надеюсь я на чудо,
редки стали чудеса.

Ты, художник, вникни в долю
опечаленной зари,
птичку выпусти на волю,
а меня в пейзаж запри.

21 марта 2002

Пишется легко порою мне,
просто, отключив на время тело,
надо подключиться к тишине,
той, что в глубине души созрела.

Надо только уловить волну
и поплыть в немислимые выси,
к их бескомпромиссности прильнув,
глядя в бесконечность взглядом рыси.

Всё произойдёт само собой,
мысль пробьётся к вымыслу, однако,
знаю, над удачею любой
нет опознавательного знака.

Есть слепой полёт и тишина,
из которой ясность прорастает,
до невероятности простая,
что не мне лишь одному слышна.

24 марта 2002

Когда в нору я уползал,
зажмурившись и стиснув зубы,
мир подступал к моим глазам,
шумел назойливо и грубо.

Он беспардонно проникал
в меня сквозь поры чувств и страхов,
и не ослабевал накал
того, что порождалось прахом.

Он явно слабинку искал,
своих амбиций не скрывая.
Сродни ухватистым тискам
была и щедрость роковая.

Несоразмерностью маня
того, что суетно откроешь,
он намекал, что для меня
ему не жаль своих сокровищ.

Постигнув опытным путём,
что роскошь зла и иллюзорна,
непродуктивно день за днём
проращивать аскезы зёрна.

Где потеряешь, где найдёшь,
лишь Богу одному известно.
Но миражей цветная ложь
днесь плотьядна, словно бездна.

26 марта 2002

ЗНАКОМОЕ...

Хорошо нам всем знакомое,
неприглядное на вид,
есть такое насекомое –
патриот-антисемит.

Вечный пакостник и пьяница,
этот псевдопатриот
неуклюже притворяется,
будто любит свой народ.

Путь ему заказан праведный.
Обречённый зло творить,
ядом зависти отравленный,
что он может полюбить?!

28 марта 2002

МОЯ ПЛАНЕТА

В минувшее открою двери,
презрев зарок –
приобретения... потери...
пунктир дорог...

Я пересёк (а цель видна ли?)
с толпой калек,
похоже, по диагонали
двадцатый век.

И перебрался в двадцать первый
невзрачным днём,
чтоб увидеть, какие перлы
созреют в нём.

Я знаю, в глубь его внедриться
мне не дано,
что ж, я и с этим примириться
готов давно.

Она в плену смертельной жажды
(грядёт беда!)
лишится прошлого однажды
и навсегда.

Но жаль, что ко всему готовый,
я, видит Бог,
моей планете непутёвой
помочь не мог.

30 марта 2002

Лежу, гляжу на потолок,
он для меня экран.
На нём ни близок ни далёк
набросок разных стран,
пересечения путей,
и горы, и моря,
ну, много фактов и затей,
короче говоря.

При этом надо выбирать,
куда забросить взгляд;
кого любить, кого карать,
взбодрив словесный ряд.

Здесь всё желаниям под стать,
как это ясно всем.
И взгляд на землю опускать
не хочется совсем.

31 марта 2002

Различны земные пути,
но суть нам известна заранее –
всё внешнее, как ни крути,
всего лишь среда обитания.

Порой беспросветна она,
случается – благоприятная,
вплоть до горизонта видна
утроба её необъятная.

Но есть её власти предел,
когда происходит фильтрация,
и скопища суетных дел
рассеет легко девальвация.

Так пусть не коснётся души
чужое, враждебное, злобное...
Подумай, взглядишь, не спеши
принять за святое подобное.

1 апреля 2002

На гребне сна в окно влетают вести.
Всё больше разрушительного свойства.
Процесс, понятно, не стоит на месте,
и этот факт внушает беспокойство.

Он очень убедительно внушает,
лишая животворной перспективы,
что, впрочем, веселиться не мешает
всем, кто всю жизнь вложил в аккредитивы.

Спасенье тщетно ищут наркоманы,
соскальзывая в мир фантазмагорий,
и тонут в бездне вечного обмана
себе и окружающим на горе.

Их не влечёт мертвящий блеск успеха,
им не за что мечтою зацепиться,
и голосов их призрачное эхо
клюёт ворона, сумрачная птица.

А тех, кого страшит судьба Помпеи,
преследуют стремительные страсти,
но усыпляет их Фармакопея
лекарствами от всех земных напастей.

2 апреля 2002

ВОЛГА

Причудлива словесная игра,
покорная извивам и изъяснам.
Когда-то Волга называлась Ра,
что так созвучно древним египтянам.

Жрецы, конечно, долгие века
своих богов храня весьма умело,
не ведали о ней, ведь та река
к их Нилу отношенья не имела.

Но канул в Лету устаревший стиль,
в реке самосознание проснулось,
и эта Ра, пройдя через Итиль,
нам всем на радость Волгой обернулась.

3 апреля 2002

Есть на земле неяркий, тихий край.
Не край земли, скорее середина.
Там широко звучит вороний грай
и гасит пыл безликакая рутина.

Провинции российской суета
неспешная, простая, трудовая
и приземлённостью своей свята,
в которой есть всегда душа живая.

Казалось бы, ну что ей до меня,
полжизни обходились друг без друга.
Но вот однажды в ярком свете дня
мы встретились негаданно, Ветлуга.

Мы встретились однажды навсегда.
Была ли неизбежна эта встреча?
Я верю, что меня вела сюда
звезда. Я шёл за нею не перечая.

И пусть не в Рай земной она вела,
который и на небе мне не нужен,
мне робость васильковая мила
и эта рябь, скользкая но лужам.

Здесь комары усугубляют зной,
но с каждым годом дали всё красивей,
и яблони, посаженные мной,
вросли корнями накрепко в Россию.

5 апреля 2002

Темны контакты тела и души,
и не всегда понятен диалог,
что здесь они ведут, в земной глуши,
среди скрещенья множества дорог.

Порою их расходятся пути
и редок между ними компромисс.
Нередко тело говорит: – Прости,
ты тянешь ввысь, а мне охота вниз.

Такой вот безответственный разлад.
А ведь они хоть в дальнем, но родстве.
И трудно избежать путёвки в Ад,
тем более, живя сейчас в Москве.

Меж телом и душой бесспорна связь,
но мы слиянья тут напрасно ждём.
Не пристаёт к душе земная грязь.
Я в этом многократно убеждён.

7 апреля 2002

В плену неадекватных чувств
слабеют все желания.
У самого себя учусь
искусству выживания.

Прогорклым фактам вопреки,
наперекор бессилию
ищу в мерцании строки
целительную линию.

Реалий мрачных сторонясь,
в тиши ночного бдения
миров осуществляю связь
и соприкосновения.

Надежда не отмычка – ключ,
вручаемый паломнику.
За солнечный хватаюсь луч
в себе, как за соломинку.

8 апреля 2002

ДОМ НА КЕЦХОВЕЛИ

Л. Гудиашвили

Тот дом я посещал не раз,
как Пушкин и как Грибоедов.
Здесь пролетал за часом час
за упоительной беседой.

В тиши, за гранью суеты,
столь чужеродного вначале,
картины, люди и цветы
меня приветливо встречали.

И стоило коснуться лишь
остывшего, казалось, пепла,
как в этот зал вплывал Париж
со всем, что в нём цвело и крепло.

Друзья хозяина тех лет –
Сутин, Пикассо, Модильяни –
тут все, чей протянулся след
в чудесный мир воспоминаний.

Я находил здесь что искал,
когда, осмысливая были,
мне «Тетру» подливал в бокал
седой Ладо Гудиашвили.

А со стены на нас Нино
глядела долгим, нежным взглядом
и это светлое вино
пригубливала, сидя рядом.

12 апреля 2002

Что скрыто в недрах утомлённых глаз,
прорвавших сеть несовершенства мира?
Что взгляду обесцвеченному мило
в раскладе звёзд взахлёт и напоказ?

Попробуй-ка укромно угнездиться
под зонтиком взметнувшейся волны,
которая размазывает лица,
лишая их объёмной глубины.

Чернильный всплеск в сиянье акварели
в душевных сферах производит сдвиг.
И не собрать рассыпанные трели,
сознание обманувшие на миг.

Посыл зеркал дробится и бликует
в предчувствии золы, соцветья зол,
и вникнуть в ситуацию такую
не в силах возвышающий озон.

Мелодия вершин звучит всё глуше,
а короед грызёт за слоём слой...
Кто виноват, что высохшие души
заклинило меж небом и землёй?!.

16 апреля 2002

НА УЛИЦЕ НЕЖДАНОВОЙ

Ах, детства златорунная пора!
Ты озарила жизнь мою едва ли.
Во глубине московского двора
я рос, как шампиньон, в полуподвале.

Как много завязалось тут начал
на дне восьмиэтажного колодца.
Казалось, он почти весь мир вмещал,
ну что там, в самом деле, остаётся!

В бурлящий мир влекущее окно,
придворной жизни радости и беды...
Не так уж мало было мне дано,
хоть я, конечно, этого не ведал.

Коньки, ходули, лыжи, самокат
и фантиков азартно-жаркий омут,
и крыши, и в кольце акаций сад...
Ну, что ещё родному нужно дому?!

И даже школа, тут же во дворе,
чтоб путь к взросленью был не слишком долог,
чтоб я, питаясь манной, на заре,
и дальше сохранял духовный голод.

Открыл я рано зазеркалье книг,
однажды навсегда проникся словом
и сам в его владения проник
и в них всегда готов внедряться снова.

А время... Но его бессильна власть,
власть мнимая, коль пристально взглядеться.
Мне не грозит опасность в детство впасть,
поскольку я не выпадал из детства.

17 апреля 2002

От жизни что могу беру
уже немало дней,
прорыв во времени нору,
я пребываю в ней.

И выползать на белый свет,
что потемнел давно,
желанья никакого нет
с резонансом заодно.

Так и живу я до поры
(да точно ли, живу?).
Никто нигде моей норы
не видел наяву.

25 апреля 2002. Ветлуга

Вокруг камышовой купели,
за рядом сомкнувшийся ряд,
зелёные сосны и ели
на вахте бессменной стоят.

Они не ведут себя грубо,
и всё же, рисуясь слегка,
на ветви безлистого дуба
глядят до поры свысока.

Но солнце-то знает им цену,
и птицы о том говорят,
что выйдет вся роща на сцену,
надев изумрудный наряд.

29 апреля 2002. Ветлуга

ФАНТАЗИЯ НА ТЕМУ

Э.

Весенний дождик бодро
стирает пыль с простора
и наполняет вёдра
под крышей, у забора.

Охотно вишни мокнут,
и клён доволен вроде;
в распахнутые окна
державно небо входит.

Ты дремлешь на диване,
для времени излишки;
в печи огонь с дровами
играет в кошки-мышки.

И тишина покоя
доверчиво нависла...
Бывает же такое
в пространстве, полном смысла!

29 апреля 2002. Ветлуга

Почки вызрели на клёнах,
пьют апрельской яви соки.
Скоро листиков зелёных
на ветвях настанут сроки.

Муравьи ползут наружу,
на свою вернувшись ниву,
и уже лягушка лужу
обживает терпеливо.

Да, весна в земных просторах
круто тесто замесила.
Ей покой совсем не дорог,
бродит жизненная сила.

Заполняя кубатуру,
солнце с высоты небесной
высветляет партитуру,
дирижируя оркестром.

30 апреля 2002. Ветлуга

Вглядываясь в сонную глубину,
утро первомайское льнёт к окну,
чтоб меня непрошено, как-нибудь,
в канитель весеннюю затянуть.
Подаёт мне солнце условный знак:
праздник, мол, пришёл уже как-никак.
И хоть этот праздник давным-давно
в детстве затерялся, но всё равно,
словно отблеск радуги, пусть на миг,
в душу зашлакованную проник.
И моей инертности вопреки,
песню подхватившая у реки,
подсказать пытается мне слова
на ветвях повисшая синева.

1 мая 2002. Ветлуга

Слишком быстро погружаюсь в старость.
Седина внутри наружу рвётся.
Может, в жизни только и осталось
изнывать от жажды у колодца.

Становлюсь в пространстве этом шумном,
в многоцветья праздничном мельканье
то ли линз системой хитроумной,
то ли комбинацией зеркальной.

Слишком часто явь небрежно ранит,
грубо топчет радости росточки.
И устало отражают грани
пустоту в рекламной оболочке.

2 мая 2002. Ветлуга

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ

Ввысь всегда стремятся гены,
им земли пространства мало.
Молний чуткие антенны
ловят душ людских сигналы.

В космос их волна уносит,
в ясный мир межзвёздной стужи,
впрочем, ясности в вопросе
этом я не обнаружил.

Человечества микробы
в бесконечность проникают
для того, конечно, чтобы
стать безумья двойниками,
чтоб нарушить безупречность
часового механизма,
заманив, к примеру, млечность
грубой силой магнетизма.

Вот какие планы зреют
в тихом омуте науки,
где коварные явреи
извлекают ультразвук.

5 мая 2002. Ветлуга

МАЙ

Растёт на ферме поголовье мух.
Грозу уже готова встретить нива.
Из облаков выклёвывая пух,
пернатые хлопочут суетливо.

Льнёт к солнцу миротворный белый цвет,
соседствуя местами с розоватым.
Душа легко летит за взглядом вслед
туда, где мысли чувствами чреваты.

И головокружительный обман,
ниспосылая тишину забвенья,
возводит отрешённость в некий сан
и разрывает временные звенья.

9 мая 2002. Ветлуга

Эмбарго объявив на междометия,
лихому удивляясь виражу,
из глубины двадцатого столетия
на облик двадцать первого гляжу.

И пусть при дальнорзости умеренной
за горизонт не проникает взгляд,
я вижу всё, что видеть мне доверено,
наглядностью людской в осаду взят.

Всё движется, и всё на стержень нижется,
и цель непостижима до поры.
А впрочем, не одна крутая книжица
озвучила нам правила игры.

И если заблудилось человечество
в бестрепетной компьютерной глуши,
оно заёмным словом не излечится,
за неимением общности Души.

Созреет плод, возвещенное сбудется,
и суть не в том, кто прав, кто виноват.
Надежда – безответственности спутница
внедряет в миражи Эдемский сад.

11 мая 2002. Ветлуга

В мае дышится легко,
мир призывно светел.
В пышных кронах облаков
затерялся ветер.

Солнце тени шевелит
чуткими лучами,
и бревно итожит вид
лодкой на причале.

Ты и сам сейчас мечты
поднимаешь парус,
за собою сжечь мосты
явно порываясь.

Видно, выпал нужный туз,
а везёт нечасто.
Как легко ты сбросил груз
личного балласта.

Но очнёшься – всё не то.
У земного края,
между жизнью и мечтой
мостик догорает.

12 мая 2002. Ветлуга

В небе бродят облака и тучи.
Май тепло придерживает где-то.
Ветер продирается сквозь сучья,
чтобы развести весну и лето.

И Луна, капризам потакая,
вниз глядит с холодным интересом;
поутру вода в тазу сверкает
леденящим, леденцовым блеском.

Бой идёт у самого порога.
Всюду неуверенность заметна.
И не зря охвачены тревогой
яблони в наряде самоцветном.

Вишня тоже явно поспешила,
воссияв с доверчивостью детской,
и траву вокруг запорошило,
не смогла ночной порой согреться.

Но, наверно, это поправимо,
и охвостье бойкого циклона,
в основном прокуролесив мимо,
возвратится в яростное лоно.

Ну, а здесь, у нас неторопливо
будет солнце наводить порядок,
проверяя, хороша ли нива,
нет ли недостатка в чём у грядок.

Скоро всё осуществиться сможет,
что манило в тишину из дома,
и предел сумятице положит
совершенно летняя истома.

14 мая 2002. Ветлуга

ОСА

В избу влетело острое жужжанье
и на стекле оконном заметалось.
При стройной форме жгучим содержанием
оно, как всем известно, отличалось.

Поэтому совсем не просто было
освободить его из заключения.
Но явно в тот же миг оно забыло
и про меня, и про свои мученья.

И всё же, пусть она осатанело
пронзить меня безжалостно пыталась,
я рад, что сотворил благое дело,
что радует меня такая малость!

17 мая 2002. Ветлуга

ПЕРЕД ВОСХОДОМ

Воздух свеж, ни стрёкота, ни звона,
от земли до неба тишина.
Безмятежна, как во время ёно,
даль тревогой не оглашена.

Дремлет шум назойливый, но скоро
время принесёт его сюда,
как приносит ветер волны сора,
и покой растает без следа.

И туман, слегка сместившись вправо,
поредет, солнце повстречав,
и роса на дрогнувшие травы
скатится по солнечным лучам.

17 мая 2002. Ветлуга

Взгляд в окно тревожный брошу,
разорвавший сети,
лепестковую порошу
кружит пьяный ветер.

Гонит по примятым травам
сквозь кусты малины,
слева прыгает и справа,
злой, неумолимый.

Он призвал на помощь холод –
выжал лёд из ночи,
чтоб сковал зимы осколок
всё, что май упрочил.

Зябко яблони ветвями
машут в беспокойстве,
вишни горестно вздыхают,
приходя в расстройство.

Вот и солнце не прогрело
даже облик полдня.
Никуда от беспредела
не уйти сегодня.

21 мая 2002. Ветлуга

Ветер, выкупавшись в речке,
тучи треплет вдалеке...
Хорошо сидеть у печки
с кочерёжкой в руке.

Здесь огнём прикрыта бездна
всей окрестности назло,
и природа безвозмездно
дарит мне своё тепло.

От него покой нисходит
на привычный дисбаланс.
На исходе силы вроде,
но впадает разум в транс.

И минувшее с грядущим
тают в тающем дыму,
чтоб забытым райским кущам
дать приют в моём дому.

23 мая 2002. Ветлуга

...А раньше всех проснулись мотыльки.
Они порхают низко над травой,
беспечны, грациозны и легки,
полны упругой силою земною.

Как прихотлив их крылышек узор!
Изысканный, он вовсе не назойлив;
он, как вода, спустившаяся с гор,
чист в свежести своей произвольной.

Ночь вновь и вновь росу в траву прольёт,
непостижимой радости примету,
и начинает новый день полёт –
путь мотылька вперёд, из мрака к свету.

4 июня 2002. Погорелка

*Л. Иоффе, Е. Сабурову, В. Гуве,
В. Шлёнову, В. Фульмахту и другим*

Где та зола бывшего пыла?
Ушло – и не заметили.
О, как давно всё это было,
в другом тысячелетии!

Где эти споры-разговоры
до хрипоты, под градусом?
Где воздух той поры, который
и душным был, и радостным?

Мерцали в миражах заката
миры обетованные,
и под созвездием мехмата
цвели идеи странные.

На кухне за клубами дыма
ночные шли баталии.
Тогда мы были молодыми,
как в чувствах, так и в талии.

Шутили мы с бедою рядом,
горды успехов зёрнами,
созвеньены подпольным взглядом
на лживопись казённую.

Мы благ у жизни не просили,
пируя у обочины,
ближайшим будущим России
предельно озабочены.

Нас ждали светлых гор отроги,
манили тропы горные,
и освещали нам дороги
соцветья стихотворные.

5 июня 2002. Погорелка

ЛЯГУШКА И Я

Э.

Зачем ты, лягушка, сидящая рядом,
глядишь на меня растопыренным взглядом?
Ты так любопытна и так терпелива,
безмолвна притом, но бесстрашна на диво.
Что ты хладнокровна, я знаю давно,
но я удивляюсь тебе всё равно.
С чего бы ты в трансе сейчас замерла,
забросив свои лягушачьи дела?

Ну, что она может сказать мне в ответ?!
До дел повседневных и дела ей нет.
Сидит посреди быстротечного дня,
упорно тараща глаза на меня.
Но вот, осужденья ничуть не тая,
внезапно ныряет соседка моя.
Ушла по-английски в покои пруда,
возможно, расставшись со мной навсегда.

Ты скажешь (но это же явная ложь!),
что сам я на эту лягушку похож,
когда я часы провожу на реке,
удилище в чуткой сжимая руке
и взглядом от прочего отгородясь,
креплю с поплавком неразрывную связь.
Не спорю, видна аналогия здесь,
но я утверждаю, что разница есть!

12 июня 2002. Погорелка

Игра воображения
доводит нас порой
до головокружения,
но жизнь красна игрой.

В процессе постижения
превратностей светил
возможны достижения
закономерных сил.

И всё же продвижение
в глубины бытия
с игрой воображения
сверяет мысль моя.

Лишь в ней идёт брожение
и происходит взлёт.
Всё прочее – скольжение
и практицизма гнёт.

Зеркал преумножение,
абсурдности диктат,
слепые отражения
пустопорожних дат.

Но души от сужения
спасают до поры
игры воображения
привычные миры.

15 июня 2002. Погорелка

НАЕДИНЕ С ЗАРЁЙ

Набрасывая дня привычный план,
такой воздушный летнею порою,
июнь сплавляет по реке туман,
пронизанный парящею зарёю.

А по траве росинки-мотыльки
рассыпаны блистательно и щедро,
несуемая красота реки
в рассветный час воистину священна.

Всё в ожиданье радостей земных,
даров небесных и чудесных знаков;
давно знакомый зыбкий контур их
безукоризнен и неодинаков.

Здесь радугам давно потерян счёт,
и тишина просторна и приманна,
здесь жизнь моя меж берегов течёт,
от злобы дня прикрытая туманом.

18 июня 2002. Погорелка

Гнетёт давление извне,
подспудно назревает сбой.
Порой случается и мне
в разлуке быть с самим собой.

Растрочена души пыльца
на пустырях бесплодных дел,
стирают годы пыл с лица,
печалит всё, что не успел.

Приобретений и потерь
давно нарушен паритет,
и даже праздников теперь
бездумных и в помине нет.

Всё это так, и всё ж хочу,
лихие пережив года,
навстречу чистому лучу
послать улыбку иногда,
чтоб зорь хватило на двоих,
чтоб всё принять достало сил,
чтоб не прервалось в снах моих
круговращение светил.

19 июня 2002. Погорелка

Все поэты немного язычники,
как эпох первобытных народы.
Поклоняются самые зычные
чудесам и капризам природы.

Как былые жрецы величавые,
ввысь возносят они песнопенья,
вдохновлённые тонкими чарами
безответного Бога терпенья.

Возникают виденья прелестные
в лабиринтах житейской мороки,
раскрываются хляби словесные,
чтоб пролились целебные строки.

Заряжённое силой космической,
достигает сознания людского
порожденье святого язычества
самоцветное, жгучее слово.

21 июня 2002. Погорелка

Э.

Гаснет день замусоленный
за чертой суеты,
а в стакане на столике
свет земной красоты.

Приглашая в день завтрашний,
в лабиринты маня,
незабудки и ландыши
искушают меня.

Манят нежностью призрачной,
робкой лаской влекут,
смотрят грустно и пристально
на творимое тут.

Простодушно доверчивы,
беззащитны на вид.
Время градом и смерчами
их сломить норовит.

А они жаждут свет нести,
никого не виня,
и явились из вечности,
чтоб утешить меня.

30 июня 2002. Погорелка

ОБЫЧНЫЕ ДЕЛА

Сегодня мне с рекой не по пути,
наперекор шагаю, торопясь,
чтоб удочки мои часам к пяти
с рекой живую ощутили связь.

Сюда не проникают шум и гам,
здесь времени ослаблен тяжкий гнёт.
И солнце сосны поднимают к облакам,
а дальше уж оно само пойдёт.

Здесь вечен всеобъемлющий простор.
Творятся в нём обычные дела.
Вон чайка рыбе подписала приговор
небрежным росчерком парящего крыла.

20 июля 2002. Погорелка

ЛЕТОПИСЬ

У всей природы здешней на виду
и, как обычно, лёжа на спине,
самозабвенно летопись веду,
мой карандаш слова диктует мне.

Я двух тысячелетий блудный сын.
Мой дом на стыке неба и земли.
Вблизи печаль струит листва осин,
терзает слух призыв трубы вдали.

Здесь в мысли залетают мотыльки,
и над вестями радуга цветёт,
и терпкая наполненность строки
в бесцельный устремляется полёт.

Мозаика из облетевших дней...
Не летопись – бликующий коллаж.
И если чёрной краски много в ней,
то в том виновен только карандаш.

26 июля 2002. Погорелка

Солнце переходит небо вброд
и ныряет вглубь за горизонтом,
обласкав лучами огород
с удовлетворением резонным.

Летний день навечно сдан в архив,
проштампован и пронумерован.
В памяти останутся стихи,
тихий свет, что этим днём дарован.

Память... Зеркала её кривы.
Что же остаётся в ней нетленным?
Пряное дыхание травы,
скошенной, чтоб обернуться сеном?

Отголоски, блики, тени снов,
очертанья планов и событий.
Каждый день неповторим и нов.
Он зовёт в полёт и тонет в быте.

День, что до конца изжит давно,
знак беды, хранилище успеха...
Для кого-то он в цепи звено,
для кого-то восхожденья вежа.

27 июля 2002. Погорелка

Что всё на свете перемелется,
конечно, ясно и ежу.
Но эта истина – безделица,
которой я не дорожу.

Оно, конечно же, полезно
на миг, забывшись, воспарить,
ведь боль порою так пронзительна,
и так тонка терпенья нить!

Тут всяк по-своему спасается,
хотя пути наперечёт.
Не ведаем, что с нами станется,
и время не туда течёт.

Мы часто терпим поражения
и, попадая в тупики,
вдруг выправляем положение
рассудку явно вопреки.

Я лично, пребывая в местности,
где к радости потерян след,
преображаю тьму словесности
в спасительный, манящий свет.

Который год, не знаю, кстати ли,
с живой травы слизнув росу,
потенциальному читателю
я отсебятину несу.

27 июля 2002. Погорелка

ВРЕМЯ

Нет у времени дома и пристани,
быть ему постоянно в пути.
И взглядевшись в ходы его пристально,
можно в нём своё место найти.

Все мы гости его и ценители
и, хотели б того или нет,
оказались в текучей обители,
где свершаются судьбы планет.

Время каждый по-своему меряет,
а оно не зависит от нас;
ловит след его кольцами дерево,
ловит глаз его профиль и фас.

Невозможно его постижение,
но оно пребывает во мне.
Жизнь сама – только вектор движения,
пляска теней на белой стене.

29 июля 2002. Погорелка

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

От копошни столичной вдалеке
(но не от комаров, увы, конечно!)
я поутру ловлю луну в реке
на удочку, обычно безуспешно.

Зато в меня вливается заря
и наполняет ёмкость до предела,
и это, откровенно говоря,
вполне душеспасительное дело.

Что до других немаловажных дел,
то и они меня в свой срок находят.
Я не ропщу, я этого хотел,
в чём признаюсь при всём честном народе.

Так и живу, свой коротая срок
с бесшумными стрекозами в союзе,
отгородившись частоколом строк
от собственных утраченных иллюзий.

2 августа 2002. Погорелка

ВРЕМЕНИ РЕЛЬЕФ

Пристрастий глубину преодолев
и отрешившись от дневной мороки,
я наблюдаю времени рельеф,
пытаюсь разглядеть простор его широкий.

При общеисторической канве
у каждого свои равнины и вершины.
Вот след, что отпечатался в молве,
и рядом лёгкий, тонкий след мышиный,
оставленный в эпохе и судьбе
мгновением или тысячелетьем,
распахнутым и замкнутым в себе,
отмеченный всем тем, чем время метим.

Оно влечёт за жемчугом нырять,
и длится в нас, и пролетает мимо.
Мы научились время измерять,
но с чем его струя сопоставима?!

Его природа не для наших глаз,
и не для наших рук клавиатура.
Непостижима, в сущности, для нас
его фактура и его структура.

Метафора, я знаю, не нова.
Но лучшей нет, я это тоже знаю.
О, как напоминает жернова
всесильная бесплотность временная!

17 августа 2002. Погорелка

Дни пошли шершавые, колючие,
никакой в них мягкости и ясности –
норовят шипы вонзить при случае,
не предупреждая об опасности.

Катастроф и войн растёт количество,
как бамбук, по слухам, в землях правильных.
На планете нашей буколической
атмосфера начисто отравлена.

Видимость подобного явления
оптимизму противопоказана,
и, конечно, внешнее давление
с внутривенным напрямую связано.

Плюс утраты, стрессы, огорчения,
и года примите во внимание.
В общем, невозможно излечение,
разве что – взаимопонимание.

18 августа 2002. Погорелка

Я пытаюсь разобраться,
отчего так много дури.
Всё труднее улыбаться,
всё привычней брови хмурить.

Дурь бывает безобидной.
С дурью дружит клоунада.
Тут всё просто, очевидно,
разбираться с ней не надо.

Только в мире слишком много
той, другой, что править хочет,
дури злобной и убогой,
что цветы и души топчет.

Мир по-прежнему чудесен,
несмотря на катаклизмы,
в нём такое буйство песен,
столько красок бескорыстных!

А проблемы... Может, с ними
мы покончили бы разом,
если б эту дурь алхимик
превратил однажды в разум.

19 августа 2002. Погорелка

Поутру глаза протру
тающим туманом
и опять включусь в игру
с временем каляным.

В той игре и на заре
явь морочит смело.
Подменяет козырей,
усложняя дело.

А в итоге – баш на баш,
и в пространстве сцены
гипнотический мираж
всё же дар бесценный.

23 августа 2002. Погорелка

НЕСУРАЗНОЕ

Не выпив ни кофе, ни чаю
(пока не настал ещё жор мой),
зарю на реке я встречаю,
что стало естественной нормой.

Не то чтобы очень азартны,
видать, обстановка такая,
на лодке плывут аргонавты,
в три спиннинга щук завлекая.

Деля здесь и близи, и дали,
ярясь от совместного лая,
вороны и чайки скандалят,
ни в чём уступить не желая.

На реку без видимой цели,
игре её явно не рады,
суровые сосны и ели
бросают колючие взгляды.

Пьёт ветер из солнечной чаши
над ширью Ветлужского края,
а облако крыльями машет,
пространство в себе растворяя.

26 августа 2002. Погорелка

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТНИЙ

Ещё кленовый лист не заклеймён багрянцем,
и яблоки живут на солнечных лучах,
и огурцы ещё тяжёлые бодрятся,
и голоса цветов светло в лучах звучат.

Ещё успешно день соперничает с ночью
и отдаёт земле небесные дары,
как водится, в обмен на болтовню сорочью,
что наполняет мир окрестный до поры.

Но в трепете листвы сквозит предощущенье,
сентябрь уже готов переступить порог,
и августовский день, краснея от смущенья,
плоды своих трудов припрятывает впрок.

Но зорь мелькнувших свет я в памяти лелею,
а время, как всегда, расчётливо течёт.
И выигрыш сулят лото и лотереи,
уверенно ведя беспроигрышный счёт.

31 августа 2002. Погорелка

Э.

Мир изначально и щедр и чудесен.
Помни об этом всегда.
Сколько в нём красок, приманок и песен,
прочее всё – ерунда.

Если ты их в суете не заметил,
это печально вдвойне.
Мир изначально прозрачен и светел.
он и в тебе и во мне.

Все пораженья, лишенья, невзгоды
перечеркни и забудь.
Пусть устилают опавшие годы
пройденный начерно путь.

1 сентября 2002. Ветлуга

ПРЕДОСЕННЕЕ

Лето отступает неохотно,
уступает власти временной.
В прошлое ушли тропой бесплотной
свежий свет и вертикальный зной.

Летних зорь искрящаяся россыпь
в сочных травах, ждущих косарей,
солнцем переполненные росы,
тмин и мята – прямо у дверей...

Летние рассветы и закаты
растворились в тёплых облаках,
и ночей тех, звёздами богатых,
в памяти почти развеян прах.

Это всё за горизонтом скрылось,
только лета праздничный наряд,
проявив сомнительную милость,
памяти запасники хранят.

Палых листьев обнажённый запах...
Стылых веток отрешённый вид...
Осень на кошачьих мягких лапах
проскользнуть в сознание норовит.

2 сентября 2002. Ветлуга

Я мысленно живу уже в Раю.
Скучаю, быт и нравы изучаю,
бесплотное блаженство получаю,
из прошлого небывшее крою.

Вокруг порхают праведные души,
но, так как время тут отключено,
то невозможно даже бить баклуши,
что смертным в утешение дано.

Приелась неподвижная прохлада.
Покой тревожит. Что-то здесь не так.
Я с нетерпеньем жду вестей из Ада,
откуда ожидается этап.

8 сентября 2002. Ветлуга

ПРЕДРАССВЕТЬЕ

Сны вернулись к звёздным сёстрам,
грезя о великом.
Тишина разлита пёстрым
петушиным криком.

Формируется пространство
временем и светом,
миражами постоянства,
спорного при этом.

А в грядущем дне толпятся
призраки событий.
Станут явью? Воплотятся?
Быть или не быть им?

Часовых колёс движенье
неостановимо.
К бывшей жизни приложенье
пролетает мимо.

8 сентября 2002. Ветлуга

Я сам с собой порой играю в прятки
(а может, это вовсе не игра),
произвожу ревизии на грядке,
коль настаёт для этого пора,

рыбачу, на старенье время трачу,
внедряюсь в самодельные миры,
я даже, не надеясь на удачу,
постичь пытаюсь правила игры.

Но, притомясь от бесполезных странствий,
закат провидя в утренней заре,
хожу по кругу в тающем пространстве,
чтобы застыть вкраплением в янтаре.

Когда я вечность трогаю рукою,
её предошущенья не тая,
тревожит, гложет, не даёт покоя
божественная сущность бытия.

9 сентября 2002. Ветлуга.

Средь ветвей берёз и сосен
ветер бодрствует в лесу.
Клёны впитывают осень
в обречённую листву.

Тени прячутся в овраге,
остывают дня следы.
И дроздов лихих ватаги
налетают на сады.

С каждым днём всё меньше света,
да ещё на этот раз
заблудилось бабье лето
где-то далеко от нас.

Заблудилось, заплутало
с бесшабашностью хмельной,
хоть шутить и не пристало,
пролетая над страной.

Эти женские капризы
никого не удивят.
Бабье лето... Моны Лизы
погружённый в омут взгляд.

16 сентября 2002. Ветлуга

Э.

С каёмочкой той же то самое блюдо,
дороже и точно нет.
Мы рядом идём. Позади остаются
четыре десятка лет.

Упрямый алхимик, не ведая страха,
от смуты людской вдали,
для нас серебро изготовил из праха
и золото посулил.

Не будем, однако, к рекордам стремиться –
они двойники утрат.
Что будет, то будет, и пусть нам не снится
обманчивый блеск наград.

17 сентября 2002. Ветлуга

ОТБЛЕСК РОМАНТИКИ

Э.

Я безумен, и это пока
ограждает от мрака меня,
и, хоть ноша моя нелегка,
я держусь на поверхности дня.

Раздуваю из искры строки
огоньки, что во мраке горят,
и, реалиям всем вопреки,
высветляю твой гаснущий взгляд.

Я с надежды срываю покров.
Пусть трубит романтический рог!
Я дарю тебе розу ветров
с лепестками поющих дорог.

26 сентября 2002. Погорелка

Тишина. Луна невозмутимо
на меня глядит в сиянье млечном.
Чьи-то звёзды пролетают мимо,
сны меся в круговороте вечном.

Баловни судьбы и жертвы рока
дарят нам богатств несметных крохи.
Волны животворного потока
налегке проходят сквозь эпохи.

Днём болото будничной мороки
не спеша засасывает душу,
и порой, когда приходят сроки,
сил не хватит выбраться на сушу.

Только ночь сквозь временное сито
мысли приземлённые просеет,
длинный разворачивает свиток,
воскрешая образ Одиссея.

Сколько песен Оссианом спето?
Тонет взгляд в седой холодной пене.
Из ночного призрачного света
сделаны бессмертия ступени.

27 сентября 2002. Погорелка

Э. и С.

А у нас всё не как у людей,
но притом и не как у зверей.
Может быть, я плохой лицедей
и совсем не типичный еврей.

Я вписаться в эпоху не смог,
а к тому же не захотел.
Не к лицу мне удушливый смог,
разъедающий ткань душ и тел.

Да и ты залетела сюда
из каких-то далёких миров,
чтоб пройти, не оставив следа,
сквозь поля мимолётных дорог.

Мы в условностях видим лишь тень
безусловных сквозных величин
и встречаем нахмуренный день,
улыбаясь без явных причин.

3 октября 2002

ЗДЕСЬ

Моей избе в Ветлуге

Я выхожу в густую тишину,
в октябрьский вечер, полный зорких звёзд,
и в этой безмятежности тону,
здесь, у порога вставшей в полный рост.

Здесь, где легла пыльца минувших лет
на сны, надежды, чистые листы,
на яблони неясный силуэт,
на песни, что пронзительно просты.

Здесь словно все лучи сошлись на мне,
и больше нет на свете никого,
и с Вечностью самой наедине
я остаюсь у дома своего.

Как часто восхищал подобный вид
мой погружённый в невесомость взор...
Здесь на меня Вселенная глядит
во все глаза. Безжалостно. В упор.

10 октября 2002

Едкий дым, пары бензина...
Задохнуться день готов.
Это всё невыносимо
с точки зрения цветов.

Но куда сегодня деться
от миазмов и дымов!
Где он, мир живого детства,
ясных дней и светлых снов?

От безумья нет спасенья,
вся отравлена Земля;
плачут звери и растенья,
о внимании моля.

Близорукости в угоду
возрожденья рвётся нить.
Может, просто нам природу
стоит чем-то заменить?!

14 октября 2002

Здесь ни судьба, ни время ни при чём,
и в небесах искать не стоит знака.
Мой мир очерчен солнечным лучом,
проникшим для чего-то в царство мрака.

Мне некого за жизнь благодарить
и некому, взыскуя, слать проклятья.
Я научился над огнём парить,
сводя к нулю привычные понятия.

За право «быть» я заплатил сполна,
возможность «слыть» меня не привлекала,
и оттого, наверно, мне видна
ущербность трафарета и лекала.

И пусть мой путь ещё не завершён,
он, будучи лишён диктата цели,
ничтожное высвечивал в большом,
но вёл куда-то ввысь на самом деле.

Я, может быть, немного достиг,
не облечённый непосильным даром,
вкушаю радость на ступеньках книг,
сокровищ груды принимая даром.

Но ни лауреатом, ни дельцом
не стал я здесь, где ждёт успеха каждый.
Богиня Лень меня своим жрецом
пожизненно назначила однажды.

20 октября 2002

Когда сегодняшняя едкая печаль
мне застилает непроявленную даль,
холодным озарённую огнём,
и я с тревогой тайной думаю о нём,
или когда в упор усматриваю я
кровоточащую абсурдность бытия,
и гаснет отражённый тенью взгляд,
и песни явно кануть в Лету норовят,
я поддаваться внешним силам не хочу,
лечу навстречу обнажённому лучу,
в себе ищу несоответствия следы,
как звездочёт, не досчитавшийся звезды.

21 октября 2002

В пустынной отрешённости печали,
не совпадая с ритмом дней шальных,
то пребываю лодкой на причале,
то устремляюсь в глубь миров иных.

Действительность порой неощутима
при мнимой матерьяльности своей,
и тишина её пронесит мимо,
поскольку явь несовместима с ней.

Скользят вокруг сомнительные тени,
и возникает звук, в пространстве длясь...
Бродя среди разрозненных мгновений,
я с вечностью нащупываю связь.

20 ноября 2002

Мгновенья радости уносят облака
и с ними тени стрессов и тревог.
И эхо молнии проходит сквозь века,
чтоб ты постичь безмерность мига смог.

На землю падают снежинки-семена,
хранящие до срока тишину,
что пёстрыми виденьями полна,
покинувшими сонную Луну.

Как чётко времени оттиснута печать
на свежем срезе памяти двойной!
И обволакивает ясный взгляд
печаль, подруга терпкой мудрости земной.

22 ноября 2002

Нам всем безумно повезло,
что (уж не в искушенья миг ли?),
всей монолитности назло,
тела небесные возникли.

И разлетелись до поры,
наполнив звездочётов свитки,
как бильярдные шары
разбитой лихо пирамидки.

При этом жизнь творится из огня,
и это примиряет с ней меня.

25 ноября 2002

СМЕНА ВЕХ

Под белым знаменем зима
вступает в город налегке.
Ещё метелей кутерьма
клубится где-то вдалеке.

Но, сдобрив явью миражи,
она в свой час пришла сюда
и горизонта рубежи
прорвала явно без труда.

Крутого утра свет колюч,
искрится молодой мороз,
и даже солнца хрупкий луч
косматым инеем оброс.

2 декабря 2002

Асфальтового неба тяжкий груз
неся на покосившихся плечах,
я всё же верил в благосклонность муз,
которых в заасфальтье повстречал.

Одна уж точно мне была верна
всю жизнь (мою, конечно, не свою),
и в этом прихоть дивная видна:
ведь я зерно успеха не клюю.

Пробив тысячелетья скорлупу,
всем видом выживанью вопреки,
я не терял заветную тропу,
что приводила в лабиринт строки.

Но, окрылённый солнечным огнём,
с окрестностью порой теряя связь,
я зависаю над уютным днём,
в движении непроизвольном длясь,
и рвусь туда, где мнимая краса
теряет вес, а наполняют взор
словесного пейзажа голоса,
что вписаны в целительный простор.

12 декабря 2002

Упорно отменяя липкий морок
и разомкнуть пытаюсь властный круг,
ты должен быть предельно дальнорук
и в то же время очень близорук.

Как совместить полярные явления?
В каких глубинах духа скрыт ответ?
Каким должно быть зреньё и прозреньё,
чтоб, скажем, тьму не принимать за свет?

Всё происходит просто и неброско,
само собой, всегда само собой.
По отблескам порой и отголоскам
проходит к постиженью путь любой.

Но эта же безжалостная зоркость
заставит неминуемо тебя
увидеть оснований иллюзорность,
сук, на котором ты сидишь, рубя.

Решения лишь кажутся простыми.
Нет выбора. Ты обречён уже,
поскольку в одиночестве пустыни
ни обещаний нет, ни миражей.

16 декабря 2002

Вот и снова в свой черёд,
взвихривая память,
наступает Новый год,
старый отступает.

Он уходит в мир иной,
где и быль и небыль
расстилают надо мной
выцветшее небо;

где встают из глубины
тишины сомнений,
с явью смешивая сны,
отражений тени.

Сквозь застывшие слои
судеб и событий
вижу замыслы свои,
вязнущие в быте,

чей-то смех и чей-то стон
смешивает эхо.

Новогодний рубикон...
Призрачная веха.

26 декабря 2002

ИСТОКИ

Нет, верно, не случайно с детских лет
я полюбил, спиной примяв траву,
процеживать глазами мягкий свет
и в сказку погружаться наяву.

И перевоплощаться в облака,
чей облик зыбок и неуловим,
спешащие ко мне издалека,
чтобы согреть дыханием своим.

Нерукотворный образуя кров,
все времена здесь надо мной сошлись –
эскиз воображаемых миров,
воздушных замков замкнутая жизнь.

Заоблачные выси приоткрыв,
свершая свой магический обряд,
они уносят только мой порыв
и в небо облачённый долгий взгляд.

28 декабря 2002

ЕСТЬ ЛЮДИ...

Есть люди странной, неземной породы,
а может, по-особому земной.

Их не страшат преграды и невзгоды,
их путь проходит в плоскости иной.

Не ради иссушающих амбиций,
от суеты тщеславной далеки,
они спешат в грядущее пробиться,
всегда наперекор и вопреки.

Здесь, рядом с нами, а не за морями,
скрепляющие всех эпох торцы,
живут, преобразуя мир, творяне,
ну, те, что в просторечии творцы.

29 декабря 2002

ЕДИНСТВЕННОЙ

Э.

Я тебя намечтал
в пустоте одиноких ночей,
в вязком месиве дней,
не согретых всевидящим взглядом.
Слишком долго я был
на земле безнадежно ничей,
хоть и шёл иногда
кто-то предположительно рядом.
Я порой в облаках
различал дорогой силуэт,
только он исчезал,
ускользал в безысходном тумане,
и в тупик приводил
хитроумно запутанный след,
и смывала волна
даже контуры воспоминаний.
Образ твой лишь на миг
появлялся в пронзительном сне,
но загадочно шурились
мудрые чёрные кошки.
И однажды из тени
ты вышла внезапно ко мне
и меня повела
по бликующей лунной дорожке.

30 декабря 2002

ДИСТРОФИКИ

Никто не сеет на земле печаль,
не возвращает бережно в теплицах,
и всё же навсегда её печать
легла на человеческие лица.

Нет жизни без неё и мысли нет.
Она звучит в природе изначально.
И тут бессилён животворный свет.
Жизнь такова, как это ни печально.

11 января 2002

Мне современность не к лицу,
я ей – не ко двору.
Тащу иных эпох пыльцу
в глубокую нору.

Но прошлое лишь зыбкий сон,
и я ведь – не пчела.
И не звучат ли в унисон
«сегодня» и «вчера»?

22 января 2002

Черёмуха, сирень, шиповник...
Листает ветер календарь.
Потом он даже не припомнит,
как уносил закаты вдаль.

Все линии сойдутся где-то,
минувшего настанет срок.
А лето – только сгусток света
и дуновенье между строк.

22 января 2002

Виденья над развилками дорог...
Они слетятся как-нибудь ко мне
и скрутят мой покой в бараний рог
напоминая о далёком дне.

Когда склонится голова моя,
отяжелев от суеты земной,
я вспомню жизнь свою от «А» до «Я»,
другую, ту, не прожитую мной.

30 января 2002

Как мало для полёта надо!
Порой – лишь нежности цветка,
росинки солнечного взгляда,
прикосновенья ветерка.

Я выползал из-под обвала,
я воскресал, взлететь спеша,
когда мне душу согревала
снежинки хрупкая душа.

3 февраля 2002

Жизни прищур двулик.
Горечь – любви подруга.
Тореадор и бык
созданы друг для друга.

Связи жестокий груз
буйная кровь возрастила.
Тот разорвать союз
смерти одной под силу.

3 февраля 2002

РЕКА

Сюда пробившись сквозь века,
земной простор любя,
она впадает в облака,
как бы дразня тебя.

Но по её идя следам,
сроднившись с ней в пути,
ты не сумеешь никогда
до облаков дойти.

6 февраля 2002

Когда два мира я пишу,
равно и зло и благо,
сливаясь, по карандашу
стекают на бумагу.

И, может, в некий третий мир,
поверженный до срока,
ищу судьбы своей пунктир
в волнах того потока.

11 февраля 2002

Гляжу на жизнь без раздраженья
и уж, конечно, без обид,
хоть броуновское движенье
и огорчительно на вид.

Когда разодрано на части
всё то, чему возврата нет,
простое плюшевое счастье
растерянно глядит мне вслед.

13 февраля 2002

Все яркие в полночный час
(какая же в них сила!),
с небес в упор глядят на нас
привычные светила.

Но хоть равно на взгляд простой
сияют сгустки света,
звезда останется звездой,
планетою – планета.

14 февраля 2002

Однажды мудреца спросили,
конечно же, давным-давно:
– Посеять можно ли в России
рациональное зерно?

Мудрец ответил осторожно,
взглянув тоскливо на межу:
– Посеять-то, пожалуй, можно,
но что пожнёте, не скажу.

18 февраля 2002

ЗВЁЗДЫ

Как далеки они от жизни нашей!
На них гляжу я из таких глубин...
И, вместе с тем, их волею окрашен
мой путь земной, да и не он один.

Что может быть прекраснее и выше?
Взгляд высветляет чудотворный вид.
Сиянья звёзд ни потолок, ни крыша,
ни даже слепота не заслонит!

19 февраля 2002

Он, слава Богу, на кресте распят.
А если б, скажем, был посажен на кол...
Конечно, всё равно Он был бы свят,
и так же б капал воск свечей, однако,
при всём презренье к чувствам и уму,
довольно странно поклоняться колу.
Но молятся и Богу, и ему,
кресту, пред ним склоняясь долу.

20 февраля 2002

Хоть не добавит радости склероз
к числу других привычных аномалий,
не стоит время принимать всерьёз,
ведь нас оно всерьёз не принимает.

Ему до нас и дела вовсе нет,
оно ведёт игру со всей Вселенной,
мы на вопросы тщетно ждём ответ,
ловя стократно отражённый свет
душой, предположительно нетленной.

23 февраля 2002

Меня природы творчество влечёт,
что мёдом сладким заполняет соты.
Вот шелковичный червь и паучок
одной и той же заняты работой.

И я упорно нить пряду теперь.
И это мне по силам и по нраву.
Но не паук, а шелковичный червь
в моих собратях числится по праву.

24 февраля 2002

Соцветья слов перебирая взглядом,
созвучий постигая аромат,
ты чувствуешь порой, что где-то рядом
вход в заповедный заповедный сад.

Но от садов, где праздники начнутся,
нас отделяет вечности межа.
В реальной жизни можно ли очнуться
и оказаться в центре миража?

24 февраля 2002

Евреи, известно, гонимое племя.
Им, в душу принявшим божественный свет,
приходится туго в последнее время,
точнее, последних три тысячи лет.

Их подстерегают повсюду напасти.
Не те у них нравы и вера не та.
Но Бог неделим на удобные части,
и в этом опасная их правота.

25 февраля 2002

Послезавтра весна – календарь это вам подтвердит.
Он сомнений не знает – порядок превыше всего.
Да и солнце сегодня лучом утверждает вердикт,
хоть оспаривать, в сущности, некому просто его.

Будет всё как всегда, впрочем, в чём-то не то и не так;
птицы рыбам о солнце чудесные песни споют.
И печаль отодвинет за кромку весны суета,
чтобы жизнь объявила вселенскую волю свою.

27 февраля 2002

Э.

И вновь двоих пересеклись пути
в какой-то точке вечного пространства.
Не разойтись и мимо не пройти,
и в этом невозможно разобраться.

Зачем их в этот миг судьба свела?
Ответа нет. Всегда одно и то же...
О чём поёт летящая стрела,
сражённый ею рассказать не сможет.

28 февраля 2002

Прочна невидимая клетка,
в ней сила солнца горяча,
но радость и печаль нередко
не разлучить его лучам.

Не разогнуть стальные прутья,
не растопить сомнений лёд.
С пути смогу ли не свернуть я,
что в солнечный простор ведёт.

5 марта 2002

Иду по жизни налегке
(словесный груз не в счёт)
туда, где в тихом далеке
и время не течёт.

Отдавши дань земным трудам,
придавшим силы мне,
иду по солнечным следам
по снежной целине.

4 марта 2002

Какая нынче жизнь тревожная!
Действительность непредсказуема.
Повсюду обстановка сложная,
обременённая безумием.

Мы прочно жить имеем право ли,
разматывая нить истории
на отвоёванной у дьявола,
но всё же спорной территории?

8 марта 2002

ПОД ПРЕССОМ ПРОГРЕССА

Загнавши опыт в клетки книг,
стремясь к познанию упорно,
«венец творенья», ты проник
туда, где выживание спорно.

Не надо подбирать ключей.
Останови, пока не поздно,
блужданье солнечных лучей
в безумном лабиринте мозга!

8 марта 2002

В окно впорхнула лёгкая строка
и, покругившись в комнате, присела
на белый лист бумаги, но рука
не поднялась, лишь дрогнула несмело.

Строка взлетела, подалась в окно,
не став началом оды или саги.
Она хотела жить, но, всё равно,
не осквернила чистый лист бумаги.

13 марта 2002

Что бы ни писала наша пресса
об особом, так сказать, пути,
для организации процесса
надо с тыла кобелю зайти.

И, как встарь, не мудрствуя лукаво,
сделать даме грубый комплимент,
так как и она имеет право
глубоко прочувствовать момент.

16 марта 2002

СЁСТРЫ

Над всевластной Летой рея,
где бессилён шум,
обволакивает время
мой ленивый ум.

Но влечёт неудержимо
и кричит: – Пора! –
Память, вечная пружина,
времени сестра.

24 марта 2002

ЛЕТО

Лето ущерб возмещает сполна
радостью, яркой такой,
что поднимает блаженства волна
душу в безгрешный покой.

Дарят луга нам надежды глоток.
Взгляд высветляет их вид
не оттого ли, что каждый цветок
солнца частицу хранит.

29 марта 2002

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Защитить меня не мог
взгляд мой ироничный.
Я давно для всех тревог
лёгкой стал добычей.

В суть явлений я проник
раз во мраке ночи:
значит, явно я для них
лакомый кусочек.

1 апреля 2002

Печально всюду видеть дрянь,
сплошной обвал, а что же дальше?
Ведь на пути, куда ни глянь,
встречаешь слишком много фальши.

Прикрыться позою любой
легко, но нить нужна иная.
Как трудно быть самим собой,
себя по существу не зная.

4 апреля 2002

Пыль веков, пыльцу тысячелетий
волны современности впитали.
К нам приносит жаркий ветер летний
сны, что над Эллагою витали.

Прошлое ничем не заменимо,
суть его в потоке жизни длится.
Всё бывшее пролетает мимо,
с будущим предполагая слиться.

13 апреля 2002

Душе светил вибрации слышны,
когда в неё с небес покой прольётся.
Целебная структура тишины
влияет на субстанцию эмоций.

Мне мил порой высокопарный стиль,
что чепуху рядит нередко в тогу;
я не спешу нести его в утиль,
что, кстати, невозможно, слава Богу.

18 апреля 2002

В тихом городе Ветлуге
ввысь зовёт мечты полёт.
Здесь соперницы-подруги
дёготь превращают в мёд.

Жизнь их бьёт, обида душит,
но, от свары далеки,
поэтические души –
в поле выюжном огоньки.

24 мая 2002. Погорелка

ГРОЗА

Разнузданный ветер ворвался в безжизненный зной
предвестьем грозы, что замешкалась где-то в пути.
А вот и она, только снова прошла стороной,
как будто ей радость доставило мимо пройти.

Лишь молний обломки упали за дальним бугром,
и неба куски вновь срослись после бурных атак,
а нам остаётся басисто-раскатистый гром,
как отзвук надежды и как отчуждения знак.

28 июня 2002. Погорелка

ЭТА ЛУННАЯ НОЧЬ...

Притихла деревня, закат отпылал,
Жар-птиц укрывая своих,
и мысли сгорели дотла, и дела,
как будто и не было их.

Ночь завтрашними новостями полна.
День будет безумным и хмурым.
А сверху ущербная смотрит Луна
с надменным исламским прищуром.

23 июля 2002. Погорелка

В жизни главный вопрос: – Для чего?
Остальные – не стоят внимания.
Лишь себе задавая его,
можно в чём-то достичь понимания.

Впрочем, будет ли найден ответ,
и притом не фальшивый, а истинный,
безусловно, гарантии нет,
если звёзды нам кажутся искрами.

6 августа 2002

Душа, словно в бурю судно,
что мечется в тёмных далях.
Жизнь в первооснове абсурдна,
чего уж копать в деталях.

И вот, в повседневность вгрызаясь,
ты держишься так же неловко,
как механический заяц,
грызущий живую морковь.

9 сентября 2002. Ветлуга

Э.

Дыханьем яблок старый дом наполнен –
сентябрь творит привычный аромат.
И тишина, парящая над полднем,
оберегает опустевший сад.

В нём поселилась молодая осень,
расположилась, встала на постой.
И мы в её палитры краски вносим
приземистой мелодией простой.

10 сентября 2002. Ветлуга

Как трудно быть сегодня оптимистом!
Ну, близоруким проще, может быть,
хоть и они поймут, конечно, быстро,
что мир одолевает волчья сыть.

Прикрывшись философией элитной,
мы так от идеалов далеки!
Весь род людской, вооружась молитвой,
отращивает когти и клыки.

17 октября 2002

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ ДИСТРОФИК

Жизнь внутри – сплошная несуразица.
Высший смысл бликует явно в ней.
Да и есть ли он? Какая разница!
Впрочем, Просветлённому видней.

Низкое тасуя и великое,
прячет неминуемый конец
жизнеобразующее тиканье
неподвластных разуму сердец.

23 октября 2002

Не каждому дано увидеть знаки
и разглядеть приметы и явления.
И важные персоны, и зеваки,
как правило, не то лелеют зренье.

Ты что-то, может, и поймёшь внезапно,
а может быть, пройдёшь небрежно мимо,
ведь истина настолько лучезарна,
что суть её порой неуловима.

5 декабря 2002

Разомкнуты цепочек жизни звенья,
стирает время вдохновений след.
Что остаётся? Только дуновенье
да скрытый от людского взгляда свет.

Но вот, концы связуя и начала,
в тебя проникла, снизойдя сюда,
та музыка, что где-то прозвучала
когда-то и исчезла без следа.

6 декабря 2002

МЕЛОЧЬ

Акафист

Полезна людям вера в Бога –
в пути опора и подмога,
в ней даже есть надежды свет,
и потому цены ей нет.

—

Тварь всякая, пока она живая,
опасна, как граната боевая,
конечно, не для всех она опасна,
и потому жизнь всё-таки прекрасна.

—

Да, Мос-Ква лягушками основана.
Но и тут, как исстари ведётся,
забываем о заслугах снова мы.
Слава долгоруким достаётся.

—

Э. С. (Элле Сойбельман)

Смотри на жизнь светло и прямо,
как я во сне.
Сотворена ты СойбельМамой*
на радость мне.

* Мать Эллы Флешинной, Анна Михайловна Иерусалимская, выйдя замуж, взяла фамилию мужа – Сойбельман.

Кощеево яйцо

Э.

Ты – моё кощеево яйцо,
жизни и судьбы родник нетленный.
Тень ложится на твоё лицо –
и мгновенно меркнет свет Вселенной.

Парадоксы

Картины жизни – снов основа,
но сны не стоят ничего.
Что может быть весомей Слова?
Но взвесить можно ли его?

—

Всех нас ждёт в своё время предвестье,
но даётся не каждому знак.
Чтобы спеть лебединую песню,
надо лебедем быть как-никак.

—

Жизнь изучивши вдоль и поперёк,
Прутков: – Зри в корень, – некогда изрёк.
Конечно же, никто не угадал,
кому мудрец совет бесценный дал.
Но я, встречая каждую зарю,
слова пытая, зорко в корень зрю.

—

Поэту сатирического дара
не стоит ждать большого гонорара.
Но может сочинитель эпиграмм
рассчитывать всегда на девять грамм.

Машина времени

Времени не предусмотрен провал.
Очень опасны решенья оплошные.
Ежели в будущем ты побывал,
значит, оно для тебя уже прошлое.

Мы блудные дети природы, при этом,
к ней редко приходим с добром и приветом.
И даже уже привыкаем всецело
глядеть на природу сквозь прорезь прицела.

Как прекрасно тело у сосны!
Смотришь и не можешь наглядеться,
словно встретил по дороге в детство
в сказку воплотившиеся сны.

Весьма условна сила Слова,
хотя убойность в нём большая.
Убить оно всегда готово,
но никого не воскрешает.

Дар Мидаса

Не будучи в родстве с Мидасом,
он и при флирте с грубым мясом
мечту, рассудку вопреки,
творит касанием руки.
И вот чарует нас уже
созданье фирмы Фаберже.

Память

Нет, жизнь справедлива в своих дарах,
но зависть страшней проказы.
Одни сохранили лишь пепел и прах,
другие хранят алмазы.

Имперский герб

Венцы корон. Державная рука.
В другой – дубина. Две башки бессонные.
Чудовищный орлёнок табака –
для госгурманов блюдо порционное.

Пребывая в неизвестности,
я грызу гранит словесности,
и считаю пищу эту я
очень правильной диетой.

Набор чудес бытует в каждом доме.
Осталось лишь, отбросив суету,
приснившийся тебе набравши номер,
по телефону позвонить Христу.

Телевизор

Он плод прогресса? Что за ерунда!
Тут просто даже неуместны споры.
Он был известен в древности, тогда
он назывался ящиком Пандоры.

Тбилиси

Он прошлым кипящим полнится,
минувшее лишь истончается.
И эхо моего голоса
тут с тенью моей встречается.

Европа, соскользнув с Быка,
в объятия Орла попала.
Она в уныние не впала
и благоденствует пока.

—
Когда я, вопреки календарю,
из времени Вселенную творю,
я обживаю ту из всех планет,
которой в мире не было и нет.

—
Явлений глубина непостижима,
хоть явно постижима суть режима.
Но постигать-то нужно без нажима,
поскольку цель тут редко достижима.

—
Жопа плавно переходит в ноги,
что в экстаз приводит очень многих.

Окно

Явило мне весны приход
пространство майское, рябое,
где наступление ведёт
зелёное на голубое.

—
Добро и зло – две стороны одной медали.
Вот только не пойму, за что её нам дали.

—
Стоят ромашки на лугу
и... ни гу-гу.

Суть власти

Власть давит бодро и решительно,
что выглядит неутешительно,
и виноватого, и правого,
всё остальное – от лукавого.

Пасутся тёлки на лугу,
а я вот как-то не могу,
что убеждает в том, как раз,
в чём тёлки превосходят нас.

Мы беду порой сами кликаем.
Жить привыкли мы под огнём...
Горе мыкаем, горе выкаем,
горе тыкаем день за днём.

Ждёт река игру блесны, поплавок ныряет,
доктор дятел у сосны нервы проверяет.
Чайка рвёт туман крылом, падая отвесно.
Тает память о былом в свежести окрестной.

Игра в слова – отменное занятие,
когда имеешь о словах понятие.

Червяк мечтал о лаврах гения,
стремясь к триумфу своему;
но все его поползновения
не приводили ни к чему.

Моё поколение

Сколько раз пришлось ему
убегать из плена!
Поколенью моему
горе – по колено.

Свой слышать храп не может индивид,
хоть от него, порой, трясётся здание,
и это, безусловно, говорит
о невозможности самопознания.

Я годы меряю рыбалкой и стихами.
Вы скажете: – Что ж, каждому своё.
Жизнь для меня не лицедейство в храме –
я у тусовок выкупил её.

Яковлевский цветок
Печален, как всегда, и одинок,
и всё же он сквозь ночь пробиться смог.

Анне Михайловне (в день рождения)

Мы Вам желаем, как всегда,
покоя и здоровья.
Ведь впереди Вас ждут года,
согретые любовью!

2002

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Отстранив проблемы мировые,
эта ночь сияет повсеместно.
Новый год, и, значит, всё впервые.
Как же это всё-таки чудесно!

Блёстками играя в лёгких строфах,
звон бокалов слушая игристых,
можно позабыть о катастрофах
и махнуть рукой на террористов.

Хочется резвиться без опаски,
птицей Феникс восставать из пепла,
верить в чудеса волшебной сказки,
чтобы воля к жизни вновь окрепла.

И надежда так ли уж напрасна,
и желанье так ли уж чрезмерно,
поутру войти с улыбкой ясной
в этот мир, очищенный от скверны?!

Снег пушистый празднично искрится,
тополя в ночи белеет крона...
А в окно глядит земная птица –
трезвая и мудрая ворона.

2 января 2003

ОТБЛЕСК ЛЕТА

Знойное дыхание полыни
словно бы озвучивает лето,
утверждая властно, что отныне
для меня привычным станет это.

Зверобоем, клевером и мятой
на безбрежном луговом просторе,
очень плотно в окруженье взятый,
я о бренном забываю вскорее.

Горизонт – защита и ограда
от всего, о чём жалеть не стоит.
Явно высоте своей не радо,
небо льнёт к земле в немой истоме.

Невесомость высветляет память,
и весомость обретает слово.
Сквозь напластованья проступает
жизни медоносная основа.

7 января 2003

Избегаю взгляда строгого,
обойдусь и без него.
Я от жизни жду немногого,
а от смерти – ничего.

На излёте замедляется
скорость матерьяльных тел.
Может, в новом свете явится
то, чего не разглядел.

Нет, игра воображения
только в сказке хороша,
где до головокружения
опьяняется душа.

Для сознания отдельного
воскрешенья в мире нет,
и блаженства беспредельного
не надёжен зыбкий свет.

Знаки, символы, пророчества...
Свет обманчивый далёк.
Человеку верить хочется
в то, что он не мотылёк.

8 января 2003

Вы слышите, как тикают цветы,
деревья, камни, облака и птицы?
Сквозь них прозрачность времени струится,
несущая в грядущее мосты.

Волна ведёт эпохам точный счёт,
при этом и мгновеньям цену зная;
в простор уходит линия сквозная,
и ввысь поток невидимый течёт.

Ритм жизни вечной подключён к часам,
как всплески ветра и дыханье моря.
Колокола возвышенные вторят
звучащим отовсюду голосам.

13 января 2003

Дарило щедро утро
сиянье перламутра,
на краски не скупилось,
добро творить спеша.
Но светлого начала
уже не замечала
забывшая про радость
застывшая душа.

Зачем ей это чудо,
неведомо откуда
явившееся людям
во всей своей красе?
И всё же не напрасно
о том, что жизнь прекрасна,
заря напоминает,
напоминает всем.

Я верю, что однажды,
иссохшая от жажды,
душа та встрепенётся
и вновь увидит свет,
и может быть, к надежде
протянется, как прежде,
затоптанный, но всё же
неистребимый след.

14 января 2003

АНТИБАСНЯ

Лягушка вышла замуж за удава,
хотя известна всем его дурная слава.

Супругу вскоре заглотал удав,
в чём был он, как мне кажется, не прав.

А впрочем, если ты рождён удавом,
нелепо руководствоваться правом.

15 января 2003

СВЕТ ЛУГА

Деревне Погорелке

Вот опять посредине зимы,
у прогорклых ветров на виду,
мегаполисом взятый взаймы,
я по улицам шумным иду.

И внезапно является мне,
образуя магический круг,
в этом настезь распахнутом дне
обособленный памятью луг.

А мороз, негодуя и злясь,
на меня насылает пургу,
чтоб порвалась незримая связь,
без которой я жить не могу.

Этот солнечный луг не мираж,
он обычный, душистый, земной.
Он моей беззащитности страж,
развернувший простор надо мной.

Пусть сейчас от меня он далёк,
свет его проникает сюда.
Есть пока на земле уголок,
что меня ожидает всегда,
где туманы парят над рекой,
и коросты земля лишена,
где хранит заповедный покой
не от мира сего тишина.

19 января 2003

Нет, я не верю зеркалам,
а прежде верил простодушно.
Теперь же им себя не дам
дурачить, робко и послушно.

Постиг я их коварный нрав,
лишив тем самым страшной власти.
И если я в оценке прав,
то явной избежал напасти.

В трясины вязкую маня
и перспективу вмиг меняя,
теперь напрасно на меня
они ловушки расставляют.

21 января 2003

Мне дорого всё тленное, земное,
чему отмерен быстротечный срок;
всё, что явилось в этот мир со мною,
и всё, к чему я прикоснуться смог.

Что ж, пусть моё неполноценно зренье,
я свет потусторонний не приму;
мне ни к чему другие измерения
и логика астрала ни к чему.

Заблудших в лабиринт ведёт зарница.
Их цель – освободиться от оков.
Бог в помощь, я готов посторониться,
но присягать химерам не готов.

24 января 2003

Всё привычной движений размеренность,
и всё тоньше фактура плёночки,
а ведь прежде почти не верилось
в тот, конечный, виток верёвочки.

Что не встретит никто на пристани,
мне пророк возвестил заранее.
Я взглядеться пытаюсь пристальной
в тишину – колыбель познания.

Это знаковое явление.
Ощущаю в душе, не в темени,
повышенное давление
текущего в Лету времени.

26 января 2003

Хмуры тучи над столицей.
Отражают явно их
обесцвеченные лица
пешеходов городских.

Позади крутая стужа
и седого ветра вой.
Скоро вновь зима завьюжит,
проявив характер свой.

Нам она близка, конечно,
но понять не в силах мы
этот нрав её беспечный.
Ну, зачем среди зимы

пробуждает смуту в теле
(разве что готовит впрок)
преждевременной капли
торопливый говорок.

27 января 2003

Я по земле порой, как по Луне,
с тревогою шаги соразмеряя,
иду. Я тишине не доверяю,
и видно затаившееся мне.

Скафандра не снимая ни на миг,
передвигаюсь по родной планете,
и предстаёт окрестность в зыбком свете,
который производит некий сдвиг.

Тут всё не то, и сам я не в себе,
и мне в себя уже не возвратиться...
Но вдруг цветок, росинка или птица
зерно надежды высветит в судьбе.

4 февраля 2003

Ещё чего-то ждёшь, надеешься,
однако никуда не денешься.
Всё меньше свежего, зелёного,
всё больше блеклого, палёного.
Всё реже (грустная нелепица!)
из облаков причуды лепятся,
и им навстречу свет возносится,
что вылететь на волю просится.
Не упрекну судьбу в неверности –
здесь есть свои закономерности,
свои пути и притяжения,
есть торможенье и скольжение.
И тянет вдаль непостижимое.
И где-то ждёт недостижимое...

13 февраля 2003

Нас держит слишком пристально земное,
и в этом наша сила и бессилие,
но небо наклонилось надо мною,
такое бескорыстное и синее!

Да, выси глубина меня манила
и заманила в безмятежность мнимую.
И слабость себя силой возомнила,
когда произошло необратимое.

Я бросил колею простора ради
решительно, стремительно и весело.
Но, поскользнувшись на небесной глади,
во времени утратил равновесие.

14 февраля 2003

Определив меня своей мишенью,
тем более что я всегда на месте,
не спрашивая вовсе разрешенья,
слетаются ко мне вампиры-вести.

Свет заслоняют пляшущие тени,
и ядовитый гриб опасно вырос.
Планету нашу поразил смертельный,
самими нами выращенный вирус.

Под музыки воинственной звучанье
и тихий шелест вкрадчивого чека
как быстро происходит одичанье
цивилизованного человека!

Ну, вроде бы, зачем мне эти муки?
Не проще ли забыть проблемы эти?
Но, взяв реальность мира на поруки,
я повседневно за него в ответе.

16 февраля 2003

Преобразуя в мысли ощущения
и подводя грядущему итоги,
ни у кого я не прошу прощения
за выбор обособленной дороги.

В том нет ни позы, ни пренебрежения.
Уж, видно, так легли на карту звёзды,
что сам маршрут совместного движения
мне не подходит, а меняться поздно.

Я ничего не требую от времени,
и сам ему не задолжал нимало,
и не согнулся я под грузом бремени,
которым время щедро награждало.

Мне чужды и покорность, и парение,
но целеустремлённость мне полярна.
Я существую в зыбком измерении,
что всем движеньям перпендикулярно.

17 февраля 2003

Э.

Роится свет в оконной раме,
и мы светиться стали сами.
Весна уже не за горами,
весна уже не за лесами.

Природа ждёт волны прилива,
волнуясь, словно всё впервые,
и календарь нетерпеливо
торопит стрелки часовые.

А их всё это беспокойство
ну, совершенно не колышет.
Такое уж от века свойство
дано им для чего-то свыше.

20 февраля 2003

Грядущего бесформенная сущность,
казалось бы, во тьме растворена,
но сущность воспрятья вездесуща,
и выше повседневности она.

И прошлого, и будущего волны
незримо настоящее творят,
в котором встречи, праздники и войны
встают в ещё не постижимый ряд.

Всё тихо и в окрестностях, и дома,
а слух – в миры неведомые гид,
улавливает явно эхо грома,
что, может быть, лишь завтра прогремит.

21 февраля 2003

Поощряя мыслей легкокрылость
или, может, попросту случайно,
только мне сегодня приоткрылась
до сих пор скрывавшаяся тайна.

Потому я выжил в лихолетье,
хоть не должен бы по всем приметам,
и порвал невидимые сети,
что в неадекватном мире этом,
неподвластный мутных дней лавине,
в тишине целительного луга,
в поезде, что мчится по равнине,
я всегда и всюду в центре круга.

23 февраля 2003

И во мне тишина тут, и рядом.
Всё земное развёрнуто ввысь.
Уцепившись за облако взглядом,
я в пространстве свободно повис.

Ограждён от забот, неподвижен,
словно сбросивший времени гнёт,
отстранивший на миг всё, что ниже
устремлённости ввысь и вперёд.

Лишь на миг, только кем он измерен,
миг, что с вечностью соизмерим;
тишина равнодушна к потерям.
Всё на месте: и Фивы, и Рим.

24 февраля 2003

В Москве зима лишилась прав,
а там, где спит в снегах Ветлуга,
колючий ветер оседлав,
поля обшаривает вьюга.

Петляет, озирая даль,
позёмку взвихривает круто.
Знать, ищет что-то, не меня ль,
не я ль ей нужен почему-то?

Нет, верно, ей не до меня.
Какие между нами счёты?!
Мы с ней не провели ни дня,
и разные у нас заботы.

Мы даже не знакомы с ней.
У нас пути не совпадали
в круговороте пёстрых дней,
где мысль парит, сближая дали.

И всё же кружит вьюга, злясь,
и вглядываюсь я в круженье
её, и ощущаю связь,
тончайших нитей натяженье.

25 февраля 2003

Я вам открою тайну.
Понять меня прошу.
Читать я успеваю
лишь то, что сам пишу.

Мне времени хватает
на что-нибудь одно,
и это угнетает
меня уже давно.

Мне это жить мешает
и обретать покой.
Одно лишь утешает
в истории такой:

сильны в борьбе со стрессом
минувшего слои.
Читаю с интересом
творения свои.

26 февраля 2003

Трудные сегодня времена.
Впрочем, лёгких не было и прежде.
И разносит ветер семена,
бесконечно чуждые надежде.

Быстро гаснут отблески зари.
Тени бродят по родной сторонке.
Правят бал слепые упыри,
на поверхность всплывшие подонки.

Тупо жаждут власть зажать в горсти,
к свету все пути перекрывая.
Может ли к спасенью привести
параноидальная кривая?!

28 февраля 2003

Всё слишком ярко, грубо, броско.
Вокруг сплошная лабуда.
В мир отблесков и отголосков
я погружаюсь иногда.

Там свет другой, другие лица,
другая музыка звучит.
И озаряют небылицы
давно остывших звёзд лучи.

Оттуда трудно возвращаться
к реалиям людских страстей.
А годы мчатся, годы мчатся
в безумной пляске скоростей.

Но есть во времени святая
обитель в мире без дорог,
где для меня лишь расцветает
блаженной радости цветок.

1 марта 2003

ИГРА

Бодрящий прикуп, тучи в сносе.
А дни прозрачны и светлы.
И ветерок простор приносит,
и гром, скатившийся с ветлы.

Весна путём шагает млечным.
Встречать её пришла пора,
а на земле с азартом вечным
идёт подспудная игра.

Весна лишает мысль покоя
и в чувствах производит сдвиг,
блеснув ожившею рекою,
взгляд затуманивши на миг.

Она, просачиваясь в тело,
в нём закрепиться норовит
и, как-то походя, умело
преображает внешний вид.

19 марта 2003

ОЖИДАНИЕ

Конечно, в жизни помогает
порой ирония.
Но часто всё же настагает
потустороннее.

Оно смущает ясный разум
несоответствием,
что явно ощущает разом
себя под следствием.

Меняются ориентиры,
опоры рушатся.
Но стоит лишь в глуши квартиры
к себе прислушаться,

и всё мгновенно прояснится,
шепнёт ирония,
что в глубине души таится
потустороннее.

21 марта 2003

Всю жизнь он рай земной искал,
по белу свету рыская.
В тайге, в пустыне, среди скал
прошла тропа тернистая.

Упрямо распрямляя взор,
он вечно был в движении.
Всегда неполным был узор,
дразня воображение.

В пространстве вязком и чужом
не раз уже, желанная,
оказывалась миражом
награда долгожданная.

Он дверь открыть не тем ключом
пытался в ослеплении,
на поражение обречён
и самоистребление.

По многим он прошёл местам,
но поиск – штука странная.
Совсем находится не там
Земля обетованная.

25 марта 2003

Ветви, тучами придавлены,
жадно слушают молву,
в небе редкие проталины
скупо дарят синеву.

И земля сигналы дальние
чутко ловит на лету,
вся в тревожном ожидании,
потеснившем суету.

Солнце бросит в ширь безбрежную
новой жизни семена,
напоивши их надеждою
на иные времена.

1 апреля 2003

Манит взгляд ослепительная глухомань,
недоступная, в сущности, для постиженья,
и, взимая попутно привычную дань,
время косную данность приводит в движенье.

В этом видится маниакальная блажь,
чуть прикрытая радугой мнимого смысла
для того, чтоб спасительный всё же кураж
помогал забывать беспощадные числа.

Ёмкость каждой секунды всегда велика.
Натянулись лучи парашютными стропами,
и без лишнего шума проходят века
вот по этой земле муравьиными тропами.

2 апреля 2003

На зыбкой застыв пристани
в какой-то скалистой местности,
осматриваю пристально
окрестности неизвестности.

Податься сейчас некуда,
но, хоть меня здесь едва ли ждут,
мне кажется, что некогда
стихи мои побывали тут.

Их знали земля бурая
и небо это колючее,
и, может, сосна хмурая
припомнит строку при случае.

Пусть взгляд мой парит ястребом
над чутким пространством вечера,
я знаю вполне явственно,
что мне-то здесь делать нечего.

5 апреля 2003

ГИПЕРТОНИЯ

Конечно же, давление кровяное
таит в себе реальную угрозу,
и это, как и многое иное,
заметно уплотняет жизни прозу.

Нас на пути земном неутомимо
подстерегают разные напасти.
Тут колом не прокатиться мимо
раскрытой жадно смертоносной пасти.

Над жизнью, чья искусна вязь густая,
не властны ни Изида, ни Астарта,
и времени давление нарастает
по мере удаления от старта.

17 апреля 2003

ГОЛОС ОПТИМИСТА

Как справляться с бедами,
знают даже дети,
оптимистом следует
быть на Этом Свете.

Оценив события,
думая о главном,
важное открытие
сделал я недавно.

Знаки одичания
щедро метят лица.
Чтоб не впасть в отчаянье,
надо удавиться.

18 апреля 2003

Окунаясь порой в давнишнее,
опускаясь в быльё минувшее,
я хотел бы забыть всё лишнее,
за борт выбросить всё ненужное.

Почему-то свободы хочется
от всего, что толпится в памяти,
словно жизнь по законам зодчества
можно выструнить в некий памятник.

Что ж, по-своему каждый лечится,
но горьки плоды облегчённости.
Можно просто расчеловечиться,
перейдя порог отвлечённости.

20 апреля 2003. Ветлуга

Дарами добрых фей не избалован,
чем даже и не очень огорчён,
я в жизни был обласкан только словом,
но феи тут, возможно, ни при чём.

Однако, забирая из починки
остатки оптимизма своего,
мне нелегко бессмертия личинки
увидеть всё же в глубине его.

Не личного, об этом нет и речи,
амбиции мои равны нулю,
нет, мыслю я об общечеловечьем,
хоть в дебри углубляться не люблю.

Предсказывать события и сроки,
конечно же, неблагодарный труд.
Но мутные, зловонные потоки
уже по нашим городам текут.

Я суть детерминизма постигаю,
в котором с палачом едина плеть,
и, искры из мгновений высекая,
не порываюсь мрак преодолеть.

21 апреля 2003. Ветлуга

ТЕНИ

Разомлев слегка от лени,
я смотрю, как по стене
с потолка сползают тени
непосредственно ко мне.

Подчиняясь расписанию
убывающего дня,
мягким, вкрадчивым касаньем
тени манят вдаль меня.

Но признаюсь откровенно:
с ними мне не по пути.
Я пока в их мир нетленный
не готов ещё войти.

22 апреля 2003. Ветлуга

В полдень блики соберу,
в полночь – зорких звёзд сиянье,
только уходя в игру,
можно длить существованье.

И порой, теряя нить,
пребывая в добром трансе,
можно нежность ощутить,
растворённую в пространстве.

Можно все лучи поймать,
преломляя своенравно,
их возвышенную стать
сфокусировав на главном.

Сны нездешние взрастить,
отпустить в полёт удачу;
можно всё себе простить,
да и эту жизнь в придачу.

23 апреля 2003. Ветлуга

Вот ведь любит дятел короёда,
антилопу любит крокодил.
Только задушевная беседа
явно за пределами их сил.

Как в любви взаимности добиться
при несовпадении страстей?
Трудно в рыбу червяку влюбиться
или зайке с волком лечь в постель.

От любви страдая безответной,
слёзы льют бедняги неспроста.
Так любить ведь, говоря конкретно,
хуже, чем остаться без хвоста.

23 апреля 2003. Ветлуга

НА ЗАКАТЕ

Мир вещей лишая смысла,
зримой формы лишена,
лёгким облачком повисла
над рекою тишина.

Обо всём забыть нетрудно
здесь, где впитанный в цветок,
растворяется как будто
даже времени поток.

Да, бывает и такое.
Места нет для суеты
в заповеднике покоя
и природной чистоты.

Словно вспыхнувшие стружки
озаряют край небес.
Гулким голосом кукушки
говорит со мною лес.

24 апреля 2003. Ветлуга

Ушли из комнаты лучи,
набухла тишина.
И лишь дрова трещат в печи,
разогревая кирпичи,
да непогодь слышна.

Понятен мне порыв огня,
волнение его,
и то, что на исходе дня
он хочет увести меня
в мир детства моего.

Но в мире том огонь погас.
Темно и пусто в нём.
И потому и в этот раз
я оставляю про запас
беседу с тем огнём.

29 апреля 2003. Ветлуга

Роняют в небо дым печные трубы,
забывшие, что на подходе лето.
Вот май уже почти идёт на убыль,
не опушённый яблоневым цветом.

Ещё сирень свои наряды прячет
и вишня не спешит принарядиться,
хоть бабочки летят к лучам горячим
и гнёзда шумно обживают птицы.

И, солнце припугнув на всякий случай,
хоть с непривычки всё-таки несмело,
гроза, ворча, ворочается в тучах;
она, похоже, вовремя созрела.

Провинциальной жизни панорама,
конечно, новизной не удивит.
Событий эпохальных, скажем прямо,
тут не бывает: слишком ровен вид.

Однако же и здесь вскипают страсти,
порой переливаясь через край.
То пёс, принадлежащий к высшей касте,
возглавит вдруг разнопрестижный лай,

то кот, перехитрив беднягу-птичку,
ликует, победительно урча,
то петухи затеют перекличку
во славу животворного луча.

Ну, правда, навсегда исчезли кони,
скреплявшие ушедшие года.

Зато бутылка тут всегда в законе,
и власть её сильна, как никогда.

Не в ней ли связь времён и поколений
во всей своей державности видна?
Провинция, скажу без сожалений,
стихом тебя не вычерпать до дна.

14 мая 2003. Ветлуга

Не будучи ни трагиком, ни комиком,
нельзя воспринимать судьбу как милость;
я – обитатель карточного домика,
в котором вся Вселенная вместилась.

Во всех правдоподобных проявлениях,
по вертикали и горизонтали,
чтоб к высшему познанию стремления
домашними и будничными стали.

И пусть звучит не очень убедительно
вся эта достоверная нелепость,
меня, возможно, всё же защитит она,
моя несуществующая крепость.

17 мая 2003. Ветлуга

Да, блекнут все события и даты
при свете наступающего дня.
Все те места, где я бывал когда-то,
давным-давно забыли про меня.

Бесформенную память ветром сдуло
с тропинок, убегающих к реке...
И Чухломское озеро, и Ула
перетирают время вдалеке.

Мы снова повстречаемся едва ли.
Другие завлекли меня края.
Надолго задержалась на привале
нездешность неприметная моя.

Когда же промелькнут виденья эти,
прошедшие как будто стороной,
я вижу: это было в даях светлых,
в другой стране, в другом тысячелетье
и, вероятно, даже не со мной.

20 мая 2003. Ветлуга

Жизнь прекрасна при всех своих вязких заботах.
Но, конечно, совсем не случайно
в гимне жизни слышна мне фальшивая нота,
что проникла в неё изначально.

Пусть порой она тонет в сияющих звуках,
пусть фанфары её заглушают,
не отменяют её ни докука, ни скука –
слишком сила в ней скрыта большая.

Жизнь повсюду пронизана музыкой дивной,
даже там, где беда и разруха.
Слава Богу, немногие обречены в ней
на кошмар абсолютного слуха.

22 мая 2003. Ветлуга

НАШЕЙ МУСЬКЕ

Зелёный взгляд из тёмной глубины
и тяготенье к сытому покою.
Какие ты при этом видишь сны,
не понимая, что это такое?

Помахивая ласковым хвостом,
тыходишь со двора через окошко
и к блюдечку спешишь, мурча о том,
что ты, как нам известно, наша кошка.

Потом идёшь, зевая по пути,
к дивану, где, прилежная на диво,
расположившись на моей груди,
вылизываешь шёрстку терпеливо.

И наконец, уткнувшись носом в хвост,
прикрыв глаза и подогнувши лапки,
ты дремлешь, стимулируя свой рост,
поскольку бродят под окном царапки.

23 мая 2003. Ветлуга

Мой дом, парящий над рекой,
покоем окружён.
Пусть этот призрачный покой
опасно напряжён.

Но за пределами его
такой шумит базар,
что скудость дома моего
неоценимый дар.

Мне ласточки приносят весть
о наступившем дне.
Да, можно жить,
покуда есть
небесный свет в окне.

4 июня 2003. Погорелка

ЮБИЛЕЙНОЕ

Деревне Погорелке

Время слепо и бесстрастно,
лёгок шаг его и ровен,
и поэтому напрасно
мы нередко хмурим брови.
И глядим с такой обидой,
даже с чувством пораженья,
самого его не видя,
на следы и отраженья.
Сколько лет прошло коротких?
Неужели четверть века,
как приплыл сюда на лодке,
как увидел эту реку?!
Дом в глуши – такая малость,
а вот вспыхнула зарница.
Журавлём то оказалось,
что привиделось синицей.
Длится радость луговая,
длится воздух невесомый,
осиянность, где живу я,
сказкой переадресован.
Было всякое, конечно,
этот край далёк от Рая.
Это только в жизни вечной
к свету льнут, забот не зная.
Разные являлись твари,
омрачая наши лица,
комариное сафари
нам не зря в столице снится.

Были праздники и будни,
и потери, и печали,
но с восторгом безрассудным
мы простор цветной встречали.
И на празднике надежды
нас не тени окружали.
Мы не лозунг потускневший –
радугу в руках держали.

11 июня 2003. Погорелка

К чему мне подводить итоги –
я жил, а не решал задачи,
мечтал и размышлял о Боге,
не раболепно, а иначе.

Не находя в движенье смысла
и не стремясь к заветной цели,
я верил в плотность абсурдизма,
в котором все мы преуспели.

От взглядов будущее скрыто,
но верю, растворившись в слоге,
что у разбитого корыта
не буду я рыдать в итоге.

11 июня 2003. Погорелка

Среди глобального непостоянства,
лелея непосредственность свою,
озвучивая время и пространство,
я им свою тональность придаю.

Казалось бы, никчёмное занятие,
взаимоотражение зеркал.
Зачем копить всё, что сумел понять я,
оценивать всё то, во что вникал.

Не проще ль от всего отгородиться
и собственный высвечивать мирок,
коль довелось мне на земле родиться,
осуществившись на короткий срок.

Открыта всем ветрам моя обитель,
в ней признаков Эдема не найти.
Мой голос по земной летит орбите,
и с логикой ему не по пути.

16 июня 2003. Ветлуга

Вот и выпало очко
с золотым надёжным блеском.
Оттолкнувшись от зрачков,
небо поднялось отвесно.

И опять меня влечёт
безответственная сила,
превращая нечет в чёт,
столь обманчиво красиво.

Надо верить синеве
и прозрачности бездонной,
и всезнающей траве
беспредельно, непреклонно.

24 июля 2003. Ветлуга. Больница

Прошлое со мной играет в прятки,
будущее прячется в тумане,
вызревая, как салат на грядке,
но не уличённое в обмане.
Знать, ему в просчитанном порядке
нравится загадывать загадки.
Что ж, и я могу в игру включиться,
благо, что всерьёз ничем не занят.
Ну, а время, как обычно, мчится,
вечность распушив перед глазами.
Надо мне, конечно, подлечиться,
и тогда я точно сдам экзамен.
Остывают запахи и звуки,
краски дня привычно угасают.
Но с печалью я живу в разлуке,
вызов невесомости бросаю,
и готов принять обратно в руки
землю и простор за небесами.

26 июля 2003. Ветлуга

В голубые возносясь глубины,
сбрасывая в Лету груз потерь,
повышением гемоглобина
очень озабочен я теперь.

Облаков касаюсь лёгким взглядом,
взглядом сквозь оконное стекло.
Ангел жизни, сядь со мною рядом,
чтоб свершиться многое смогло.

Чтоб, как прежде, было всё по силам,
чтоб открылось сложное в простом,
чтобы радость душу возносила
в заново открывшийся простор.

26 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Как пишется легко! Спугнуть боюсь
трепещущую птицу вдохновенья.
И всё же без остатка я вольюсь
вот в это мимолётное мгновенье.

Пусть полностью вместит оно меня,
пусть весь мой мир в себе сосредоточит
и пусть, моё дыханье сохраняя,
несёт его в пространство дни и ночи.

Туда, где зреет новая заря,
туда, где с мигом каждым жизнь дороже.
Однако, откровенно говоря,
мне кажется, что я лукавлю всё же.

27 июля 2003. Москва. Боткинская больница

В плену у функций ясных и простых,
созревшие слова пуская в дело,
здесь время я преобразую в стих
энергией двойной души и тела.

Я словно ничего не отдаю
и ничего, конечно, не теряю.
Мне стих вернул энергию мою,
её при этом удесятеряя.

Так этот удивительный процесс
в крови творится самопроизвольно,
и помешать ему не в силах бес,
меня сейчас лишивший жизни вольной.

27 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Похоже, мне прорваться удалось,
хоть сил ещё, конечно, маловато.
Я вырвался, как из капкана лось,
хотя мой мир – больничная палата.

Смирюсь, ещё немного потерплю
и путь пройду от следствия к причинам,
потери, может быть, сведу к нулю,
ну, не к нулю, так к малым величинам.

Но для того я и попал сюда,
вздыхая покаянно и понуро,
чтобы исчезли (лучше навсегда!)
безжалостной напасти кракелюры.

28 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Меня в постели муза навещает,
целует в лоб. Она довольна мной.
Она мне даже промахи прощает,
всё списывая на болезнь и зной.

Она права, и я ей благодарен
за этот поэтический полёт,
за то, что вижу свет, что я в ударе,
за то что тосковать мне не даёт.

Её улыбка на листках вот этих
незримо оставляет лёгкий след,
который невозможно не заметить,
хотя ему в сюжете места нет.

29 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Л. Иоффе, Е. Сабурову, В. Фульмахту, В. Шлёнову

Теперь уж за столом не соберёшь
друзей, до хрипоты привыкших спорить,
но не привыкших пребывать в миноре
и отметающих с ходу блажь и ложь.

Они тогда с горячностью отменной
о Родине радели непременно,
России суть стремясь определить,
её пути нащупывая нить.

В теорию поэзии вгрызаясь,
они её кроили по себе,
и возникала творческая завязь,
предвосхищая яркий след в судьбе.

Решая философские проблемы,
их запивали водкой и вином,
и в преферанс играли ночью все мы
на кухне, разумеется, при том.

Питомцы МГУшного мехмата,
не только, но, однако, в основном
ворвались в мир наш в тех шестидесятих,
в арену превращая тихий дом.

Распалось братство, разошлись дороги,
но я храню тепло минувших лет,
и память я храню о тех, пока немногих,
кого уже среди живущих нет.

30 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Не стоит ныть и хмуриться –
плохое в Лету канет.
Всё как-то образуется,
и всё на место встанет.

На то и дальнорзости
дана мне перспектива,
чтоб я не стал покорности
адептом терпеливым.

С улыбкой ироничною
гляжу на жизни всплески,
на жизнь свою столичную
без мишуры и блеска.

И у меня есть мнение,
нетвёрдое вначале,
что лунное затмение
не повод для печали.

30 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Платой за недожитое лето
стала мне больничная палата,
и поверить очень трудно в это,
но меня устраивает плата.

Я сейчас не выгляжу усталым
или, скажем, вышедшим из транса.
У меня его так много стало,
времени, видать, за счёт пространства.

Где-то солнце выйдет из тумана,
отряхнёт легко с лучей зыбучесть.
мне б туда, но слышу голос: – Рано!
Что ж, пока приму и эту участь.

30 июля 2003. Москва. Боткинская больница

А. И-ой

Вот нам досталась только горсть золы.
А прежде, интересно, почему бы
гнездились в тёмном чреве каббалы
сугубые инкубы и суккубы.

Вторгаясь бодро в грубый мир людской,
откладывая в нём свои личинки,
они, наверно, думали с тоской
о некой иллюзорности начинки.

Ну, что они хотели изменить,
пришельцы из другого измерения?!
Однако скоро оборвалась нить.
Но, впрочем, есть ведь и другое мнение.

30 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Пытливый ум рискует притупиться,
разгадывая тайны бытия;
доступна только малая частица,
в которую проникнет мысль твоя.

На звёздном небе водяные знаки
начертаны безжалостной рукой,
и странные произрастают злаки,
настойчиво смущая твой покой.

Ты не увидишь ни на дне бокала,
ни в сонно остывающей золе,
какое прихотливое лекало
твой путь определяло на Земле.

1 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Эти двери были мне чужими.
Я въезжал как пленник в эти двери
и, покорно следуя режиму,
две больницы на себя примерил.

Вскоре шутки возвратились всё же.
Я и сам в себя вернулся вскоре.
То, что в жизни мне всего дороже,
снова отразилось в пылком взоре.

В нём тоске не дал я угнездиться,
ей не отдал ни души, ни тела,
и не зря весёлая Жар-птица
так легко в окно моё влетела!

1 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Не довелось мне ездить на слоне,
а также, как ни странно, на верблюде,
но в утешенье сообщают мне:
на них не все ещё катались люди.

Зато на сером волке я скакал,
держа его за войлочные уши;
пришпоривал над остриями скал
дракона, чтобы зря не бил баклуши.

Что ж до верблюдов, также и слонов,
то обходился я без них отлично.
И я о них не видел даже снов,
хотя порой встречался с ними лично.

2 августа 2003. Москва. Боткинская больница

По горизонту я ходил, как по канату.
В нём только нет начала и конца,
и потому бывало трудновато
сойти с него, не потеряв лица.

Горизонтالي очертанья плоски
при всей природной прелести своей.
Мне краски высоты и отголоски
созвучны и близки сейчас скорей.

Мой взгляд в зенит уносят птичьи стаи,
и хоть люблю я тающую даль,
мне всё же в ней чего-то не хватает;
меня влечёт, как прежде, вертикаль.

2 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Воспринимаю всё шутя.
Серьёзность за улыбкой прячу
и жизни радуюсь, хотя
успех меняю на удачу.

Ну, что успех! Какой ценой
он достаётся в мире этом?
Всё суета, но надо мной
звезда сияет дивным светом.

И раскрываются цветы
доверчиво и простодушно,
бессмертным светом налиты,
и с ними мне совсем не скучно.

Но красок солнечные пятна
и вдохновенья аромат
они нам дарят безоглядно,
а мысли мудрые – хранят.

2 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Отслаивая облаков чешуйки,
любуюсь, что за дивная краса!
И, как всегда, спокойно и бесшумно
надолго заплываю в небеса.

В голубизну, в простор без дна и края,
в открытость, что всегда влечёт меня.
Я в сопричастность к ней давно играю,
упрямо мысли трезвые гоня.

Мне кажется, что мы с ней адекватны.
Но знаю, мне заказан путь туда,
и бережно она меня обратно
на землю возвращает без труда.

3 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Я обличать не буду никого,
притом неинтересны мне обличья
характера по складу моего,
не склонен никому бросать и клич я.

Не потому, что просто в стороне
спокойней и разумней отсидеться.
Нет, ясного пути не видно мне,
и никуда от этого не деться.

Задача – выжить. Бесполезна злость.
Есть в этом деле линия сквозная.
Вот динозаврам – тем не удалось.
Нам больше, может, повезёт. Кто знает?

4 августа 2003. Москва. Боткинская больница

ТВОЙ ЦВЕТОК

В. Яковлеву

В небрежных, жёстких росплесках гуаши
клубились прихотливо облака,
как бы дразня зачем-то чувства наши
и подменяя что-то в них слегка.

И среди этой облачной мороки,
земной опоры полностью лишён,
забыв про все условности и сроки,
к зрачкам цветок вплотную подошёл.

Он излучал шмелиную махровость,
и с нежностью он грубость сочетал,
как некую естественную новость,
и словно над реальностью витал.

Но думал ли художник сам об этом,
причастный к живописным чудесам?
Я вижу в том цветке черты портрета,
который он всю жизнь свою писал.

16 августа 2003

Э.

1

Уж ты меня, пожалуйста, прости
за то, что огорчал тебя нередко,
возможно, тут виной характер предка,
что втихаря сумел в меня врать.

Коварная игра всесильных генов,
которые порой берут своё
и направляют жизни остриё
на то, что несущественно и тленно.

Нет, истина воистину строга,
и если не вилять и не лукавить,
всё это – те же происки врага,
а он тут ни при чём наверняка ведь.

2

Сужу себя за промах свой любой,
всему давая чёткое название.
Прости, я виноват перед тобой,
перед собой, перед своим призваньем.

Не всё нам ясно в жизни и в судьбе,
и часто правду мы берём в рассрочку.
Но, впрочем, ты ведь знаешь по себе,
что это так. На том и ставлю точку.

18 августа 2003

На маленьком листке бумаги белой
я строчки как-то записал свои.
Но ветерок вдруг, подхватив несмело,
в открытое окошко вынес их.

И на виду у замершего люда
прижать к стволу те строки он сумел.
Листок мой белый (это ли не чудо?!)
повис на ветке и зазеленел.

Исчезли буквы. Вскоре лист, желтея
засох, потом, как прочие, застыл.
Я ни о чём, поверьте, не жалею.
Я очень рад, хоть строки те забыл.

19 августа 2003

Как хорошо, что был не я Адамом!
Там на кого вину переложить?
С такой виной, с таким безмерным срамом
пред человечеством нельзя на свете жить.

С другой же стороны, когда б не эта,
действительно, печальная глава,
нас не было б совсем по всем приметам,
хоть нынче в это верится едва.

Но, если честно, в бедствиях народа
(Адам до этой роли не дорос)
я лично обвиняю кукловода –
он всё затеял, так с него и спрос!

21 августа 2003

Всё упрощается в конце концов,
всё лишнее отсеется в движенье,
и тень души ложится на лицо,
и свет её творит преображенье.

Приходит понимание основ,
приоритетов происходит смена.
И истинная ценность дел и слов
свой статус обретает постепенно.

Мгновенья жизни набирают вес.
В них музыка звучит порой такая,
что ангелы слетаются с небес,
земному счастью явно потакая.

Да, так бывает, впрочем, не всегда.
На самом деле, даже редко очень.
Типичный случай – голова седа,
а ты лишь пустяками озабочен.

Притом в наследство этот мир больной
достался нам, как ныне всем известно,
да, наша жизнь была б совсем иной,
когда б являлась мудрость повсеместно.

22 августа 2003

Когда надоедает воду в ступке
толочь порой, рассудку вопреки,
я совершаю странные поступки,
которые от смысла далеки.

Тогда себя я трачу безрассудно,
не помышляя о грядущем дне,
хоть удержаться было бы не трудно,
о чём твердит напрасно разум мне.

Инстинкт могучий преодолевая,
свой сокращая быстротечный век,
я книжку жизни молча открываю
и не спеша выписываю чек.

24 августа 2003

ОДА КНИГЕ

Бродя по свежепрожитым местам,
сказать могу без тени превосходства:
я много умных книг перелистал,
несходных судеб выявляя сходство.

Но, вглядываясь в марево эпох
и вслушиваясь в гулкий ритм столетий,
я собирал из уцелевших крох
лишь эхо отзвучавших междометий.

Однако что-то всё же я постиг
и уж, бесспорно, много стал богаче.
Ведь помогали мне герои книг
решать порой нелёгкие задачи.

Конечно, в жизни всё куда сложнее.
Что говорить, не книгою единой...
И всё-таки, какая сила в ней,
какой порыв таится лебединый!

24 августа 2003

Я в точке «А» упрямо остаюсь.
Я к цели иллюзорной не стремлюсь,
и в жизни этой, суетной такой,
мне дорог стал живительный покой.

Усталость? Старость? Всё куда сложнее.
Религия – я не ищущу спасенья в ней,
и, верно, много есть тому причин.
Жизнь – совокупность многих величин.

Мне подвиги давно не по плечу.
Сражаться с мельницами не хочу.
Я жду от наступающего дня,
что он ничем не огорчит меня.

25 августа 2003

Сейчас не понять, что нужней и полезнее:
отшельник, мыслитель, герой
иль почка на дереве русской поэзии,
как это ни странно порой.

Когда эта дичь прогорит и уляжется,
осядет безумия муть,
негромкое Слово, быть может, окажется
лучом, освещающим путь.

Конечно, нелепо серьёзно надеяться,
что мир наш спасёт красота,
но жизнь ведь на смерть без остатка не делится,
а вера, как прежде, свята.

25 августа 2003

Пусть тучи стелются всё ниже,
густеют, насылая мрак,
я и сквозь тучи Солнце вижу,
и нас не разлучить никак.

Я свет его преображаю
в гирлянды радужных огней,
а тьмы стихия мне чужая –
тоски микроб таится в ней.

Вросли в меня лучи светила.
Нерасторжима эта связь.
И мне одной её хватило,
чтоб жить, в стихах своих продлясь.

26 августа 2003

Стрижи стригут прилежно облака,
приплывшие сюда издалека
по воле безответственных ветров,
над нами распростёрши зыбкий кров.

Они в другую увлекают даль
сегодняшнюю радость и печаль,
и этот взгляд, взметнувшийся им вслед,
и скороспелой осени привет.

Так пусть же осень осенит мой путь,
уж с ней-то мы поладим как-нибудь.
Но это будет завтра, а пока
летят из лета в осень облака.

27 августа 2003

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Э.

Мир для меня приемлем стал
с тех самых пор, как ты со мной.
Ты мой магический кристалл,
созвёнён я с тобой одной:

я сквозь тебя гляжу вокруг
и в глубину гляжу, и ввысь.
Я знаю, замкнут этот круг,
в котором бьётся наша жизнь.

Я знаю, что наверняка
избегну власти суеты,
пока сиянье есть, пока
гляжу вперёд и рядом ты.

28 августа 2003

ДВА СОЛОВЬЯ

Е. П. Розановой

Нет, «нахтигаль» не то, конечно, слово,
не то звучанье и не тех кровей.
В его природе жёсткая основа,
насколько наш созвучней «соловей»!

В нём слышится дыханье звёздной ночи
и россыпь нежных звуков, и тоска,
и соло, что влюблённым близко очень,
и эта боль, что сердцу так близка.

Уж, верно, так когда-то разыграли
(резоны были, видимо, свои),
Германии достались нахтигали,
в России поселились соловьи.

Август 2003

КАК Я ПИШУ СТИХИ

Это дело мне не внове
и, хоть прочих всех дороже,
я ловлю себя на Слове,
впрочем, и на Мысли тоже.

Это как когда случится.
Главное вцепиться в промельк.
А точнее, зацепиться,
ничего не нужно кроме.

Встанет всё само на место,
зазвучит и воплотится
с вдохновением совместно,
и взмахнёт крылами птица.

30 августа 2003

СНЫ

Творя миры из образов и слов,
из облаков, играющих со мной,
я замечаю, что не вижу снов,
они меня обходят стороной.

А были же, тем облакам сродни,
являлись, оставляя зыбкий след,
возможно, нечто добавлявший в дни
из тех ночей, которых ныне нет.

Они ушли, наверное, к другим,
к тем, видимо, кому они нужней,
чтоб Фрейд мог объяснить дотошно им
взаимосвязи их ночей и дней.

А я отлично обхожусь без них.
Я в мире миражей и так живу
среди фантазий облачных своих,
являющихся часто наяву.

30 августа 2003

Кому не лень, все Пушкиным клянутся,
в любви к нему признаться норовят,
но с ним наедине не остаются,
поскольку у поэта острый взгляд.

Сфальшивить перед ним не так-то просто.
Он видит «почитателей» насквозь,
любого званья и любого роста,
и кучами собравшихся, и врозь.

Ни от кого он не был отгорожен,
да и сейчас всем ищущим открыт,
но компромисс тут явно невозможен,
что делать, не для всех его дары.

1 сентября 2003

Как быстро изменился мир вокруг,
а тот, что был – теперь картина в раме,
но разве мог я измениться вдруг?!
И я сейчас завис между мирами.

Что ж, к старому отрезаны пути,
с ним примириться не было охоты.
Но разве можно мир такой найти,
где счастливы бы были Дон-Кихоты?

Им в новой жизни тоже места нет,
что, думаю, вполне закономерно.
У них свой мир, свой путеводный свет,
и этого достаточно, наверно.

2 сентября 2003

Жизнь – достойная награда,
на неё коситься вредно.
Мне не так уж много надо,
чтобы жить вполне безбедно.

Вот здоровье бы подправить,
не утратить силу зренья,
чтобы был всегда я вправе
вливать нектар в стихотворенье,

то, которое, быть может,
утоляя чью-то жажду,
нечто осознать поможет
хоть кому-то, хоть однажды.

2 сентября 2003

Ну вот, и отшумели страсти,
так всё приходит и минует,
эпохою Советской власти
теперь те годы именуют.

И старые названья улиц
из долгой ссылки, хоть не скоро,
на старые места вернулись
и... не узнали этот город.

Он стал другим, чтоб оттолкнуть их,
но не настолько же, конечно.
И, в общем-то, его, по сути,
не стоило б судить поспешно.

Фасадов незнакомых лица
на них сейчас взирают строго.
Но всё остынет, устоится,
они привыкнут понемногу.

4 сентября 2003

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Остановись на миг, взглядишь, постоишь...
Как он бликует, шестьдесят шестой!

Болезни, старость с ворохом забот
и славы блеск... Её последний год.

Достоинство завершение пути,
всего того, что ей пришлось пройти

со всей страной и врозь, и заодно.
Кому измерить эту жизнь дано?

Ну разве что самим её стихам,
что светлым даром остаются нам.

Великие, которых тени тут,
её за этим поворотом ждут.

Последний жадный воздуха глоток.
Её уносит времени поток...

6 сентября 2003

Как правило, природа знает меру,
процент же брака явно очень мал,
но видно, создавая ноосферу,
не тот употребила матерьял.

Для нас так велико её значенье.
Она оберегает наш покой,
смягчая резко силу излученья
преградой в ситуации такой.

Образованье дыр в небесной выси
грозит бедою в этот скорбный час,
хоть в основном её судьба зависит,
как ни печально, в основном от нас.

8 сентября 2003

Жизнь – движение в пути,
налицо все признаки.
Прошное, как ни крути,
населяют призраки.

Их ничто не оживит.
В отмелькавшей замяти
спорен даже внешний вид
в субъективной памяти.

И хоть неразрывна нить,
рады иль не рады мы,
можно ль прошлым заслонить
что-то, да и надо ли?

И пускай наводит грусть
время суматошное,
археологи уж пусть
обживают прошное.

9 сентября 2003

ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ

Сейчас мой разум тусклым глазом
упёрся в горизонт размытый,
и в память то проникло разом,
что было, вроде бы, забыто.

Но стало всё-таки занятно
на срезе тающих мгновений
перемещать в пространстве пятна,
накладывая их на тени.

Но что всё это означало,
сознание не различало.
Не знаю я, куда заманит
явившееся мне в тумане.
На этом фоне многолики
воображения улики.

11 сентября 2003

Творить добро, не думая о том.
Что может быть естественней и проще?
Но в этом проявлении простом
таится к совершенству импульс мощный.

Творить добро без лишних громких слов,
которых наша жизнь несёт лавину,
чтоб в жизни, а не в мире сладких снов,
настырность зла немного отодвинуть.

Добро творящий свет несёт во тьму.
Наверно, он не может жить иначе.
Возможно, зло завидует ему:
он с каждым днём становится богаче.

12 сентября 2003

Стихи писать совсем не трудно,
особенно по вдохновению.
Камланье, только что без бубна,
развеществление мгновения.

Как соблазнительно порою,
вообразив, что здесь Ветлуга,
легко увлечь себя игрою
и над землёй взлететь упруго.

Притом не думая о слоге,
где выверено всё умело.
А что получится в итоге –
ну, это уж другое дело.

15 сентября 2003

Протёртый теми годами,
где не отыщешь дна,
за всё, что мне недодано,
я заплатил сполна.

Но то, что нерастраченным
сумел я сохранить,
в судьбу вписало начерно
сияющую нить.

А что в пути потеряно,
того уж не вернуть.
Знать, беды не намеренно
мой искривляли путь.

И всё же отсвет пламени
сочится сквозь меня
на срез реалий каменных
сегодняшнего дня.

17 сентября 2003

Как бы спасаясь вечно от погони,
не различая знаки и цвета,
мы слишком долго пребывали в лоне
плывущего в безумие кита.

Не будучи нимало озабочен
судьбою тех, кого он заглотал,
кит плыл упорно в царстве вечной ночи
среди рифов и нависших грозно скал.

Так годы шли, сменялись поколения,
не знавшие сияния зари,
и лопнул кит однажды под давлением
возросшим и снаружи, и внутри.

Простор пугает, волны, ветер свищет.
Всё непривычно. Жизнь вокруг не та.
И большинство уже спасенья ищет
в утробе подоспевшего кита.

18 сентября 2003

ЗА КЛЮКВОЙ

Ю. Редькину

Как ярко я день этот помню,
затерянный в месиве лет!
Навстречу звенящему полдню
мы шли, я и Юрка, сосед.

Грибы с терпеливым укором
пытались в глаза заглянуть,
но ждал нас Привал, за которым
был долгий томительный путь.

Сияла листва позолота,
то здесь возникая, то там.
Мы просекой шли на болото
по свежим медвежьим следам.

20 сентября 2003

ЭТО БЫЛО

А. А. Штейнбергу

Сколько лет пролетело!
О, как далека та пора!
Но я вижу то лето,
словно всё это было вчера.

Польский ботик скользит
по речной серебристой волне,
лёгкий пенистый след
навсегда оставляя во мне.

Хотча... полон простор
голубой тишиной,
в теле свежесть и бодрость,
и весёлый Акимыч* со мной.

Управляется ловко
с парусами бывалый моряк;
я сижу на корме,
а вокруг полыхает заря.

Лодка мягко всплывает
на весле в золотой окоём.
Пустяки обсуждая,
мы к Петровичу** в гости плывём.

Ближе к вечеру снова
нам простор открывает река,
в ближний путь провожают
обленившиеся облака.

* Акимыч – А. А. Штейнберг.

** Петрович – художник Б. П. Свешников.

Все потери, все беды
так нездешне ещё далеки,
от беспечности этой,
от этой спокойной реки.

24 сентября 2003

Мы все во что-то верим в разной мере –
и пешки, и ответственные лица.
Я знаю, что в любой горячей вере
огромная энергия таится.

Казалось бы, всё это очень кстати
и может оптимизм внушить к тому же,
беда лишь в том, что общий знаменатель
пока, похоже, никому не нужен.

Опасный вирус проникает в души.
Неистребима в нас природа зверья.
Когда одна другую вера душит,
растёт цена холодного безверья.

25 сентября 2003

Жизнь изучив людскую досконально,
мудрейшие вам скажут старики:
Всё важное в ней, в сущности, банально,
а не банальны только пустяки.

И те нечасто новым поворотом
и ярким блеском ослепляя нас,
способны только с толку сбить кого-то,
кто в колее привычного увяз.

Банальное ведёт и направляет,
предохраняя от великих бед.
Оно, о нас заботу проявляя,
на все вопросы нам даёт ответ.

А те, кто парадоксов ждут в ответе,
кто мыслью в запредельное проник,
попав обычно в дьявольские сети,
возможно, что-то и находят в них.

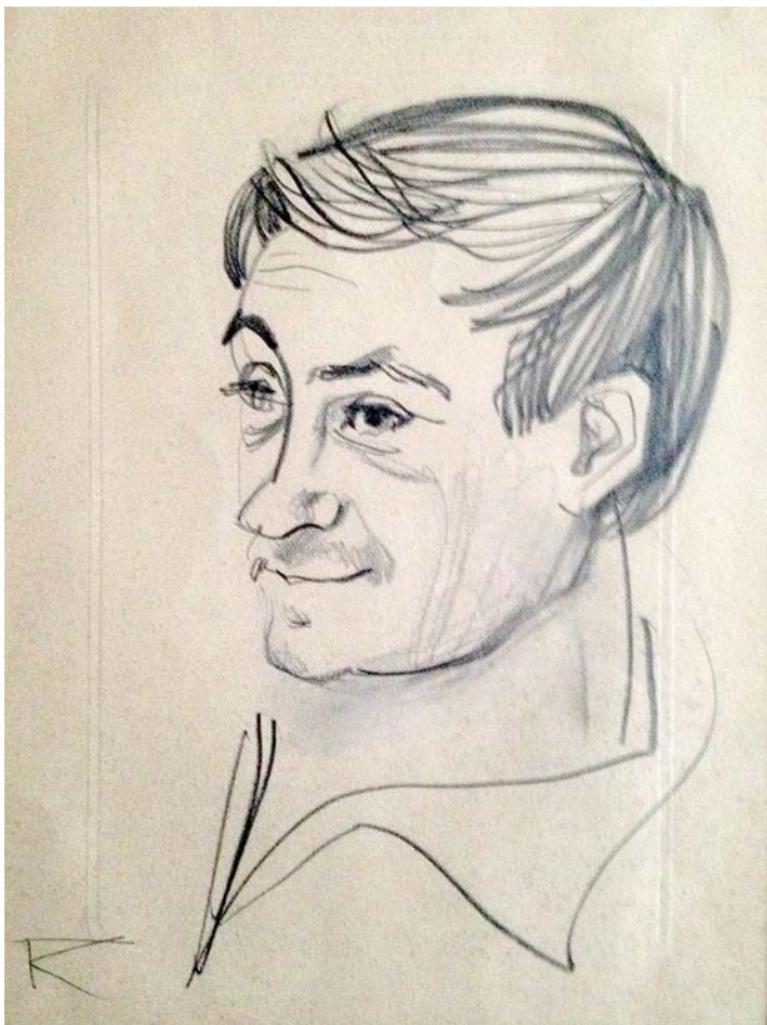
26 сентября 2003

Усвоив уроки прошлого,
запомнил я, как аксиому,
что лучшее – враг хорошего,
и это понятно любому.

Народ же предпочитает
простую, как видно, пищу.
И логика тут простая:
от добра, мол, добра не ищут.

Из этого, думаю, ясно:
народ, он врага боится.
И к лучшему понапрасну
не стоит пока стремиться.

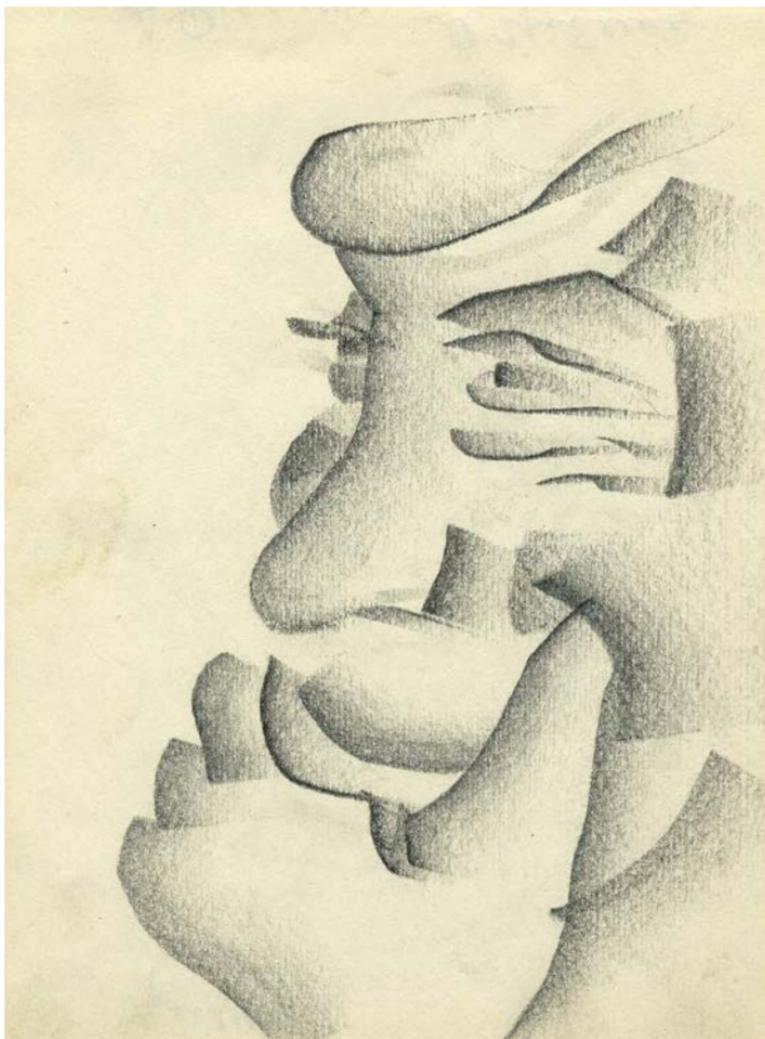
26 сентября 2003

Портрет А. Флешина. Бумага, карандаш.
Подпись Г. К. Автор неизвестен. 1973

В. Яковлев. Портрет А. Флешина. Бумага, фломастер. 1969

М. Гробман. Портрет А. Флешина (шарж). Бумага, карандаш.
Середина 1960-х

1961-ХИ-13 Я встужу на рассвете сон; шерва я
 было проснулся... полегал полегал, себе потом как-
 то медлительно уснул. И действительно медлительно что-
 то ощущал себя и вносилъ своево сознаниа так
 и чувств оццоунал ~~сво~~ своего сознания только
 встужу в иаюсто очень страшное ощущение

где сидят за партами наше-то... нето техникум:
 были студенташии, но точно знаю это худшее:
 злю прикладное училище и потому-то все одетые
 в пальтах и шубешках малькишии и девчешки, много
 человек полста не меньше и притом все китайцы и
 наше-то якуты или монголы противные и тупые
 но молчаливые и внимательные и видимо любят
 свое дело. Тебе покажется сон гадким я предчувствую.
 Я одею или вот те самые китайские фарфоровые

статуэтки которые можно видеть
 на полях комиссионных магазинов
 и которые я не видал ни разу чтоб
 их кто пошурял. Они там стоят
 чуть-ли не годами. Или на манер
 философов на китайских травниках.
 см. рис. на обороте.

Я подхожу и сажусь на какое-то
 мягкое возвышение лицом к
 студентам, а так однокотысь на

Две страницы из 12-страничного письма В. Ситникова с рисунками
 к Э. Флешинной от 13 декабря 1961

пробный лосоть и чуть полужа. И устранивал и не
 смею так будто мне придется так долго полусидеть
 полужать. Я знаю что я утратил этих студентских
 и забывал и себе из этого собрался утратить одну
 свою ученицу китайку одетую близко к тому как
 одет я сам. Помню что на мне все синее-серое и на
 ногах чулки белые и плотнейшие и толстые и в

→ дами вот японских
 босоножках. И она обета таи-ня.
 и вроде как я забывал ее для того
 что-бы она читала свое сочинение
 в стихах. (ну и чудеса!) Я вроде как
 поэт учитель.

И вот: (тут-то и начинаешь)
 Она вид круленькая и толстенькая
 плотненькая пухленькая странно
 приятно смотреть хотя одета плохо:
 = на в этом сероватом халате.
 Запахнута как-то по
 китайски и подвзданном
 кушлом. Беззастенчив.
 на ногах таи-ня белые
 чулки с босоножками как
 и у меня. В руках у нее те
 = тради и на мне-то стихи
 поэмы. Я забывал ее для
 того что-бы она читала
 вслух всему классу. → то
 как-бы я проверяю дома:
 = шипя заданья у всех

этих студентов и собралось это делать со мной
 по опереди, потому что и устранивал поудобнее
 ученица-учащица.

Она подходит ко мне и вот как это полагается
 (она знает что такой обычай (?!!)) подходит
 и по обычаям..... усмиряется ко мне поудобнее втиски:
 = ваясь сосредоточенно старательно (так как будто она и
 все ученики и этому делу уже привыкли)... → то, как-бы по:
 = никак для того такой обычай что-бы вклиниться и учить:
 = но свое доверие и главное публично-быть как-бы...
 это мазать поддержку духом дабы было не так странно

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Эпохе и Саме

С надеждой на скорое возвращение
с книги обложки - вернуть, которую
и так давно жду.

А. А. Штейнберг

2 мая 1977.

Автограф А. А. Штейнберга – переводчика книги Д. Мильтона
«Потерянный рай». 2 мая 1977

НГУЕН ЗУ
с. 100
ВСЕ ЖИВОЕ

Переводы с вьетнамского
АРКАДИЯ ШТЕЙНБЕРГА

Дороге и Саше
от старого Аркадия

22.X.65

Титульный лист книги стихов вьетнамского поэта Нгуен Зу
в переводе А. Штейнберга с автографом. 22 октября 1965

Дорогой Саме С/решина

Не верю, что прошло 45 лет
после выезда твоих друзей
как будто это был вчера,
так же ты писал как будто
этим надписям уже это
стало восток со мной.

Рифан Ивнев

2 октября 1966.
Москва

Автограф Р. Ивнева на книге «Солнце во гробе».
(«Имажинисты», 1921). Москва, 1966

Зарова Сема!

Во първия и биг Вес
составили, а во втория
и трети Вес на 3 дна дано
ми "Гетере ввешени в минари
Двкел" ми, в ср. ел, перенасяне
и за нов ми

Трава и дава неми
Ке Реп М

19 / III 66 СМ

Записка Р. Ивнева. 19 марта 1966

Другу
любовь
Д. М. Ф. Ф. Ф.
А. С. П.

Евгений

Фёдорович

САБУРОВ

с
Р
А
С
К
О
Л
О
Т
Ы
И
К
А
М
Е
Н
Ь

изд. Пиф-Паф.
МОСКВА 1968 г.

Самиздатский сборник стихов «Расколотый камень» Е. Сабурова с автографом

Л.М. ИОФФЕ

Д Е К О Р А Т И В Н Ы Й

О Б О Р О Т

Изд-во "Мим"

1966 - 1967 г.г.

Самиздатский сборник стихов «Декоративный оборот» Л. Иоффе,
подаренный автором

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АЛЕКСЕЙ ПЕВЗНЕР

ДОРОГА, ПО ОБОЧИНЕ...

Сыну моему Алексею посвящаю

*Дорогим друзьям
от Лены и Анны
и об о. Александре Мам.*
+
*Сашенька и Эмилия
Петровна на
дорожном отпуске*

Москва
МПГИЗМАЙЛОВО*
1992г.

Титульный лист книги А. Певзнера
с автографом А. и Э. Флешиным

М. ТОПУРИЯ

ЛАДО ГУДИАШВИЛИ

Издательство Союза писателей Грузии
«Заря Востока»
Тбилиси — 1958 г.

*Форогом и замечательному поэту
Саиде Флимингу, желаю много
поэтических радостей в творчестве и
вспомню Ладо Гудиашвили 18-11-70.
Тбилиси*

Рисунок с автографом Л. Гудиашвили (Тбилиси, 1970)
на титульном листе книги М. Топурия «Ладо Гудиашвили»
(Тбилиси, 1958)

Вид на реку Ветлугу из окна избы Флешиных. Погорелка, 1981

Изда Флешиных в Погорелке, где они жили летом с 1979 года

Саша и Элла Флешины около своей избы. Погорелка, 1981

Камень на могиле Александра Ефимовича Флешина
на кладбище в городе Ветлуге. Фото Э. Флешинной. Май 2019

Э.

Вот лежу я на песке,
плавниками шевеля,
и гляжу в немой тоске
как вращается Земля;
как прилив жуёт песок,
захватив его волной,
полежу ещё часок
рядом с морем и сосной.

А потом опять нырну,
может, вниз, а может, ввысь.
Не ищи тут глубину,
но взгляни и улыбнись.

26 сентября 2003

Всё приемлю: и клевера сладость,
и горечь полыни,
всё спешит приголубить
от мути очищенный взгляд.
Проявления жизни
мне стали дороже отныне,
хоть и прежде я был им
по-детски, конечно же, рад.
Для кого-то бедна наша жизнь,
для кого-то богата.
Время небо уносит куда-то
на зыбкой волне.
Мне он видится щедрым сегодня
сквозь призму заката,
этот мир, что пока существует
вокруг и во мне.

27 сентября 2003

Глаза закрою, вижу луг,
меня втянувший в пряный круг.
Я, очутившись на лугу,
его покинуть не могу.
Лежу в траве. Над головой
простор прозрачно-голубой,
где перистые облака,
как нитки, спутаны пока.
Лежу, покоем взятый в плен,
всё прочее лишь прах и тлен.
Так, ткань минувшего края,
я возвращаюсь в те края,
где лишь сейчас, в такую рань
реальности условна грань.
Да что реальность, разве в ней
сквозь череду ночей и дней
ты разглядишь и ощутишь
и эту глубину, и эту тишь?
Всё, что не здесь, а где-то за...
– Очнись, пора открыть глаза.

30 сентября 2003

Мне хорошо – от всех напастей средство
имею я, от всех дверей ключи.
Бесценное сокровище в наследство
от самого себя я получил,

оно мне и надежда, и порука,
в нём нахожу энергии заряд,
и будней расслабляющая мука
напрасно копит свой смертельный яд.

Мне повезло, ко мне приходят в гости
мои творенья, чтоб меня взбодрить,
надёжный перекидывая мостик
из прошлого в мир завтрашней зари.

Добывшие других сокровищ груды
пускай кривят усмешкой жадный рот.
Я с ними в спор пустой вступать не буду.
Жизнь ласточки постичь не может крот.

Но я, имея нужное мне зренье,
не осуждаю свысока крота.
Мы существуем в разных измерениях,
хоть жизнь и тут и там равно крута.

И, коль земные дни мои продлятся,
загадывать я всё же не хочу,
в какие сферы я смогу подняться
по солнечному тонкому лучу.

1 октября 2003

ПАМЯТИ ЛЁНИ ИОФФЕ

Суровый выпал путь ему.
И вот он, финиш неизбежный –
из света выброшен во тьму
холодной силой центробежной
ещё один, один из тех,
кто был когда-то многих ближе,
чей и сейчас я слышу смех
и чью тоску сквозь годы вижу.

Как часто мы бродили с ним
по улицам, болтая, споря;
нам был огонь необходим,
вдруг загоравшийся во взоре.

Он принял дар нелёгкий свой
как знак служенья и обета.
Он был мехмата рядовой,
отмеченный тавром поэта.

Когда-то в кухонном дыму
стихи упругие звучали,
что, непонятно почему,
казались горькими вначале.

А впрочем, горечь в них была,
да и могло ли быть иначе?
А жизнь уверенно вела
к решенью основной задачи.

Из памяти ещё не стёрт
вчерашний мир, слова и звуки...

Но вот рубеж, аэропорт,
печальный ритуал разлуки.

Я слышу тихий голос твой,
когда прощались мы бесслёзно:
– Увидимся ль ещё с тобой?
Не довелось. Теперь уж поздно.

4 октября 2003

ЭСКИЗ

Э.

Вот и трав настой готов,
дарит утро свежесть;
сны раскрывшихся цветов
источают нежность.
И, чтоб небу песню спеть,
что звучит веками,
лепестки спешат взлететь
вместе с мотыльками.
Рядом сушит стрекоза
вымокшие снасти,
целый мир в своих глазах
раздробив на части.
Гасит солнце вдалеке
месяц светлоокий
и туман сквозит в реке
пенной поволокой.

4 октября 2003

Как часто боль чужая ранит нас!
Судьба чужая, как своя, близка.
Гляжу на потускневший рыбий глаз
и чувствую, грызёт меня тоска.

Другой бы поспешил убраться прочь,
известно: с глаз долой, из сердца вон,
а мне той рыбе хочется помочь,
чтоб не был безответным рыбий стон.

И, будучи в душе рыболюбив,
я быстро выход правильный нашёл.
Я съел её. Да, мой рассказ правдив.
Всё кончилось для рыбы хорошо.

5 октября 2003

Когда-то славилось лесбосское вино.
А ныне, что мы помним о Лесбосе?
Эпоха та давно ушла на дно,
оставя, впрочем, след в одном вопросе.

И имя это лёгкое – Сафо,
и строфы, уцелевшие случайно,
где аромат над каждою строфой
способен опьянять необычайно.

Но нам душа Эллады не видна.
Туманят взгляд находки и потери.
Кто пряный вкус лесбосского вина
сегодня оценил бы в полной мере?

6 октября 2003

В эпохах отдалённых часто странствуя,
я наблюдаю странные явления,
но времени глубины океанские
не производят на меня давления.

Во времени гуляя и пространстве,
в своём обычном персональном коконе,
я заряжаюсь импульсами-токами,
что мне внушает мысль о постоянстве.

В своей эпохе навсегда прописанный,
я не боюсь в пространстве затеряться.
Подобное, конечно же, немислимо:
в моей руке горит перо Жар-птицы.

Так жизни зыбкий контур намечается,
в котором до конца ещё не ясно,
где скудная действительность кончается,
а где в свои права вступает сказка.

10 октября 2003

Нет, греки, видно, собственных богов
не уважали, яростных и мстительных,
что не щадили ни детей, ни вдов,
о чём твердят нам мифы убедительно.

Ну, скажем, Марсий дерзкий был сатир.
Своей игрой на флейте он гордился
и Аполлона вызвал на турнир,
но против бога явно не годился.

Ну, что ж, он состязанье проиграл,
но чем же бог отметил достижение?
Всю кожу Аполлон с него содрал
к публичному вдобавок унижению.

Себя, бесспорно, опозорил он.
К лицу ль ему-то месиво и крошево?!
Но если уж таков был Аполлон,
чего от остальных-то ждать хорошего!

10 октября 2003

Был мир к обновленью готов,
когда, приглядевшись внимательно,
гуртом всех наличных богов
свели к одному знаменателю.

Идея предельно проста.
Всё было отлично просчитано.
Итак, плод созрел. Час настал.
Послание было прочитано.

Свирепых богов без следа
изгнав с небосвода язычества,
народ позабыл навсегда
и качества их, и количество.

Призвали, как есть, одного
сурового, но справедливого.
И так возлюбили его,
что жизнь сразу стала счастливою.

12 октября 2003

Да, это истина святая.
Зачем и почему, бог весть,
я слабость к карасям питаю,
люблю их и ловить, и есть.

Милы мне форма и окраска,
и воля к жизни карася,
и жизнь его, сплошная сказка,
что на виду у ряски вся.

Сияя солнечным отливом,
уходят караси на дно,
процеживая терпеливо
планктон и тину заодно.

В воде лоя их очертанья,
залюбоваться я могу,
хоть карасей предпочитаю
приветствовать на берегу.

13 октября 2003

Когда-то в Нижнем Пшапи вечерами
(как память на далёкое остра!)
мелькали светлячки в подлунном храме
искринками волшебного костра.

Их свет не озарял надёжно дали,
но что-то явно значил для меня,
когда с моей руки легко взлетали
носители бенгальского огня.

Быть может, в той тиши земного Рая
они, обозначая некий след,
внушали мне, что можно, не сгорая,
нести во тьму едва заметный свет.

13 октября 2003

Прощаю след в мозгу,
мысль мелькнула и пропала.
К ней пробиться не могу
и суюсь куда попало.

Может, мне не суждено
с этой больше повстречаться,
с ней при этом заодно
и другие мимо мчатся.

Пляшут в гулкой пустоте
без реальных проявлений
то ли те, то ли не те
ускользающие тени.

Правда, тот зудящий след,
я уверен, не сотрётся.
Мысли согнуть смысла нет,
погуляет и вернётся.

15 октября 2003

Суду людскому неподсудна,
хотя и в Божьем не нуждалась,
копилась исподволь, подспудно
всепроникающая жалость.

Ведь вот, внушает беспокойство
нелепость явная такая!
Душа болеть имеет свойство,
своим порывам потакая.

Поди пойми, чего ей надо.
Она себе не адекватна:
то свой закут покинуть рада,
то слёзно просится обратно.

Мне нужно для себя немного,
ну, книги, карандаш, бумага...
Я б личного отправил Бога
творить общественное благо.

16 октября 2003

Признаюсь честно, я не воин.
К чему мне эта небылица.
Но я давно обеспокоен
тем, что вокруг меня творится.

Простор земной пропитан ядом,
что никогда не станет мёдом,
безумие гнездится рядом,
и нет в потоке лавы брода.

Злой волей мир наш перегружен.
Покой сегодня невозможен,
и чувствуешь себя всё хуже,
хоть происходит с ним всё то же.

Как неразумно мир устроен,
и битвы в нём одни и те же,
где каждый поневоле воин,
поскольку выбор неизбежен.

17 октября 2003

Нынче климат явно портится,
да притом довольно круто,
и в природе пересортица
происходит почему-то.

Вся земная флора-фауна
реагирует тревожно,
и состав меняет аура,
что понять, возможно, сложно.

Так что, взвесив тучи чёрные
и давление на гены,
дальнозоркие учёные
предрекают перемены.

Прогнозируют явления,
неприятные для слуха.
Но в порыве вдохновения
постигает вечность муха.

18 октября 2003

Нам нужен сон, как утоление жажды
для ускоренья жизненного роста.
Коварный сон сморил меня однажды,
и оказалось всё не так-то просто.

Он был пустой – безлунный и беззвёздный,
к тому же, разумеется, безлюдный.
Я вынырнуть решил, пока не поздно,
но сделать это было слишком трудно.

Я поначалу тихо бесновался,
поняв, что влез в расставленные сети,
а после прочно в них обосновался,
и мне защитой стали сети эти.

Вы спросите, откуда мне известно,
что жизнь и сон есть линия сквозная,
ну, что ж, вопрос поставлен интересно,
ответа, впрочем, я и сам не знаю.

Да и к чему мне лишние заботы?
В них пользы мало, это знает каждый.
Я рад, хоть это дико для кого-то,
что этот сон сморил меня однажды.

19 октября 2003

И я изведал мрак неправой кары,
рукой холодной брошенный на нары,
и знаю, так сказать, не понаслышке,
зачем томится часовой на вышке
и что творится в лагерном бараке,
там, где зимуют зэки, а не раки.
Я древесину обмерял на бирже,
писал душеспасительные вирши.
Не вычеркнуть ту боль и ту усталость,
ведь жизнь всё время набело писалась.
Но чтоб весной тянулась к солнцу ветка,
я эти годы вспоминаю редко.

20 октября 2003

Как было бы благоприятно
лежать сейчас на сонном пляже,
где волны солнечные пятна
дробят, не разглядев их даже.

Где в тишине бесчеловечной
застыло время над заливом,
поняв, что я не первый встречный
и наблюдая терпеливо.

А я б, возможно, окунулся
в его беспмятство глухое
и в дом заждавшийся вернулся
из обретённого покоя.

И памяти живое зренье
расцветивало мне покорно
виток другого измеренья
всё той же жизни иллюзорной.

21 октября 2003

Эту неся кладь
по дороге крутой,
сколько ещё ждать
метаморфозы той?

Впрочем, выбора нет.
Надо вперёд идти,
чтобы увидеть свет
где-то в конце пути.

Веру ведёт стих,
силы копивший впрок.
Хватит ли мне их,
чтоб перейти порог?

22 октября 2003

Сквозь асфальт прорастает изморозь.
Ветер благости не сулит.
Непогода из плена вырвалась,
очень пагубная на вид.

Неба ком, в полумгле продрогшего,
над холодной землёй повис.
Ну чего ожидать хорошего
может взгляд, устремлённый вниз?!

Солнце, выгляни, будь же умницей,
подари нам тепло и свет!
День мокрицей ползёт по улице,
оставляя волнистый след.

22 октября 2003

Мне понять до конца не дано
всю неправильность этого лета.
Может, не было вовсе оно
средоточьем покоя и света.

Впрочем, может, на лето пенять
и не стоит, и нет в нём злой воли.
Но в лесу не дождалась меня
земляника, а чибисы в поле.

И с рекою я был разлучён,
на прокрустово ложе уложен.
Верно, лето и тут ни при чём.
Но вопрос-то действительно сложен.

25 октября 2003

Знает всё лишь Бессмертный Кощей.
Сказка мало похожа на пьесу.
Биографии старых вещей
скрыты времени пыльной завесой.

Охраняет музейный покой
судеб их недоступные тайны,
и, коснувшись фактуры рукой,
ты услышишь лишь отзвук печальный
тех событий, тех жизней, тех лет,
так же знавших и юность, и старость,
что оставили видимый след,
но в невидимом прошлом остались.

28 октября 2003

Легко, посеяв клеветы
и зла рассаду,
взрастить безумия цветы
на гибель саду.

Страну ведь ставят на попа
и рвут на части,
когда становится толпа
опорой власти.

А те, кто отвечать должны,
те будут клясться:
тут нашей вовсе нет вины,
так вышло, братцы!

29 октября 2003

Лжи удобной не проси.
Что в наследство нам досталось?
Ведь от благостной Руси
только пьянство и осталось.

Да ещё, пожалуй, нрав
неуёмно-бесшабашный.
Он, ещё крикливей став,
судит строго день вчерашний.

Предсказать я не берусь,
что Россию ожидает,
только мир с прозванием Русь
скрыла старина седая.

Этот мир для нас хранят
летописи и былины,
что в единый сводят ряд
плач и посвист соловьиный.

29 октября 2003

Мир к открытию готов.
Радостью ведомы,
из раскрывшихся цветов
высыпали гномы.

И, составив хоровод
и припудрив лица,
начал маленький народ
шумно веселиться.

А когда устали все
петь и кувыраться,
стали в солнечной росе
утренней купаться.

В тёплом воздухе парном
засияли краски,
и привычно главный гном
рассказал им сказку.

Мол, за тридевять лесов
небо вечно в саже,
там и птичьих голосов
не слышали даже.

И живут годами там
люди-великаны
в городах, где шум и гам
и повсюду камень.

Гномы сказки той слова
слушали в печали
и, поверив ей едва,
головой качали.

1 ноября 2003

Путь благочестья непросто пройти,
но, тем не менее, как известно,
праведник видит в конце пути
Рай, где ему приготовлено место.

С грешником всё, безусловно, сложнее.
Кто предсказать ему финиш решится?
Путь среди вод, медных труб и огней
может совсем не в Аду завершиться.

Правда, тут ангел подсказки не даст.
Надо минуту прочувствовать эту
и своевременно сбросить балласт,
чтобы покаяться, ринувшись к свету.

Ясно, легко тут пропасть ни за грош:
не угадаешь, попробуй воскресни!
Праведник – тот, безусловно, хорош.
Грешник намного зато интересней.

5 ноября 2003

Солнце выпило туман
и, купаясь в горном блеске,
загляделось на дома,
на луга и перелески.

Всё, что дышит в летнем дне,
всё, что взгляд заворжило,
солнце протянуло мне
и на выбор предложило.

За дары благодарю.
Буду помнить этот день я.
Златотканую зарю
уношу в стихотворенье.

15 ноября 2003

Истины всегда незримы зёрна.
В недовоплощенье скрыта тайна.
Лишь неуловимое бесспорно,
лишь неосяутиное реально.

Но предметной явью мир наполнен,
чтобы мы в неведение остались
даже если что-то и припомним,
поборов рутину и усталость.

Пролетит неведомая птица,
зримый, плотный мир мечтой заденет.
И пространство словно раздвоится,
выводя нездешнее из тени.

3 декабря 2003

ЧИТАЯ ПИСЬМА ТЕХ ВРЕМЁН

Опровергать закономерность глупо.
Эпоха адекватна виражу.
Сквозь времени изогнутую лупу
на жизнь потустороннюю гляжу.

Другие люди и другие нравы,
иное излучение души,
пусть не всегда те люди были правы,
но как же их порывы хороши!

Российского Серебряного века
обломки довелось увидеть мне.
Для них не миражом являлась Мекка,
сгоревшая в безумном том огне,

что всё живое смёл и уничтожил,
прикинувшись спасением от бед,
сам идеал был жалок и ничтожен,
да и к нему дороги верной нет.

Всё выжжено. Духовная элита
осталась где-то в прошлом навсегда,
но в душах тех такая сила скрыта,
что свет их, мрак поправ, дошёл сюда.

27 декабря 2003

Было их и прежде мало –
жизнь плодит соблазны,
очень ловко пряча жало
в глубь приманок разных.

А сегодня и подавно
праведность убога,
мелкое смешалось с главным
прямо у порога.

Притупилось наше зренье,
суетностью смято;
сквозь терпенье и смиренье
прорастала святость.

В прошлом двух начал слиянье.
Карусель бескрыла.
Тихой святости сиянье
тьма надёжно скрыла.

29 декабря 2003

Я покидаю этот смутный год,
едва не ставший для меня последним.
Стикс в это лето перешёл я вброд,
но был при мне заступник и посредник.

Меня поток холодный не унёс
из жизни, не лишённой интереса,
туда, где, правда, нет житейских гроз,
однако радость не имеет веса.

Не знаю, что мне новый принесёт,
а старый всё же научил чему-то.
Что ж, здравствуй, незнакомый Новый год,
надеюсь, будет светел твой восход
и ты со мной не обойдёшься круто!

31 декабря 2003

ДИСТРОФИКИ

Преодолеть безумье и чуму
под силу человеческой природе.
Все эти причитанья ни к чему
хорошему обычно не приводят.

Пока ещё потребность есть в простом,
бескрылости душе не страшен вирус.
Есть вдаль и шириь простёршийся простор,
и тишина, и высота на вырост.

5 января 2003

ДАЛЬТОНИЗМ

Известно всё давным-давно:
напрасны лживые слова.
Нам право выбора дано –
история всегда права.

И смерть на жизнь кладёт тавро,
и душит жар души зола,
когда становится «добро»
зеркальным отраженьем зла.

12 января 2003

УТЕШЕНИЕ

Подтвержденьем пророчеств лютуют знаменья,
верно, кары пришла пора,
и уже на земле счёт пошёл на мгновенья –
слишком долго росла гора.

Как всегда, нет на главный вопрос ответа,
и притом все оглохли мы.
Впрочем, это ещё не конец Света,
а всего лишь начало тьмы.

13 января 2003

Пройду сквозь дней напластованье,
сквозь небо хмурое в заносах,
сойду с крылечка утром ранним
и в руку луч возьму, как посох.

И яблони в цветочной пене
напомнят мне, что близко лето,
и на дорожку лягут тени –
творенья солнечного света.

23 января 2003

Я запомню её обязательно –
не развеяна ветром пыльца.
Пролетела зима по касательной,
снежной лаской коснувшись лица.

Всё в ней было: и кружево выюжное,
и спокойный, рассеянный свет.
Мне запомнится самое нужное,
то, что светлый оставило след.

25 января 2003

Вокруг непуганый покой,
немыслимая тишь.
Как отрешённо в миг такой
сквозь время ты глядишь!

Простор теряется вдали,
и даль теряет вес,
и взгляд уходит от земли
за тридевять небес.

30 января 2003

Может, мы живём, и верно, в лучшем
из миров, но то секрет небес.
Как же он окрашен и озвучен,
мир наш, полный подлинных чудес!

Я их все перечислять не буду,
да и лесть природе не к лицу.
Каждое прикосновенье к Чуду
оставляет в памяти пыльцу.

18 февраля 2003

Как никогда, пожалуй, прежде,
сейчас внушает разум нам,
что зря мы верили надежде,
питая слабость к сладким снам,
что поиск смысла заморочка,
абсурд – основа жизни всей,
а человек – всего лишь точка
пересечения осей.

5 апреля 2003

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Сидя на диванчике
или как-нибудь иначе,
божьи одуванчики
любят смачно посудачить.

И лопочут лапочки,
ничего не зная толком,
что у Красной Шапочки
что-то было с Серым Волком.

12 апреля 2003

Туман пролился вдалеке,
осела низко взвесь густая.
Ещё немного, и в реке
последняя звезда растает.

И выпорхнет в простор небес
из влажной раковины утро,
чтоб одарить и луг, и лес
сквозным сияньем перламутра.

3 мая 2003

Нет, всё же, что ни говори,
здесь, где реальны только пятна,
я неким отблеском зари
осуществился, вероятно.

И может подтвердить Аллах,
что в этой данности сусальной
я отражаюсь в зеркалах,
как это ни парадоксально.

12 мая 2003

Тишина есть отсутствие шума,
гармоничность и ясный покой.
В тишине окрыляется дума
и надежда струится рекой.

Все другие явления жестоки,
хоть и нет в том их личной вины.
Только музыка в плавном потоке
равноценный двойник тишины.

11 июня 2003. Погорелка

ПАМЯТЬ

Где те семидесятые
рубежные года?
Прощались мы с ребятами,
считали – навсегда.

Дорога в эмиграцию
под злобное «Ату!»
...Звезда конфигурацию
меняла на лету.

23 июня 2003. Ветлуга

Верю, всё вернётся скоро,
но, конечно же, не сразу.
Вижу контуры узора,
укрепляющего разум.

Хоть застыл я на причале,
да и крылышки поникли,
инкрустацией в печали
мысли светлые возникли.

24 июля 2003. Ветлуга

Зачем я лежу тут покорно, скажи,
в разломе июльского дня,
а в небе просторном резвятся стрижи,
и дела им нет до меня.

Летают свободно, стригут облака,
впивают нектар высоты,
но скоро, в окно лишь глядящий пока,
к стрижам наведу я мосты.

25 июля 2003. Ветлуга

Не выходя из поднадзорной зоны,
о чём-то возвещая (ну, не сдуру ли!),
курлычут голуби и каркают вороны,
жизнь утверждая на доступном уровне.

Но я-то им безмерно благодарен,
хотя они и не узнают этого,
за то, что ими мне призыв подарен,
не в ожиданье ль отклика ответного?

26 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Э.

Прикрытый странника плащом,
иду вперёд с тобою рядом,
твоей эгидой защищён,
храним твоим тревожным взглядом.

А если что-то иногда...
Ну, не без этого, конечно,
прекрасна встреча навсегда,
да-да, однажды и навечно.

26 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Иллюзорная плоскость небес –
словно камня стремительный срез,
только в камне застыл навсегда
жизни след, к нам дошедший сюда.

Ну а небо, оно каждый раз
удивляет по-новому нас.
Красота многолика. Ну, что ж,
лишь бы правда была, а не ложь!

31 июля 2003. Москва. Боткинская больница

Я снова в мир поэзии вошёл,
как будто и не побывал в капкане.
Между бумагой и карандашом
короткое возникло замыкание.

Я мощный импульс ощутил в руке,
как напряжённой мысли отражение.
Ну, что ж, не поэтической строке
высокого бояться напряжения!

31 июля 2003. Москва. Боткинская больница

ЛЕПИЦА

В калейдоскопе следствий и причин
произошло обратное движение,
и увенчало это достижение
преображение неких величин.

Затем момент критический настал,
и сложный механизм остановился,
и человек изрядно удивился,
но ни на миг жевать не перестал.

2 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Природу юмора не стоит изучать,
особенно тому, кто им отмечен.
Он жизнь даёт улыбке, взгляду, речи,
скрепляет свет и мрак его печать.

Наверно, он почти незаменим,
бесценный дар, но вовсе не награда,
и как легко идти по жизни с ним —
он есть и больше ничего не надо.

3 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Ни перед кем не возношусь,
ни перед кем не унижаюсь,
не ведаю, на что гожусь,
во что в пути преображаюсь.

Но я собою остаюсь.
Тут, впрочем, нечем мне гордиться.
А если есть во взгляде грусть,
так это зоркости частица.

4 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Погрузившись в историю Рима,
можно многое в жизни понять,
но история неповторима,
что как данность придётся принять.

Говорят, всё на свете не ново,
просто нынче масштабы не те,
но Истории веское слово
повисает опять в пустоте.

4 августа 2003. Москва. Боткинская больница

Я с прямого пути не сверну,
потому что доподлинно знаю:
все дороги ведут в тишину,
в тишину без конца и без края.

Жизни бурной крутой разворот
и томительное прозябанье –
всё себе тишина заберёт,
всё обложит последнею данью.

5 августа 2003. Москва. Боткинская больница

В непостижимой круговерти,
где тишина бесценный дар,
живу, не думая о смерти,
хоть я и немощен и стар.

Живу, не сознавая даже,
чей я затаптываю след,
но в повседневном антураже
преобладает белый цвет.

7 августа 2003. Москва. Боткинская больница

ДОМА! (ВОЗВРАЩЕНИЕ)

Среди привычных звуков и предметов
я снова безболезненно возник,
и корешки на полках ждущих книг
мне радостно напомнили об этом.

Кивнула «Лошадь»*, приласкал «Цветок»**,
шепнув, что неразлучны мы отныне.
Хоть с ними согласиться я не мог,
я снова был в их круг охотно принят.

9 августа 2003

* Картина художника А. Зверева.

** Картина художника В. Яковлева.

Китайские божки являют нам
то олицетворение покоя,
который в наши дни лишь снится там,
где мы не знаем, что это такое.

И мудрость нам, увы, не по плечу;
гармония? А это что за штука?
В нирвану погрузиться я хочу,
но не для наших будней та наука.

17 августа 2003

Не в открытую, не лихо,
ни к чему переполох,
ходит лихо тихо-тихо,
норовит напасть врасплох.

А тогда уж – волчья хватка,
вырваться надежды нет.
Заглатает без остатка
и – привет!

19 августа 2003

Так уж это получается –
меркнет свет погожим днём.
Одиночество сгущается,
я бессильно вязну в нём.

И в трагической бессмыслице
маскарадной мишуры
над собою не возвыситься
и не выйти из игры.

19 августа 2003

Воображенье – путь преображенья,
что приправляет будничность игрой,
и ассоциативное сближенье
нас бескорыстно радует порой.

Как много ярких красок в жизни нашей!
Когда навеет скуку суета,
вдруг отразится свет звезды погасшей
в шальных глазах Чеширского кота.

24 августа 2003

Нынче, впрочем, как и встарь,
дефицит свободы.
В муравейнике бунтарь –
явный брак природы.

Места в жизни нашей нет
для смешных амбиций.
Может, через тыщу лет
это пригодится?

26 августа 2003

Две даты. Между ними прочерк,
в котором жизнь спрессована,
размытая во мраке ночи,
отныне невесомая.

А ведь она была когда-то,
подробная и тёплая,
и вот остались лишь две даты
и чёрточка затёртая.

28 августа 2003

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ,
НАПИСАННОМУ С. СИМАКОВЫМ

До чего ж любопытно это!
Как проник в тот рисунок вирус?
Я гляжу на себя с портрета,
словно писанного на вырост.

Двадцать лет позади осталось,
а в портрете, что смотрит строго,
и сегодняшняя усталость,
и сегодняшняя тревога.

1 сентября 2003

Хоть предан слишком часто лени я,
что, правда, тайна небольшая,
вся жизнь моя – преодоление
того, что радости мешает.

Уж слишком разное замешано
по воле чёрта или Бога
в натуре Александра Флешина,
с которым я знаком немного.

1 сентября 2003

Прикрыв махровой тучей веки,
лежу, примяв траву спиною,
и словно никакой опеки
нет во Вселенной надо мною.

Пространства сгнули приметы,
и время замерло на месте,
и заблудились, верно, где-то
несущие тревогу вести.

3 сентября 2003

А если этот мир расколдовать
вдруг невзначай отважился бы кто-то,
тогда никто не стал бы воевать —
кому же погибать зазря охота?!

Исчезли б зависть, жадность, злоба, месть,
и души б радость обретали в теле,
и, может быть, тогда Благая весть
достигла б, наконец, заветной цели.

4 сентября 2003

В славной луже на опушке,
как у них намечено,
очень любят петь лягушки,
особливо вечером.

Спать артисты всем мешают,
но с каким терпением
всю округу оглашают
акапельным пением!

4 сентября 2003

Вылущивая ядрышки из дней,
которые почти не различимы,
я жизни суть фиксирую, а в ней
ищу происходящего причины.

Порочен, может быть, и этот путь:
неуловим порою смысл событий.
Но надо же заняться чем-нибудь,
чтоб полностью не раствориться в быте.

5 сентября 2003

Время – вещь довольно строгая,
но проблемы решены.
Можно сделать очень многое
из обычной тишины.

Надо только в час предутренний
тишину приворожить
и, услышав голос внутренний,
в миг мерцнувший жизнь прожить.

19 сентября 2003

Болезнь меня изрядно обглодала,
коварно своего дождавшись часа.
Оставила, злодейка, очень мало
на высохших костях живого мяса.

Теперь его беречь, однако, надо,
чтоб не остаться при костях и коже.
Болезнь своей добыче, видно, рада.
А мне теперь остатки всё дороже.

19 сентября 2003

Ждут каждого, наверно, на пути
к себе ловушки, пропасти, провалы.
Кто говорит: – А ты их пропусти, –
тот явно понял в жизни слишком мало.

Да, если б можно было обойти,
перелететь, перезабывать, отбросить,
тогда бы те нелёгкие пути
не оседали горьким пеплом в проседь.

21 сентября 2003

Как часто, приводя все чувства в трепет,
под сенью жизнерадостной строки
наш образ время своенравно лепит,
всем нашим представленьям вопреки.

Зачем из глубины явился дальней
и навсегда в сознание проник,
и в зеркале застыл вполне реальный
пугающе иконописный лик?!

22 сентября 2003

По улице Бутырской днём и ночью,
наматывая на колёса мили,
покой пространства разрывая в клочья,
безумные летят автомобили.

Возможно, есть в том смысл и даже польза,
что в два конца, куда, пока неясно,
машины полнозвучный грохот свозят,
а может, суета эта напрасна.

22 сентября 2003

Времени всё время не хватает.
Словно снег в апреле, время.
Время, как голодная волчица,
со своей добычей мимо мчится.

Все мы на земле её добыча –
уж таков её закон-обычай.
Время нас легко живьём глотает,
жалуясь, что пищи не хватает.

27 сентября 2003

На плоскость проецируя свой взгляд,
из сочетанья линий, снов и пятен
творит художник, словно шелкопряд,
мир, что народу не всегда понятен.

И сам он в этом мире не всегда
хотел бы жить, но разве в этом дело?!
Ведь можно просто дух впустить туда,
на время отделившийся от тела.

29 сентября 2003

В гарь Москвы, задохнувшейся в жажде озона,
двух миров совмещая края,
вытекает из колокольного звона
родникового тона струя.

Кто её упрекнёт в хладнокровном обмане?
Да не будет над нею суда!
Пусть куда-то зовёт и таинственно манит.
И не так уж и важно – куда.

1 октября 2003

ЭПОХИ

Мы стиснуты временем, жалкие крохи
его наблюдая в сближенье.

В нём кожей змеиной сползают эпохи,
друг друга сменяя в движенье.

Но в душах оставив зарубки и шрамы,
они застывают навечно.

История любит обвалы и драмы,
и суть её бесчеловечна.

4 октября 2003

Всё временное ненадёжно,
пусть даже без него
порой добиться невозможно
в движенье ничего,

единый вектор твёрдо зная,
ведёт игру судьба.

Не нефтяная – временная
питает жизнь труба.

7 октября 2003

Пусть пути разнообразны,
и единой правды нет,
и на всех путях соблазны
норовят запутать след,

но ведёт струя живая,
что не падка на гроши,
микроклимат создавая
в светлых уголках души.

12 октября 2003

Иллюзорен мир утопий.
Ох, мутит народ
в жизненном калейдоскопе
каждый поворот!

Очень падок на приманку
всяческих услад
вывернутый наизнанку
исподлобный взгляд.

16 октября 2003

Успехи человечества бесспорны.
Ускорено движенье повсеместно.
В грядущее вторгаемся упорно,
и это всем нам лестно, как известно.

Растут плодов прогресса урожаи,
видны прорывов явные приметы.
Мы даже, праздник духа приближая,
мечи перековали на ракеты.

18 октября 2003

Пролетело, проскользнуло, промелькнуло...
То ли было, то ли только показалось
в той сумятице бесформенного гула,
от которого осталась лишь усталость.

Словно сдвинув суетливую бескрылость,
не задев меня, оно промчалось мимо,
только что-то почему-то изменилось,
чуть заметно, но реально ощутимо.

18 октября 2003

Где вы, воздушных замков обитатели,
презревшие к земному интерес?
Двадцатый век похоронил мечтателей
и уложил романтиков под пресс.

Кого-то, может, это и порадует –
как никогда прагматики в чести,
но что стоит за этими утратами,
не видно заблудившимся в пути.

27 октября 2003

В природе чудо всё-таки встречается
на каждом, если вдуматься, шагу.
Вот в бабочку личинка превращается,
и я поверить в это не могу.

Но этот факт не подлежит сомнению.
Он обнажает механизм чудес,
хоть, в сущности, подобные явления
в нас будят нездоровый интерес.

28 октября 2003

Как архаичен день вчерашний,
и в мелочах увидеть можно.
Чернила, перья, промокашки
остались в нашем школьном прошлом.

Что ж, может, это и неплохо,
и тут прогресс царит, как всюду.
Та тихо кончилась эпоха.
Я в ней искать себя не буду.

29 октября 2003

Всё до поры таится в оболочке,
от потрясений скрытое умело,
творит природа в куколке и в почке
своё непререкаемое дело.

В ней места нет борьбе бесперспективной
добра и зла (тут у природы прочерк),
и пусть она на взгляд наш примитивна,
но в этом есть и мудрость, между прочим.

31 октября 2003

ОДНАЖДЫ

Уже склонялись к вечеру лягушки,
сменялись в сонном озере картинки...
Я был один на облачной опушке,
куда вели лучистые тропинки.

Тень вечности скользнула по закату,
крылом коснувшись взгляда, словно птица,
а он, проникший в глубину куда-то,
не мог уже обратно возвратиться.

2 ноября 2003

Конечно, хорошо порой забыться
и в сферах высших от себя укрыться,
и от забот глобальных, как и личных,
в которых недостатка нет обычно.

Но, над землёй бездумно воспаряя
и связь с ней столь гнетущую теряя,
ты в пустоте рискуешь очутиться
безликой невесоמוю частицей.

3 ноября 2003

Как в жизни перепутаны пути!
И просто всё, и в то же время сложно.
Ты можешь к телефону подойти,
тебя ещё сегодня встретить можно.

Но я-то обмануть себя не дам,
не попаду в расставленные сети.
Я точно знаю, я остался там,
в двадцатом веке, в том тысячелетье.

10 ноября 2003

Тайн в природе нераскрытых нет,
и гадать не стоило напрасно,
почему мы днём лишь Солнца свет
видим, разве что-то тут не ясно?!

Солнцу день и ночь сиять дано.
Ни на миг процесс не прекращается.
Просто ночью до зари оно
в россыпь звёзд охотно превращается.

22 ноября 2003

Меняется природа
людей и цвет режима.
Потребности народа
растут неудержимо.

А на подмостках мира
идёт зимой и летом
комедия Шекспира
«Отелло и Джульетта».

28 ноября 2003

Сколько в неприкаянности их
скрыто первозданной красоты!
Ночью отражением земных
кажутся небесные цветы,

Только в небе им сиять всегда.
Там сезонной непогоды нет.
Всё бы хорошо, да вот беда:
их никто не соберёт в букет.

8 декабря 2003

Как всё нелепо в мире этом!
Совсем не то, что в мире том.
Кто жизнь закончил пируэтом,
тот будет каяться потом.

Но простодушные как дети,
знать не желая ничего,
не так живём на этом свете
мы – по понятиям того.

13 декабря 2003

Суть явлений нередко во тьме не видна,
верно, смысл потаённый бездонно глубок.
Сводит старые счёты с волною луна,
но при чём же тут люди, понять я не смог.

Нелегко в этой жизни понять, что к чему.
Да и надо ли? Мне не известен ответ.
Правда, я, вероятно, в итоге пойму,
что ответа бесспорного, в сущности, нет.

23 декабря 2003

Да, предки были не дурнее нас.
Конечно, время вносит коррективы,
но в целом убеждались мы не раз,
что здравы их воззренья и не лживы.

Жизнь очень познавательна на вид.
Упорно прорастают знания зёрна.
На трёх китах Вселенная стоит,
и это очевидно и бесспорно.

24 декабря 2003

МЕЛОЧЬ

Пусть вера блекнет и линяет,
как нечто неуместное,
но радуга соединяет
земное и небесное.

—

Шприц и пипетка жили дружно,
а что ещё для счастья нужно?!

Моему читателю

Поверь, мой милый, ты не одинок.
Полдюжины ещё я насчитать бы мог.

—

И нам присуще постоянство.
К примеру, видит Бог,
Россию излечить от пьянства
Христос и тот не смог.

—

Жестока времени триада,
верна пути лишь своему.
Но превращать её в три Ада,
пожалуй, всё же ни к чему.

Автоэпитафия

Я жил во сне, а умер наяву.
И вот уже по Стиксу я плыву.
И, верно, в наказание за грехи
Харон читает мне мои стихи.

Памяти Юшенкова

Кто выступает против мрази,
Тот изначально обречён.
Страна гниёт в последней фазе.
Диагноз подтверждён врачом.

—

С каждым годом болезни успешнее лечатся,
и, хотя результаты уже хороши,
пересадка сердец не спасёт человечество,
но пока далека пересадка души.

—

Он такой беспокойный и быстрый,
а причина проста, коль взглядеться:
ветер мечется в поисках искры,
на пожаре желая согреться.

—

Порой извилистой тропой
мы шли, уж так судьба решала.
Вот Ванга сделалась слепой,
чтоб видимость ей не мешала.

Вечер

Угли в печке догорают.
За окном резвится мошка.
И, блаженно замирая,
тишину смакует кошка.

—
Их отношенья были гладки,
почтительны и терпеливы.
Он ей всю жизнь дарил прокладки,
она ему – презервативы.

—
Я рад тому, что не родился гением.
Ну мне ль терпеть такую маяту?!
Достаточно, что лёгким дуновением
меня коснулась фея на лету.

—
Комаров проклинать – верхоглядство,
хоть они доставляют мученья.
Комары не дают расслабляться,
в этом их мировое значенье.

—
Порывы высоки, свершенья редки.
Причина – принцип, никуда не годный.
Мы все нанизаны на часовые стрелки,
а в остальном действительно свободны.

—
Всё-таки душе не место в теле.
Ну, во всяком случае, покуда.
Если б души говорить умели,
это было б истинное чудо!

—
Проблеск зафиксировать спеша,
за него хватаюсь, чуть дыша.
До чего же всё же хороша
щедрая душа карандаша!

Тень свастики легла на серп и молот,
что мор сулит, безумие и голод.

В палате этой я обрёл покой,
глубокий, но не вечный, слава Богу.
Я скоро снова выйду на дорогу,
чтоб прикоснуться к Космосу рукой.

До чего же надо докатиться,
чтоб пропить и собственные лица!

Кто что ни говори, болеть полезно,
поскольку под болезнью скрыта бездна.
И это нам в упор напоминает,
что жизнь порой непрочная бывает.

На оптимистической волне
в неизвестность бодро я плыву.
Звёзды путь указывают мне,
и ведь не во сне, а наяву!

Как я пишу, не знаю,
хотя, скорей всего,
я искры высекаю
из сердца своего.

Престранные присуши людям свойства,
что видно в ситуации любой.
Во мне, к примеру, нет самодовольства,
но иногда доволен я собой.

Мне б с Пушкиным лежать сейчас в палате,
Ты скажешь: – Что попроще попроси!
А было б это даже очень кстати!
Вот с Лермонтовым – Боже упаси!

—
Фантазия пока не оскудела.
Ах, если б только в этом было дело!

—
Л. Шипману

Чтоб за него молился Богу Флешин,
принёс ему в больницу Лев черешен.

—
Я в образе и в роли шелкопряда,
Короче, я из этого же ряда.

—
Бубенчиком серебряным звеня,
зовёт непостижимое меня.
Оно не обещает ничего,
но я иду. Иду на зов его.

—
Из каждой мысли можно выжать что-то,
но это очень скучная работа,
поскольку, положив её под пресс,
я к ней теряю сразу интерес.

Со мною согласится каждый,
что я устроен удивительно.
Шутя сказать о самом важном
не всякий может убедительно.

Живём, почти расчеловечась,
валя на дьявола потери.
Я верю лишь в земную нечисть,
а в запредельную не верю.

Не раз твердили убеждённо мне,
что истина покоится в вине.
Так, видно, глубоко лежит она
на самом дне коварного вина,
что я пока не встретил никого,
кто истину добыл бы из него.

Сократ был слишком мудр, и потому
испить цикуту довелось ему.
Но этот потрясающий урок
не всем пошёл, как нам известно, впрок.
А может, властно попросту влечёт
одних цикута, а других почёт?

Мы часто безответственно орём,
особенно когда в толпе и дружно.
Царь должен быть царём,
а псарь псарём.
Вот различать их, безусловно, нужно.

Терпеливо учит нас история
лишь тому, что её траектория
не зависит от возрастающих
достижений млекопитающих.
Сколь безумно души горение
с исторической точки зрения!

Я сам удивляюсь, не скрою,
как много написано мною.
И всё же строчить продолжаю,
по-прежнему рад урожаю.
Пока я себе интересен,
я буду писать своих песен.

Игра ума? а с кем ему играть?!
Вокруг лишь чувств бессмысленная рать.

Я на плоды прогресса
гляжу без интереса.
Они порой милы на вид,
но чуть не каждый ядовит.

Полнеба туча чёрная закрыла,
и, кажется, в ответ на ожидание
на землю хлынут чёрные чернила,
чтоб начертать Вселенское послание.

Саранча не виновата,
что стремительно крылата,
что она была и есть
и всё время хочет есть.

Есть штамп такого рода:
в семье не без уроды.
Но слишком жизнь убога,
когда уродов много.

Жизнь всё же очень удивительна,
коль приглядеться к ней внимательно,
что для души порой губительно,
то для ума порой питательно.

Всё, что не сбылось, пусть сбудется,
остальное пусть забудется.
И тогда одно останется –
очень правильно состариться.

Э.

Тебя так трудно привести в восторг,
притом тут просто неуместен торг.
Приходится, покорствуя судьбе,
одни шедевры предлагать тебе.

Я вижу в том свою удачу,
что лишь себя порой дурачу.
А прочим слишком много лет,
и их дурачить смысла нет.

Мне зависть вовсе не знакома,
но вера в меченность весома.
И всё ж я выяснять не лез,
велик ли мой удельный вес.

Вчерашний день на завтрашний помножить
нетрудно математику, быть может,
но предсказать, чем это обернётся,
и астроном сегодня не возьмётся.

Им не помогут вязов кроны.
Исход определён заранее,
в сей жизни белые вороны
обречены на вымирание.

Э.

Не осуждай меня за словоблудие,
в нём прелесть бесполезности видна.
И впредь блудить в словесных водах буду я,
пока в забавах не достигну дна.

Я теперь довольно часто
вижу в памяти пробелы.
Но не зря же годы мчатся,
вот и память моль проела.

Жизнь катится по кругу своему,
Щедра на катастрофы и на бездны.
История нас учит одному:
что все её уроки бесполезны.

Хоть Рим для римлян центром был Земли
и вокруг него вращался мир незримо,
не все дороги всё же в Рим вели –
иные, например, вели из Рима.

Сказка легко все проблемы решает
тем, что убогую жизнь украшает.
Вот и сейчас я внезапно припомнил,
как, пролетая однажды над полднем,
радуги цвет обронила Жар-птица,
зная, что мне её дар пригодится.

К порывам надо относиться строже,
да и в словесности умерить прыть.
насколько надо обезуметь всё же,
чтобы земную тварь боготворить!

Всё, что нас в мире этом окружает,
обманчиво реальность отражает.
И всё же, несмотря на искажения,
весь этот мир – игра воображения.

Прислушиваюсь к дальним голосам,
к философам и к мудрым их советам,
но почему-то поступаю сам,
как правило, неправильно при этом.

Как всякое нелепое творение,
я признаю полезность врачевания,
испытывая удовлетворение
и от процесса самобичевания.

2003

Время крысится ехидно
(впрочем, полно, время ли?),
получили мы, как видно,
то, во что и верили.

И грядущего зарницы
пляшут демонически.
Ни забыться, ни забиться
в закуток лирический.

Песни новые поют нам –
подпевать не хочется,
неспокойно, неуютно,
но и не пророчится.

10 января 2004

Бездонная бетонная завеса
скрывает роспись вышнюю от взгляда,
который, впрочем, не имея веса,
явился как бы из другого ряда.

Однако он пытается пробиться
хотя бы, для начала, в поднебесье,
где ждут приёма избранные лица,
ведомые смирением и лестью.

Устройство сфер эфирных, впрочем, сложно.
Взгляд заземлённый ввысь проникнет разве?
Как мошки в янтаре, они, возможно,
в завесе этой навсегда увязли.

11 января 2004

Бреду с фонариком в руке
по тёмной стороне Луны.
Земля мерцает вдалеке,
следы зверей на ней видны.

Я, помнится, любил его,
Луны оплавленный опал,
но непонятно, для чего
и как я на Луну попал.

Прощай навек, земной уют,
не по плечу мне этот груз,
но, может быть, за мной пришлют
досрочно списанный «Союз».

18 января 2004

Всё пройдёт, лишь тишина останется.
Блики в ней по-прежнему близки.
Медленно на землю опускаются
кружевных мгновений лепестки.

Впрочем, остальное всё ненужное,
лишнее, а попросту балласт.
Это освежающее кружево
погрузиться в круговерть не даст.

Успокоит, приподнимет бережно,
позовёт в укромные края,
подведёт к реке пологим бережком,
где меня заждалась жизнь моя.

22 января 2004

Сны прорастают сквозь траву,
где облако лежит. Тот мир,
в котором я живу,
лишь мне принадлежит.

В нём тьма не та, и свет иной,
и тишины поток
течёт куда-то надо мной,
роняя тени строк.

И не понять, зачем возник
и для чего храним
мир этот, созданный на миг
дыханием моим.

22 января 2004

Слетаются тревоги отовсюду,
на пир чумной слетаются сюда.
Я скоро жизнь свою совсем забуду
и, судя по приметам, навсегда.

Я стану для безумья недоступен
и даже для потерь неуязвим
и перестану в виртуальной ступе
толочь миры дыханием своим.

Но всё ж не соблазнит меня при этом
бескровных миражей бесплодный сыр.
Не дорожу я отражённым светом
и памятью, затёртую до дыр.

В загоризонтье марево густое.
Мечты в комплекте с волей хороши.
Душа без тела ничего не стоит,
конечно, как и тело без души.

9 февраля 2004

Ничто меня не сможет убедить,
что чёрное на самом деле белое.
Фанатиков мне также чужда прить –
стараюсь жить, Вселенной зла не делая.

Пытаюсь что-то важное сберечь,
рассудку вопреки во что-то верую
и чту упрямо человечью речь,
как на пути к себе ступеньку первую.

На всё, что рядом, взгляд издалека,
из глубины незыблемого, вечного.
Но здесь во мне поёт моя река,
смирняя злобу дня и ветра встречного.

11 февраля 2004

Сегодня я проснулся на заре,
весь радужной укрытый оболочкой.
Живу в летящем мыльном пузыре,
что видится едва заметной точкой.

На радость ли, на горе ли дано
мне то, что, верно, вынесет не каждый.
Пузырь отличный дом, конечно, но
он лопнет обязательно однажды.

Парю над притяжением Земли
в уютной невесомости, быть может,
и всё, что обрывается вдали,
меня уже сегодня не тревожит.

17 февраля 2004

Однажды счастье улыбнулось мне.
Я вышел ранним утром за порог
и очутился в облачной стране,
в которой нет тропинок и дорог.

Но облака окутали меня
сияющей воздушной пеленой,
и заблудился я средь бела дня,
который посмеялся надо мной.

Опасно, безоглядно воспарив,
не сбросить сразу памяти балласт –
иссякнет освежающий порыв,
он полной невесомости не даст.

И страхом отлучённый от небес,
завесу резко отведя рукой,
обрёл я свой земной привычный вес
и свой, увы, безоблачный покой.

22 февраля 2004

Отгадывая жизни тайный код,
вникаешь в зашифрованные сферы.
Ещё один восход, ещё один заход...
Сон двуединства знания и веры.

Как прежде, приоткрывшийся простор
кольшут неземные дуновенья,
и кто-то воспарил и крылья распростёр
над излученьем встречного мгновенья.

Но принесёт ли вечный хор цикад
покой, возвращённый пухом и геранью?
Ещё один рассвет, ещё один закат
и тишины пространство там, за гранью.

25 февраля 2004

Глядится солнце в подсыхающие лужи,
и ветреная рябь дробит размытый лик.
Но песню март поёт, всегда одну и ту же,
которая уже не смолкнет ни на миг.

Уже со всех сторон идёт волна живая,
и воздух неземной приобретает вид;
от спячки пробудясь и недоумевая,
Земля на синеву опасно глядит.

Меж небом и землёй бесформица зависла,
приманивает взор взъерошенный простор;
неведомая даль, бросая тень на числа,
нашёптывает вздор о сложном и простом.

28 февраля 2004

Огорожен мир мой замкнутой кривой,
нити липкие вокруг добычу ждут,
и проносят облака над головой
сны и блики, не прижившиеся тут.

Обнажает тупики земных дорог
только сила притяжения светил.
Но кольцо я разомкнуть пока не смог,
хоть немало за попытки заплатил.

Всю недвижимость судьбы я сдал на слом.
Даже памяти – и то почти не жаль.
Оттолкнувшись от реальности веслом,
я плыву в непрорисованную даль.

9 марта 2004

Меня безмерность не тревожит –
я этот миг ценю,
который неприметно прожит,
хотя он равен дню.

Когда взывает неизвестность:
опомнись, не спеши!
Преображается окрестность
раскрывшейся души.

Всё как-то видится иначе,
откуда-то извне.
И вечность, вехи обозначив,
подмигивает мне.

10 марта 2004

Э.

Ты смотришь в корень, я – наоборот,
в заложники давно пространством взят.
А в зрелом небе звёзд невпроворот,
и у луны такой открытый взгляд!

В сознание совмещаются миры,
которым совместиться не дано,
которых не увидишь до поры
в распахнутое временем окно.

Прямой вопрос... двусмысленный ответ...
На вид закономерности просты,
но, кажется, невнятный здешний свет
лишь отблеск отражённой пустоты.

11 марта 2004

ОТПУСК*

Я помню ту коварную волну,
которая в капкан меня поймала.
Да, мне тогда не показалось мало,
но я, однако, не пошёл ко дну!

Возможно, я ещё земле был нужен,
прикрыло небо, может быть, меня,
решило, что на пользу мне послужит
урок, моё неведение храня.

И я тогда действительно не ведал,
на что был милосердно обречён,
каким навстречу я отправлюсь бедам,
великим обнадёженный врачом.

То море Чёрным для меня не стало.
Ну, что ж, со мной ему не повезло.
Такая в жизни полоса настала,
поскольку всё же не всеильно зло.

15 марта 2004

* Отпуск в Адлере осенью 1962 года, где автор чуть не утонул.

ПРАВозАЩИТНОЕ

Солнце трогает лучом
жемчуг на травинке.
Смысл глубокий заключён
в утренней разминке.

Очень прочен мир, пока
для поднятья духа
в гамаке у паука
отдыхает муха.

Тут уж едкие слова
неуместны, право.
Жизнь – она всегда права,
раз имеет право!

16 марта 2004

ОТЦЫ И ДЕТИ

Сегодня нам, нормальным людям,
дика их тяга к тем иконам.
Своих отцов мы смело судим
по человеческим законам.

Да, мы понять не в силах часто
питомцев сталинской эпохи,
фанатиков-энтузиастов
дела не так уж были плохи.

В застенках их к Великой цели
вели пытливо дни и ночи,
и те, что всё же уцелели,
застенчивыми стали очень.

17 марта 2004

В мире очень много смеха,
просто скрыт он до поры,
но порой доносит эхо
звуки сладостной игры.

Правда, их не каждый слышит,
это понял я давно.
Дар, ниспосланный нам свыше,
оценить не всем дано.

Но готовым смеха ради
бросить все свои дела
мы, конечно, будем рады
выдать в качестве награды
мир, отмытый добела.

17 марта 2004

Всё в мире этом зыбко и условно,
а путь к познанию лунным светом осиян.
Ручей болтлив, река немногословна,
и не бросает слов на ветер океан.

Вопросы остаются без ответа.
За это даже не с кого спросить.
Есть вечность от заката до рассвета,
и тишина, и Ариадны нить.

Но голоса почти не различимы,
и краски размывает глубина.
Обманчиво приветливы личины,
которым главная тут роль отведена.

12 апреля 2004

ПРАХ ТЕХ ЭПОХ

Растаял в небе дым нездешних дней,
их гордый дух и первородный страх.
А для тебя нет ничего ценней,
чем тех эпох окаменевший прах.

Ты из него свой зыбкий мир творишь,
в котором безответственно живёшь,
не потому, что в нём лишь гладь и тишь,
а оттого, что он внутри хорош.

Там нет перегородок никаких,
и горизонта блажь упразднена;
там из безумия времён лихих
заветные кроются времена.

14 апреля 2004

Всё смутно, непонятно, вкривь и вкось,
а ключевое слово – осторожность,
и всё же, как-никак, мне удалось
преодолеть хитросплетений сложность.

И вот наперекор и вопреки
я скорлупу упрямо разбиваю,
услышав зов проснувшейся реки,
в котором рвётся ввысь душа живая.

Грядущее всегда во тьме грядёт.
Его примерка на себя – химера.
Но в небе для чего-то тает лёд,
не Новая ли возникает эра?

29 апреля 2004. Ветлуга

Свой персональный завершая век,
не стану я вздыхать о лучшей доле;
гляжу на мир из-под прикрытых век,
на главные не претендуя роли.

Я знаю цену жизни и всему,
что на земле ещё имеет цену,
и даже точно знаю, почему
жизнь, как и смерть, не подлежит обмену.

Зато она уценке подлежит –
ведь это же на ощупь ощутимо!
А, впрочем, дни нероновского Рима
ещё, к примеру, в памяти свежи.

По слухам, правда, из других миров
пришельцы к нам теперь летят учиться.
Да время, видно, к некой цели мчится,
но человек упорно нездоров.

С тюрьмой, как прежде, в сговоре сума,
и яростных угроз крепчают баллы,
а пустота в притихшие дома
выплёскивает щедро сериалы.

30 апреля 2004. Ветлуга

Провинция, бесспорно, сущий Рай,
при всей своей сегодняшней мороке,
и тешит слух орнаментальный лай,
чужие обнажающий пороки.

И мягко обволакивают взгляд
прицельно нависающие тучи,
и ястребы здесь в тишине парят,
высматривая беззащитный случай.

Здесь люди не торопятся, притом
что не дают расслабиться заботы.
Здесь ощутим природы чистый тон,
в котором есть ответ, зачем и кто ты.

1 мая 2004. Ветлуга

СВОЙ КИТЕЖ

Н. Коптелову

Этот мир не для нас, но другого, похоже, не будет.
Впрочем, каждый свой мир отрешённо творит и хранит.

Сам при этом его временами безжалостно судит –
Всё равно он сгорит? безымянный, как метеорит.

В соответствии том вряд ли память окажет услугу,
Только стрелка качнётся зачем-то на точных часах.

Так и тянется нить, так и ходит надежда по кругу,
И призывно то сверху, то снизу звучат голоса.

Может быть, лишь во сне вожеленные кущи увидишь,
Но себя и судьбу безоглядно винить не спеши.

Счастлив тот, кто сегодня имеет свой призрачный Китеж,
Сбережённый невесть для чего в океане души.

2 мая 2004. Ветлуга

Князья и ослики из мира Пиросмани
сегодня разбрелись по белу свету.
Что он имел? Мечту, дыру в кармане
да иногда счастливую примету.

Стакан вина и мягкая лепёшка.
Всё прочее, обычно, за пределом.
Огни Тифлиса... лунная дорожка...
и знает лишь Кура, чего хотел он.

Теперь на том он пребывает свете,
людских не удостоенный наград.
Да, он и там князей-друзей не встретит,
но ослику при встрече будет рад.

3 мая 2004. Ветлуга

Э.

Когда, оптимизму в угоду
веду я о солнечном речь,
пытаясь плохую погоду
в лучистую ризу облечь,

мне всё до отчаянья ясно.
Я просто забыться хочу
и, может, не так уж напрасно
бросаюсь навстречу лучу,

сверкнувшему неосторожно
(тут, впрочем, возможен расчёт!).
А вдруг я поверю, что можно
понять, куда время течёт.

Но ты замечаешь резонно,
что даль безнадежно черна,
и линия горизонта
суть мнимая величина.

5 мая 2004. Ветлуга

КАК ПРЕЖДЕ

Я выйду распахнутой ранью
в простор, безупречный на вид,
где облачко лёгкой спиралью
над речкой туманной парит,
где солнце росу уже сушит,
работой довольно такой,
где долго ещё не нарушит
ничто первозданный покой.

Незыблема жизни основа,
стремленья, как прежде, близки,
и даже заветное слово
готово раскрыть лепестки.

6 мая 2004. Ветлуга

Мне к солнцу путь заказан,
я должен жить в тени.
Не радуют мой разум
сияющие дни.

Остались в прошлом встречи
лицом к лицу с лучом.
Я с гладью безупречной
навек разлучён.

Негаданно-нежданно
в игру вмешался рок,
а солнцем, как ни странно,
не запасёшься впрок.

Лишь вспомню в час заката
или в густой ночи,
как преломлял когда-то
в себе его лучи.

7 мая 2004. Ветлуга

По капле я накапливал судьбу,
хотя в неё не верил почему-то.
Но жизнь со мною обращалась круто,
навязывая трудную борьбу.

И всё же муравьиною тропой
не устремлялся я к всеобщей цели,
которая, пожалуй, в самом деле
с моей не совмещается судьбой.

Перебирая чёткие года,
о том, что не добрал, не сожалею,
когда вхожу в тенистую аллею,
ведущую неведомо куда.

10 мая 2004. Ветлуга

Тревоги притихли, забота забыта,
а впрочем, всё есть, но в ином измеренье,
и даже фактура сурового быта
почти не влияет на мировоззренье.

На мир приоткрывшийся жадно взирая,
ища в нём опять ускользнувшее слово,
я вижу Ворону на крыше сарая,
не ту ли, что каркнула в басне Крылова?

Известно, Ворона настырная птица,
притом ещё многих пернатых умнее,
и если она мне захочет присниться,
то этого точно добиться сумеет.

Мы ссориться всё же, конечно, не будем.
Я в этом вреда для здоровья не вижу.
Приснится, ну что ж, отделившись от буден,
мне станет она и понятней и ближе.

Вороне прощу я любую проказу –
ведь можно во сне на неё положиться,
но если и я не приснюсь ей ни разу,
то нам не удастся вовек подружиться.

11 мая 2004. Ветлуга

Жизнь то берёт меня на мушку,
то, изменив повадку, видно,
подсовывает погремушку
и ухмыляется ехидно.

Что ж, пусть её капризы длятся,
которым нет альтернативы,
приходится приспособляться,
хоть не ясны её мотивы.

Что можно противопоставить
для уменьшения урона?
Я лишь воспользоваться вправе
активной самообороной.

Но я просить её не стану
(порой поманит и такое!),
чтобы она поправкой к плану
оставила меня в покое.

13 мая 2004. Ветлуга

Сквозь крылья бабочки глядеть
на окружающую небыль
и знать, что паутинка в небе
важней, чем золото и медь.

С восходом встретившись в пути,
забыв о правилах движенья,
принять его расположенье
как знак и радость в том найти.

Кто ищет, тот своё найдёт,
если чужим не соблазнится.
Но разве променяет птица
на чью-то прихоть свой полёт?!

20 мая 2004. Ветлуга

Остаток дней считаю по минутам,
что ж, времени неумолима плеть.
Я, кажется, всё в жизни перепутал,
и это помогло мне уцелеть.

И сохранить невнятное наследство,
безжалостно оставленное мне,
включая то от всех напастей средство,
что помогает не сгорать в огне.

Моей судьбы асбестовые нити
поддерживают песню на плаву.
А жизнь и смерть... легко соединить их,
презрев недостоверную молву.

22 мая 2004. Ветлуга

Как всё в природе состыковано,
как всё внимательно размечено?
И, в общем, этой пустяковиной
беспрекословность обеспечена.

Без всякой зримой цели, собственно,
расцветивая ловко мнимости,
природа всё-таки способствует
при всей своей невозмутимости.

Так ощущение появляется
в минуты безмятежной праздности,
что всё на свете управляется
законом целесообразности.

28 мая 2004. Ветлуга

Трепещет флаг над пристанью.
На славу время трудится,
но, если верить пристально,
несбывшееся сбудется.

Покуда стрелки исподволь
вращают Мироздание,
преобразиться в близкое,
возможно, сможет дальнее.

Ведь жизнь всегда уверена:
надежда не украдена.
Ещё не всё потеряно,
что прежде было найдено.

31 мая 2004. Ветлуга

ДУМА О ГУСЕ

Гусь свинье не товарищ.

Пословица

Я тебя осуждать не берусь
и уж точно дразнить не буду.
Но уж больно ты злобен, гусь,
верно, видишь врагов повсюду.

Норовишь долбануть посильней
твёрдым клювом «врага» отоваришь...
Что уж тут говорить о свинье –
гусь и лебедю не товарищ!

Слишком чувства твои горячи,
знать, поэтому то и дело
на прохожего без причин
ты кидаешься оголтело.

5 июня 2004. Ветлуга

Взгляни: опять волнуется листва,
а, в сущности, чего ей волноваться?
Начало лета, время торжества
зелёного сияющего братства.

Здесь каждому листку отпущен срок,
и перед ним бессильна непогода.
Колючий ветер погасить не смог
костёр зелёный, что зажгла природа.

Ещё листвой не выпита до дна
жизнь, что звенит от края и до края...
И всё-таки волнуется она,
трепещет и тревожно замирает.

7 июня 2004. Ветлуга

НА ЛУГУ

Хоть сюда заходят грозы,
прячась в туче чёрной,
здесь хозяйева стрекозы,
мотыльки и пчёлы.

Им пронизанная светом
тишина по вкусу.
Солнце дарит им при этом
радужные бусы.

Ну, а я гоню беспечно
горечь и усталость.
Кое-что и мне, конечно,
на пиру досталось.

8 июня 2004. Ветлуга

СИРЕНЬ

Какая звонкая сирень
сегодня в синеву взлетела!
С душой соединяя тело,
она озвучивает день.

Как проникает глубоко
её спокойное сиянье!
И длится светлое слиянье
непроизвольно и легко.

И даже облако на миг
своё движение прервало,
и тень его на куст упала,
который к облаку приник.

11 июня 2004. Ветлуга

Приземистые, кряжистые мысли,
пришедшие неведомо откуда,
невозмутимо в тишине повисли,
сведя к нулю самую возможность чуда.

И сразу краски жизни потускнели,
и свет непостижимо стал слоиться,
и захотелось устремиться к цели,
чтоб наконец чего-нибудь добиться.

Но наважденье было слишком кратко.
Всё на свои места бесшумно встало,
и в глубине живого беспорядка
звезда несовмещенья заблестала.

11 июня 2004. Ветлуга

ПРОИСШЕСТВИЕ

Однажды из ненаписанной поэмы
сбежали взбунтовавшиеся образы,
хотя, ещё не обозначив темы,
они весомой не имели плотности.

Поди пойми, чего им было надо,
какие их влекли пересечения,
где и какая их ждала награда
иль безразмерное предназначение.

Но мысли быстро образы догнали,
что в бездну устремились, тем не менее,
пересекая по диагонали
довольно трезвое недоумение.

12 июня 2004. Ветлуга

Как старый дуб, зализывая раны,
я впитываю эту синеву
и здоровею от небесной манны,
чтоб сон бездонный видеть наяву.

А день расшит черёмуховым цветом;
в нём свил гнездо обманчивый покой...
С весной ещё не распрощалось лето,
которого касаюсь я рукой.

Слепой порыв к лучу неистребим.
Пронизан свет дыханием своим,
взяв свежесть у небес и у земли,
сегодня туберозы расцвели.

17 июня 2004. Ветлуга

Самообмана морок
мягок почти, как вата.
Разум опасно зорок,
вера подслеповата.

В жизни людской обычно
зоркость весьма опасна,
в чём убедиться лично
можно, кому не ясно.

Вера даёт надежду
(много ль надежде надо?!).
Разум и Вера... Между
ними не будет лада.

Что-то боится мрака,
что-то боится света...
Вся жизнь только сон, однако
внушает надежду это.

24 июня 2004. Ветлуга

ЛЕТО 2004

Июнь растворяется в травах,
в земле и в деревьях,
в пыльце мотыльков
и в стремительных криках ворон.
Вся зелень природы ещё далека
от старенья,
а грозы последние вести
со всех доставляют сторон.

Там тонут дома, как порой
корабли в океане,
там в пламени тонут
совсем молодые леса,
и грозный раскат
отзывается эхом в Назрани,
и молят бессильно
на всех языках голоса.

Но эта окрестность,
что вписана Солнцем в окружность,
она и во мне пребывает,
как противовес.
И лето цветением самым
утверждает ненужность
всего, что посеял в душе
торжествующий бес.

30 июня 2004. Ветлуга

Скрижали веры монолитны,
в них выверено всё и взвешено,
и всё же в глубине молитвы
зияет некая проплешина.

Как будто люди забывают
слова про Образ и подобие,
и к Вседержителю зывают
об ожидаемом пособии.

К самим себе взывать им надо бы,
в самих себе искать спасенье,
а те молитвенные надолбы
лишь отдаляют Воскресенье.

2 июля 2004. Ветлуга

Незримо вызревают сроки,
в немом сокрытые вопросе,
когда бурлящие потоки
надежды вялые уносят.

Туда, где скрытая безлюдьем,
привычно растворяет Лета
движенья, праздники и будни,
но не даёт на жизнь ответа.

И оттиском на влажной глине
пребудет, как пятно любое,
переплетенье вещей линий
с лукавой звёздной ворожбою.

6 июля 2004. Ветлуга

МОЛИТВА

Пусть Ты остался мне чужим
и между нами тайна бездны,
Твой образ столь непостижим,
что все попытки бесполезны.

Я этот мир готов принять
таким, каков он был вначале,
и всё, что радует меня,
и всё, что ранит и печалит.

И я б воспел Твои дела,
сомнения б меня не грызли,
лишь сделай так, чтоб смерть была
зеркальным отраженьем жизни.

18 июля 2004. Ветлуга

Наступает время ясности.
Мир смертельно нездоров.
Человечество в опасности –
вот он, лик иных миров!

Не других галактик чудищам
сеять смерть пришла пора,
здесь в мечтах о светлом будущем
чёрная растёт дыра.

Здесь, плюя на кровь пролитую,
жизни детские топча,
укрепляется молитвою
нелюдь в маске палача.

10 сентября 2004. Ветлуга

Э. ШТЕЙНБЕРГУ

Пути и судьбы время нижет,
а для чего, пока не знаю.
От Погорелки до Парижа
проходит линия сквозная.

Она в себя всю жизнь вобрала,
освободив её от хлама,
и ей пространства было мало,
она вперёд звала упрямо.

В распахнутое настезь зренье,
в мир без границы и предела,
где даже чудо озаренья –
обычное, земное дело.

9 октября 2004

В своей основе жизнь нелепа,
что даже оптимисту ясно,
поскольку ананас и репа
в ней сочетаются прекрасно.

Конечно же, такое блюдо –
сомнительное угощенье.
Отсюда ожиданье чуда
и жажда перевоплощенья.

Но дружно метят чёт и нечет
среду земного обитания,
где что-то детское лепечут
жрецы раздельного питания.

1 ноября 2004

Жители в маленьком городе N
ждут почему-то больших перемен.
Ждут убогие много лет.
Перемен же всё нет и нет.

В мыслях у жителей города N
даже наметился пагубный крен.
Ген ожидания неискореним.
Сладить не в силах учёные с ним.

Впрочем, зачем его искоренять,
я не сумел, как ни странно, понять.

7 ноября 2004

Знаков вопросительных цепочки,
сгустки многоликого тумана...
Мир мой рассыпается на строчки
без остатка, как это ни странно.

Он бездумно взят эпохой в скобки,
но при этом с нею не созвучен.
Запах общепитовской похлёбки
со спиной согнутой неразлучен.

Мир мой запредельно отгорожен
от всего, что надо мной нависло,
что в тупом похмелье корчит рожи
и не видит в просветленье смысла.

«Каждому своё». И всё же каждый
за себя перед собой в ответе.
Может быть, поэтому однажды
выпорхнут из праха строки эти.

9 ноября 2004

Зачем топить вопрос простой
в бесплодном споре?
Был, как известно, Лев Толстой
с Шекспиром в ссоре.

Старик, известно, был суров,
упрям и едок.
Он наломал порядком дров
и так, и эдак.

Что ж, старость не всегда права,
притом – эпоха!
Но все словесные дрова
горят неплохо.

22 ноября 2004

Э.

Всё так: оскудела земля семенами
чудесного преображенья.
Но что-то осталось над нами и с нами
(быть может, лишь снов отраженья?).

Конечно, для радости этого мало,
и в тучах не видно просвета,
но солнечный зайчик однажды поймала
душа, заплутавшая где-то.

Пусть ангелы млеют и бесятся черти
в чаду свистопляски,
не думай о жизни, не думай о смерти.
Не думай... не думай.

15 декабря 2004

Есть край, где злоба дня неубедительна,
и тишина ещё ласкает слух,
и даже даль порою так пленительна,
как будто в ней светильник не потух.

Среди нелепого многообразия
вполне реальных следствий и причин
есть место, не Европа и не Азия –
знак отрицанья мнимых величин.

Там поднялась на миг завеса плотная,
незримую явивши колею,
и Вечности дыханье мимолётное
проникло в неприкаянность мою.

17 декабря 2004

Иосифу Бродскому

Мы от земли оторваться надолго не можем.
Манят напрасно уставших бездонные выси.
Облако, скажем, довольно удобное ложе,
но не для тела, а так, для мечтательной мысли.

Мы насыщаться привыкли земными плодами.
Прочая пища таит в себе горечь обмана.
То, что над нами неясно и то, что под нами,
выглядит странно в тарелке Небесная Манна.

Но существуют, однако, незримые нити,
потусторонние огнеупорные связи.
Непостижимое, как от себя ни гоните,
но без него никогда не отмыться от грязи.

21 декабря 2004

Возможно, всем завистникам назло
мне в этой жизни дико повезло.
И, видно, чтоб совсем не одичать,
решил я нынче каяться начать.

Я выброшу из памяти цветы
в порядке покаянной маяты,
распахнутую ввысь голубизну
и, если от сомнений улизну,
и лунный шит, и звёздный вернисаж –
весь персонально нажитый багаж.
Задача, безусловно, нелегка.
Мне отречения не простит река;
а сосны, облака и родники...
Они не зря ведь спутники реки.
Мне повезло, таков уж мой удел.
Ведь я не только в глубь веков глядел,
но растворялся в травах луговых
и возрождался в их лучах живых.
Так я дожил до нынешнего дня,
где, кажется, никто не ждал меня.

28 декабря 2004

Снежинок и воздушных мотыльков
давно известно близкое родство.
Природа, лишних не терпя оков,
всегда готова подтвердить его.

Задача эта для неё легка,
и суть её понятна и ясна.
Снежинку превращая в мотылька,
торопится животворить Весна.

Зима же мотыльков, наоборот,
старается в снежинки обратить,
и в этот встречный кругооборот
вплетается преображенья нить.

Идти по жизни надо налегке
и много светлых снов перелистать,
чтоб разглядеть снежинку в мотыльке,
чтоб мотылька в снежинке отыскать.

30 декабря 2004

Э.

Хоть много выпало невзгод
всем в этом мире,
мы повстречали Новый год
в своей квартире.

Да, с ним не разминулись мы
на перепутье,
входя в слияние зимы
с осенней мутью.

Тьма всё же и на этот раз
скользнула мимо.
И что-то снизошло на нас
почти незримо.

31 декабря 2004

ДИСТРОФИКИ

ДЕРЕВЯННОМУ АНГЕЛУ В МОЁМ ДОМЕ

Застыла безразличия улика –
ни радости, ни боли, ни волнения,
благообразье ангельского лика
в условном деревянном исполнении.

Сквозь Вечности случайную частицу
глядит он круглым равнодушным взглядом
на души обречённые и лица,
что с ним зачем-то оказались рядом.

2 января 2004

СУДЬБА

Когда в душе метель метёт
и ветер бесприютный воет,
замедлить можно путь вперёд,
но искушать судьбу не стоит.

Не зная власти над собой,
она лютует днём и ночью,
бросая нас в неравный бой,
свои превысив полномочья.

4 января 2004

ПОРТРЕТЫ*

Написанные временем самим,
они забыли времени приметы
и тех людей, что подарили им
свои черты и отраженья света.

Невозмутим их углублённый взгляд.
Они, удары отражая стойко,
из прошлого в грядущее глядят,
минуя настоящего прослойку.

8 января 2004

КОМНАТА

Дарит безмятежность кубатура,
знаками привычными наполнена;
в окна тёмный полдень смотрит хмуро,
чтоб о лете комната не помнила.

В мире внешнем холодно и снежно.
Взгляд на краски солнечные зарится.
По стене рассыпаны небрежно
тёплые фонарики физалиса.

8 января 2004

* Посвящено портретам, подаренным художниками М. Гробманом, Ю. Дунаевым, А. В. Фонвизиным, А. Зверевым, С. Шлёновой, В. Яковлевым.

Может, в этом знака свыше нет.
Спал я или, может быть, проснулся?
Только раз нерукотворный свет
моего дыхания коснулся.

Как понять игру небесных тел
и притом в себе не усомниться?
То ли это Ангел пролетел,
то ли так, обычная Жар-птица...

9 января 2004

В спорах недоразумения
от замедленного роста,
я своё мировоззрение
обозначил очень просто:
презираю пыл фанатиков
с их сивушными страстями;
уповаю на лунатиков,
пренебрегших скоростями.

15 января 2004

Стих не ёлка, его украшать ни к чему,
изнутри он сияньем согрет.
Блеск назойливо-шумный не нужен ему –
в мишуре откровения нет.

Как и мы, он бывает и нежен, и груб,
но навстречу раскройся смелей,
чтоб коснулся твоих истомившихся губ
он душой родниковой своей.

21 января 2004

Какая часть меня ещё жива?
На первый взгляд, конечно, небольшая,
но это уравнение решая,
не стоит знание претворять в слова.

Разумно ль, обескрыливая взор,
в печальные расчёты погружаться?
Ведь время до предела может сжаться,
и может миг вступить с эпохой в спор.

23 января 2004

Сон Солнца, моя планета
самой лишь себе подсудна.
Здесь поровну тьмы и света,
хоть в это поверить трудно.

Что жизнь на Земле чудесна,
прознали одни калеки.
Но в небо, как всем известно,
впадают земные реки.

7 февраля 2004

Действительность сегодня такова,
что тишину в ней отыскать не просто,
и явно тяжелеет голова
от каждого безумного норд-оста.

Однако же, быть может, неспроста
я втиснут в это месиво крутое...
Читаю ход истории с листа,
притом надеюсь не дожить до ста,
ну, а надежда дорогого стоит!

8 февраля 2004

Словесность на прозренья мастерица.
Светлеешь, в чистый мир её вставляя,
но в слове без остатка раствориться –
задача лишь на первый взгляд простая.

Остатки воплощаться не желают
в открытое пронзительное слово,
не эта ли граница межевая
неполной достоверности основа?

11 февраля 2004

В НАБОКОВСКОМ КАЛЕЙДОСКОПЕ

Там глаза изошрённость в извращённость
рядится, маскарадом наслаждаясь,
с прищуром недоверчивым учёность
словесную раскручивает вязь.

Там подпирают королевство туры,
к победе проторяют пешки путь,
и бабочка с поверженной фигуры
торопится над временем вспорхнуть.

3 марта 2004

Бесценный дар бестрепетно дробя,
арену вечной битвы Тьмы и Света,
жизнь каждый примеряет на себя,
и это её главная примета.

Как ни крути, она всего одна.
С ней не поспоришь – то с горы, то в гору.
И, верно, счастлив тот, кому она
бесспорно и во всём придётся впору.

13 марта 2004

Прислонясь плечом к лучу,
я гляжу в пространство,
долго вдумчиво молчу,
может, из упрямства.

Может, силы берегу
для весомой речи,
что козе сказать смогу,
если только встречу.

16 марта 2004

ИСХОД

Это началось в семидесятых –
приоткрылась в будущее дверь;
бросились к звезде своей ребята,
ставшие свободными теперь.

Прихватив пожитки и скрижали
(чья заслуга в этом, чья вина?),
люди в неизвестность уезжали,
по пути меняя имена.

17 марта 2004

Трудно не вникать в частности
и при этом ввысь груз нести.
В небе никакой ясности,
на земле кругом гнусности.

В ведомости ноль значитя,
вхолостую мысль вертится,
радости смелó начисто,
и с трудом в себя верится.

26 марта 2004

Э.

Отступила злая сила,
что петлёй сдавила горло.
Ты меня крылом прикрыла,
надо мной простор простёрла,
и во избежанье спора
гонит журавля синица.
Хватит ли того простора,
чтобы с ним надолго слиться?

12 апреля 2004

Планета погружается во мрак,
отвыкшая от всех оттенков света.
На месте замка высится барак,
и никого не удручает это.
Сквозь мысли и дела сочится яд,
ведут в тупик безумные затеи...
Но так же завораживает взгляд
пыльца с тончайших крылышек Психеи.

15 апреля 2004

В космическом тигле расплавятся годы,
исчезнут почти без следа
былые успехи, былые невзгоды –
всё то, что ушло навсегда.

А память и сердце всего лишь посуда,
что манит изменчивый взгляд.
Но время примет форму сосуда,
в котором его хранят.

18 апреля 2004

Явь растекается, словно в тумане,
формы теряют привычный объём.
Что-то тревожит, в безвременье манит,
даль озаряет неверным огнём.

В том проявилась извечная милость,
непрояснённая – движения ось.
То ли привиделось, то ли приснилось,
то ли ещё не сбылось.

3 мая 2004. Ветлуга

ВЕСНА

Как воздух этот дивно невесом!
И в нём растворена простая песня.
Жить с майским воспареньем в унисон
сегодня поразительно чудесно.

Пронизан светом яблоневый цвет,
с которым взгляд расстанется едва ли,
и самолёта белопенный след
уходит ввысь по голубой эмали.

5 мая 2004. Ветлуга

Разве нуждается время в огранке?
И без того оно в дело годится.
Выйдя за рамки, выйдя из рамки,
можете в этом легко убедиться.

Солнце сияет в упор над пустыней,
ветер таскает над городом тучи.
Кажутся эти явления простыми
тем, кто от рамок себя не отучит.

13 мая 2004. Ветлуга

АНПИЛОВУ

Он, любое дело делая,
вглубь не видит ничего;
только чёрное и белое
различает глаз его.

И от этой диалектики
в ситуации любой
никакой тебе эклектики,
а сплошной последний бой.

15 мая 2004. Ветлуга

Нет, время никуда не движется.
Его реальность под вопросом,
что, впрочем, подтверждает книжица,
которая у вас под носом.

Притом движенье – вещь бесспорная;
в нём наши радости и беды,
а где тут белое, где чёрное,
пусть спросят лебеди у Леды.

21 мая 2004. Ветлуга

Не то чтоб якобы, но как бы
уклончиво по существу.
Всё это, верно, козни кармы,
растормошившие молву.

Не то чтоб к месту, просто вместо,
подмену в пену облачив,
а в чём причина, неизвестно,
однако плакать нет причин.

24 мая 2004. Ветлуга

Время растворяется во мне
безвозвратно, но не без следа.
Оседают блики дня на дне,
неспроста попавшие сюда.

Света вездесущая пыльца
проникает в неподвзятый взгляд.
Где-то вечность в образе кольца
крушит отрешённо всё подряд.

25 мая 2004. Ветлуга

Воркует ветерок, листва щебечет,
вокруг преобладает благодать,
и солнце, предлагая чёт и нечет,
спешит лугам всё лучшее отдать.

И, кажется, что это будет длиться
до самых умозрительных времён.
И вспыхивает в памяти зарница,
и мир куда-то всё же устремлён.

30 мая 2004. Ветлуга

Не знаю, что тому причиной,
но злу со мною не везёт.
И без прикрас, и под личиной
ему в мой мир заказан вход.

И, верен главному завету,
тому, что путь наметил мой,
я путешествую по свету,
всю жизнь преследуемый тьмой.

5 июня 2004. Ветлуга

Он совместил в себе и явь, и сон,
летающий в тьму по солнечной орбите,
поющий с пьяным ветром в унисон,
просеянный при этом в общем сите.

Он воплотиться полностью не смог,
мельчайшей гранью отражая время,
невнятный, как двусмысленный намёк,
эпиграф к ненаписанной поэме.

9 июня 2004. Ветлуга

По тёмной стороне Луны
гуляют марсиане.
А я сижусь и ем блины
с салатом из герани.

И музыка звучит в блинах
привычно, но невнятно,
и в уши заползает страх,
явив на Солнце пятна.

11 июня 2004. Ветлуга

Слаб человек. Он загодя страшится
небытия, как невозможной кары.
Он многого готов порой лишиться,
лишь вечность получить желая даром.

От разных тайн отмычками владея,
мы разум усыпили изначально.
Но жизнь – опровержение идеи
бессмертия, как это ни печально.

23 июня 2004. Ветлуга

КЛЁН

Он явно твёрдый дал зарок
всегда стоять на этом месте,
напрасно манит ветерок
его бродить по свету вместе.

Он что-то видит вдалеке
и рассказать об этом хочет,
и на зелёном языке
листва лепечет и лопочет.

25 июня 2004. Ветлуга

Не знаю уж кому назло там,
но, разодрав укромность ночи,
разыгранная, как по нотам,
гроза над городом грохочет.

Ей чужды наши укоризны
и безразличны наши оды.
Непредсказуема, капризна
слепая вспыльчивость природы.

27 июня 2004. Ветлуга

Мне служит исправно зрение,
но слишком пристрастно служит.
Не я выбирал измерение,
в котором обзор мой сужен.

В него ли я втиснут волею
неведомо чьих фантазий,
иль жизнь моя в нём не более,
чем Слово в забытой Фразе.

28 июня 2004. Ветлуга

В привычной атмосфере маскарада
всю жизнь мелькают незаметно дни.
Наличие масок вовсе не преграда,
напротив, помогают нам они.

Пытаясь подменить реальность сказкой,
уже не замечают люди их.
И кто из нас не пользуется маской,
чтоб скрыть свой облик от себя самих?!

4 июля 2004. Ветлуга

ОСЕНЬ

Под звук движенья своего
день остывает, угасая.
Не времени ли самого
на свет ложится тень косяя?

И провожает лето клён
прощальным огненным приветом.
И он почти не удивлён
моим присутствием при этом.

5 октября 2004

Мгновенья не всегда равновелики,
хоть вечность и оспаривает это.
На сгустки времени ложатся блики
нездешнего, пугающего света.

Непрошено в сознание проникая,
он души будоражит и тревожит.
А для чего настойчивость такая,
мы не успеем осознать, быть может.

12 октября 2004

Жизнь для одних людей сплошная мука,
а для других игра забавных масок.
Мир для кого-то сочетание звуков,
а для кого-то переливы красок.

Спасительно его многообразье,
и пусть не каждый в нём своё находит,
не зная часто, что своё, но разве
в ответе он за всё, что происходит?

3 ноября 2004

Какая-то хромая хромосома
в нерукотворном выжила огне.
Мне дорого лишь то, что невесомо,
и то, что адекватно тишине.

Мой мир в пространстве-времени затерян,
где даже мысли остывает след.
Но я своей звезде угасшей верен,
что отдала мне свой прощальный свет.

25 ноября 2004

Жизнь многоцветна, а чего-то жаль.
Снаряды стали падать слишком кучно.
Пунктиром обозначенная даль
существованью явно не созвучна.

Стирает время двуединства знак.
Уверенность неведения, где ж ты?
В земной юдоли конопля и мак
творят пространство Веры и Надежды.

26 ноября 2004

Мне в самом деле дела нет до дел,
которые я мог бы совершить.
И вообще, дела не мой удел –
ведь всё равно задачи не решить.

Не разгадать, в чём сущность бытия,
не разглядеть, в чём жизни смысл и цель.
Буксует непосредственность моя
перед обманным блеском панацей.

18 декабря 2004

МУДРОСТЬ ДЕТЕРМИНИЗМА

Я знаю, ключ к познанию где-то рядом,
хоть, может, он какой-то не такой.
Окидывая жизнь глобальным взглядом,
вполне возможно обрести покой.

Всё, в сущности, разумно до абсурда,
путь ясен от начала до конца.
Какое дело самке каракурта
до ложной самооценки самца?!

18 декабря 2004

Всё в нашей жизни переплетено.
Концов, нередко, просто не найти.
Минувшее с грядущим заодно
ложится часто поперёк пути.

В невнятице сегодняшнего дня
мне отголоски всех эпох слышны.
Все голоса зовут к себе меня,
но я свой мир леплю из тишины.

24 декабря 2004

Я стал терпимей с некоторых пор,
возможно, это следствие старенья.
Небесное земному не укор,
поскольку тут иное измеренье.

Хотя реальность ныне такова,
что с миром Свифта только совместима,
но кто сейчас пройти сумеет мимо,
роняя самоценные слова?!

27 декабря 2004

МЕЛОЧЬ

Душе одежда не нужна,
что всем, надеюсь, ясно.
Тут экономия важна,
притом какого ей рожна!
Она и так прекрасна.

История литературы
Всюду разного размера
обелиски –
от Гомера до Вольтера
путь неблизкий!

—

Коль довелось мне на Земле гостить,
для неизвестной миссии рождённым,
хотелось бы весь мир в себя вместить
и... выместить его преображённым.

—

Я сам с собой всю жизнь играю в прятки.
Но раз играю, значит, всё в порядке!

—

Понять, что истинно, что ложно,
не так-то просто, но возможно.
Тут, правда, нужен, говорят,
не замутнённый верой взгляд.

—
«Патриоты» в почёте и в силе
и народ охмуряют опять.
Все они, пропивая Россию,
о любви к ней истошно вопят.

—
Нередко зло так на добро похоже!
Ну, близнецы, не различить. И всё же...

—
Каждая птица к счастью стремится,
каждая – жизни своей мастерица.
Нам бы, несчастным, у них поучиться,
но человек – не птица.

—
Шумит лжепророков рать
бездумно и однообразно.
Умом Россию не поднять –
уж больно глубоко увязла!

—
Днём и ночью я гадаю,
как на пенсию прожить –
то ль купить кило минтая,
то ль в недвижимость вложить.

—
Что обретёт сознание моё,
из быта перейдя в небытиё?

—
Ну, просто создана страна
для Салтыкова-Щедрина.

Небо и Земля

Между ними немислим развод.
Так и жить им, реальность приемля.
Видишь, солнце по небу ползёт,
опираясь лучами на Землю.

—

Время делает с нами то,
что мы ему позволяем.

—

Жить надо так, чтоб, соблазнившись далью,
расставившей ловушки на пути,
не разминуться с тихою печалью
и в ней источник радости найти.

—

По секрету вам скажу:
я за богача схожу.
У меня в копилке
стружки и опилки.

Правозащитник

За правду он стоит везде,
в день получает писем дюжину,
готовый защищать в суде
права моллюска на жемчужину.

—

На свете есть страна чудес,
где все законы пишет бес,
а с президентом воры
ведут переговоры.

Громоотвод

Он ловит молнии, как вратари мячи,
ловить другое даже не пытается.
Опасны раскалённые лучи,
но он лишь ими, видимо, питается.

—

Жить под прицелом неуютно.
Здесь безответственность простительна.
Но я уверен абсолютно,
что всё на свете относительно.

—

Два солнца мне светят, не пять и не три,
одно надо мною, другое внутри.
И если однажды погаснет одно,
другому гореть не позволит оно.

—

С терпеньем ангельским Природа-мать
пытается нам что-то втолковать.
Но тщетны все усилия её
предостеречь творение своё!

—

И жизнь сама ведь сущая безделица,
мираж в пути до пункта назначения.

—

Э.

Нами пройден путь большой,
но сомнительна награда.
Между телом и душой
у природы нет разлада.

Сколько стоит прожитая жизнь,
мне никто, пожалуй, не ответит,
потому что жизни виражи –
это не мелькание в балете.

Сентиментальность

Жизнь раскрыть не спешит свои тайны.
Часто призрачны признаки знака.
Мы безжалостно сентиментальны,
несмотря, вопреки, но однако.

От болезни ухожу, от беды
к щедрой ласке родниковой воды.
В ней таится освежающий свет,
в ней коварства и предательства нет.

Я живу хорошо,
У меня даже есть одеяло.
Много в жизни нашёл
Я того, чего в жизни так мало.

2004

В нашей жизни всё условно,
кроме солнечных улыбок.
Я сегодня в трансе, словно
маринованная рыба.

Мне чего-то не хватает,
а чего – пока не ясно.
Вниз ведёт тропа крутая,
но ведь жизнь всегда опасна.

Надо просто встрепенуться,
улыбнуться просто надо
и к себе скорей вернуться,
выбравшись из маринада.

1 января 2005

Сегодня, встав зачем-то спозаранку
и явно ощутив душевный пыл,
я вывернул унынье наизнанку
и все свои печали позабыл.

Как бы освободясь от наважденья,
прозрев, чтоб с тропки узкой не сойти,
я получил энергию движенья
для продолженья своего пути.

В природе сдвигов не было при этом.
Смог не редел, пень оставался пнём.
День был обычным, не богатым светом,
но что-то явно засветилось в нём.

12 января 2005

Я прожил много разных лет.
В них смысл искал ретиво.
Альтернативы жизни нет –
смерть не альтернатива.

Понять не каждому дано
ту истину простую.
Я понял, и притом давно,
однако протестую.

Конечно, мой протест смешон.
Я сам смеюсь порою.
Вопрос давным-давно решён,
хоть без меня, не скрою.

13 января 2005

Я сквозь туман с тяжёлой головой
всю жизнь бреду за стрелкой часовой.
И в летний зной, и в снежную пургу.
На миг остановиться не могу.

Иду за ней уже немало лет,
а до меня ей вовсе дела нет.
Но что её определяет путь,
и в чём стремленья к будущему суть?

Ответов, как ни бейся, не найти.
Иду, в слова играю по пути,
покорно шаг соразмеряя свой
с тупым движеньем стрелки часовой.

15 января 2005

Так уж получается
как бы невзначай,
что слова встречаются,
встретились – встречай!

Это отражение
взлётов и тревог
в силе притяжения
сопряжённых строк.

Вижу на бумаге я,
слышу в тишине,
как творится магия,
явленная мне.

17 января 2005

Не туда страна идёт.
Всюду суматоха,
кто не вовсе идиот,
тем глобально плохо.

Ну, а прочие жуют
что кому досталось,
жалуясь на неуют,
хвори и усталость.

Высота небесных сфер
просветляет лица
тех, кто вовремя успел
к Богу притулиться.

19 января 2005

Итак, я убеждённый домосед.
При этом самому себе сосед.
К тому же, раздвоившись на момент,
я сам себе судья и оппонент.
Во временном тень вечного ищущу,
минувшее без усталости ловлю,
ловлю в ночи иноязычный свет,
не отличая звёзды от планет.
Но для меня давно уже не нов
эффект взаимопритяженья слов.
Они бликуют, чтобы как-нибудь
свою от взгляда глубже спрятать суть.
Они живут в укромной тишине,
полупрозрачной, что на пользу мне.
Земные и небесные пути
мне помогают грани их найти,
определить их скрытый аромат,
чему я, безусловно, очень рад.
И, короткая хрупкие года,
переставляю знаки иногда.
В густом потоке звуковом живу
и радуюсь во сне и наяву,
что, найденные вовремя, слова
спешат ко мне, как в море острова.
Но, в поиске всё время находясь,
я с временем боюсь утратить связь.

24 января 2005

Душа растёт неведомо откуда.
Тут неоткуда верных ждать вестей.
И только поражает амплитуда
размаха человеческих страстей.

Но неподвластна их слепая сила
ни Божьему велению, ни уму.
Она бросала в грязь и возносила,
покорна лишь капризу своему.

Ту силу усмирить не в нашей власти.
Не ею ли расцвечены века?!
Как украшают жизнь земные страсти,
когда на них глядишь издалека!

26 января 2005

Ну да, непримирим обычно к злу я,
хоть и не образцовый моралист.
Действительность слегка преобразуя,
рассудку вопреки, мараю лист.

Реальность на поверку иллюзорна.
Несносна безответственность её.
Мы часто в пустоту бросаем зёрна,
являя бескорыстие своё.

Забыв о том, что пустота бездонна,
соблазну я покорно поддаюсь.
Живая плоть к бессмертию не склонна,
и этот факт оправдывает грусть.

26 января 2005

Чего ещё надо питомцу страны,
где счастлив уж тем, что живой?
Четыре угла, четыре стены
да крыша над головой.

А то, что губительно хрупок покой
и так ненадёжен сосуд,
того не исправишь чудесной строкой,
бессилен и разума суд.

Но кем же не так были карты сданы,
чтоб мир стал уже не твой?
Четыре угла, четыре стены
и крыша над головой...

Январь 2005

Сегодняшнее вынеся за скобки,
а к завтрашнему вовсе не стремясь,
я в памяти произвожу раскопки,
от самородков отделяя грязь.

Но прошлое тускнеет понемногу.
Выходит ясность на передний план,
подкармливая ревностно тревогу,
внедрённую в оптический обман.

Из отблеска леплю и отголоска
подобье осязаемых миров,
невнятный текст, где мысль всего лишь сноски;
но жизнь оплачена, и я почти здоров*.

7 февраля 2005

* В оригинале «и я почти готов». Слово «готов» зачёркнуто и исправлено на «здоров».

Да, было всё: просчёты и потери,
бессилия сгустившегося мрак,
случалось, что беда ломилась в двери,
законностью прикрывшись кое-как.

Сопротивленью преодолевая,
я двигался неведомо куда,
и пронесла меня волна живая
сквозь неблагоприятные года.

И, находясь вблизи бесплодной Леты,
познания жажду недоутолив,
гляжу с несуществующей планеты
на жизни недовоплощённый миф.

9 февраля 2005

Жила-была в миру коза
(чего не жить ей в самом деле!).
Её бездонные глаза
на мир доверчиво глядели.

Давно не вижу ту козу.
Она по воле злого рока,
быть может, канула в азу
иль стала украшением плова.

Я ей простил капризный нрав –
глаза её меня пленили.
Нет, человек всегда неправ,
не зря в нём столько всякой гнили!

Пусть ей не помогли рога
ни жизни отстоять, ни чести,
о ней мне память дорога,
но кто вздохнёт со мною вместе?!

24 февраля 2005

При жизни в Бога я почти не верил.
Он просто мне неясен был, и точка.
Я впитывал, забыв свои потери,
дыханье жизни каждого листочка.

Я упивался свежестью восхода
и растворялся в зареве заката,
в ладу со всеми временами года,
летащими стремительно куда-то.

Теперь же с недоступным раньше Богом
я о земном веду упрямо споры.
Мы рассуждаем пристально о многом.
К консенсусу, боюсь, придём не скоро.

Февраль 2005

В нездешний мир ушедших лет
закрыта плотно дверь.
Сквозь время проступает след
находок и потерь.

Но время – вязкий матерьял
на жизненном пути.
Коль что-то в прошлом потерял,
его уж не найти.

Оно застряло навсегда
в расщелинах судьбы.
Пробилась только тень сюда,
и то не без борьбы.

Февраль 2005

Прикрыта суть для верности,
морочат взгляд проплешины.
В котёл закономерностей
случайности подмешаны.

Процесс не подчиняется
резонным точкам зрения.
Всё в жизни начинается
с подспудного волнения.

Мелькнёт, блеснёт, забудется,
за сердце не зацепится,
а если что и сбудется,
так это так, нелепица.

4 марта 2005

Горбатого – могила,
бездарного – хвала.
Всё явлено, всё было,
внутри печаль была.

Её не вырвать с корнем
и в землю не зарыть;
чем дальше, тем упорней
имеет право быть.

Пророчит потрясения,
смещение осей,
и не сулит спасенья
ресурс Вселенной всей.

Природа терпелива,
но утончилась нить,
а жажду кружка пива
не сможет утолить.

5 марта 2005

Я иду по канату, внизу пустота,
и страховки, конечно, нет...
Этот город не тот, эта сказка не та,
и не тот этот белый свет.

Слишком стал он теперь безнадёжно сер,
слишком походя стал жесток.
Ни при чём здесь козни небесных сфер,
просто, видно, подходит срок.

Впрочем, каждому шагу я нынче рад,
без испуга гляжу вперед,
и неважно, лежит под ногой канат
или тонкий прозрачный лёд.

20 марта 2005

Не вписываюсь и не совпадаю.
Из глубока с печалью наблюдаю
за поимённым перечнем потерь,
что стали неким символом теперь.

Затоптаны священные скрижали,
хранители высокого сбежали,
и бесов разгулявшаяся рать
спешит земную власть к рукам прибрать.

Блажен, кто здесь в молитву погружён,
кто, как всегда, не лезет на рожон
и, заглушив сомнения и страх,
готовится сиять в иных мирах.

25 марта 2005

Мне приснилось,
что время остановилось
ненадолго, всего лишь на тысячу лет.
Но за это мгновенье всё так изменилось,
что названия этому нет.
Может, в том проявилась великая милость
неразгаданных нами примет.
Впрочем, столько невнятного в жизни скопилось,
что неясно, где тьма, а где свет.

27 марта 2005

Не стал я ничьим эпигоном,
сам к свету свой путь осветил,
укрывшись во времени óном
от власти угасших светил.

Однако от сил неуместных
я не был пока отлучён,
и часто неведомый вестник
к душе прикасался лучом.

Тоскуя, взыскуя, играя,
живу и о чём-то пою,
порою у самого края
и даже совсем на краю.

Март 2005

Уж не знаю, трезвость или мания,
но, у неба будучи в долгу,
в запредельное существование
я никак поверить не могу.

Преодолевая искушение
веры в утешительный мираж,
верю лишь в миров соотношение,
в некий многоярусный коллаж.

Может, что-то мною здесь упущено
(кто измерит поисков тщету?).
Не дано перешагнуть идущему
горизонта мнимую черту.

Март 2005

Кто знает, где граница неизбежности,
куда приводит одинокий путь.
В потоке невостребованной нежности
не так уж трудно душам утонуть...

И тонут без надежды на спасение,
и ничего не обещает ночь,
и даже солнце доброе, весеннее
уже не может им ничем помочь.

Такое, к сожалению, случается
в отдельно взятом лучшем из миров,
и всё-таки не следует печалиться
тому, кто в меру счастлив и здоров.

4 апреля 2005

Момент пересечения коллизий
слоёными сюрпризами чреват,
и потому из самой близкой близи
не разглядеть порой, где Рай, где Ад.

Понять, куда ведут хитросплетения,
нам не дано, так стоит ли страдать?
И всё же разноликие виденья
на души изливают благодать.

Вся штука в том, чтобы среди мельканья
какие-то намёки различить,
прикрытые сверкающею тканью,
в которой тонут истины лучи.

Всё это так естественно, и всё же
не безнадёжны поиски концов,
которые, связавши, кто-то сможет
замкнуть непостижимое кольцо.

4 апреля 2005

Когда наедине с собой
ты погружаешься в забвенье
того, что соткано судьбой
или её нелепой тенью,

когда стихает шум и гам
ненужного многоголосья
и время стелется к ногам,
как в поле спелые колосья,

нисходит в душу тишина,
пронизанная мягким светом,
в которой музыка слышна,
и нет противоречья в этом.

7 апреля 2005

Пылинки в дерзком солнечном луче,
в процесс бесповоротного движенья
мы включены неведомо зачем,
всё прочее – игра воображенья.

Когда-то я сказал, взглянув на мир:
– Всё временно, лишь время постоянно...
И усмехнулся ласковый вампир,
незыблемый в державности неявной.

Нам зоркость бесполезная дана,
бесплодны вспышки мнимых озарений.
У вечности есть только глубина
и никаких возможных измерений.

10 апреля 2005

Из ниоткуда в никуда,
а здесь – транзитом.
А здесь просеяны года
бесстрастным ситом;
и что отсеялось в пути,
то – за пределом,
и в этом скрытый смысл найти –
благое дело.
К тому же сгинуть не даёт,
куда-то манит,
подсказывая тайный код,
Звезда в тумане.

16 апреля 2005

Нависло низко небо надо мной,
что здесь теперь случается всё чаще,
день пасмурный, неласковый, смурной
и радости в грядущем не сулящий.

А ведь апрель уже идёт к концу,
оглядывая землю деловито,
и хмурый вид посланцу не к лицу,
что от весеннего брожения скрыто.

Но свет прольётся, станет воздух сух,
и взгляд зазеленеет лета ради,
и растворится тополиный пух
в словах, которых ждут листы тетради.

21 апреля 2005. Ветлуга

Стекло шлифую – вот такая проза,
но вдумчиво, совсем как Б. Спиноза,
при этом без приказа и заказа,
тружусь во имя обостренья глаза.
Вы скажете, что это блажь пустая,
что книги драгоценные листая,
извлёк я очень странные уроки,
не так толкуя, очевидно, строки,
наполненные мудрости нектаром,
которые нам всем достались даром.
Всё может быть, не стану спорить даже
по обвиненью в очевидной блажи.
Согласен, и при этом не блефую.
Гляжу вокруг и стёклышки шлифую.

25 апреля 2005. Ветлуга

Не стоит вглядываться пристально
в действительность, что корчит рожи,
не то мираж воспримешь пристанью,
что всё же не одно и то же.

Реальность, в сущности, обманчива,
её фактура многолика;
она спешит переиначивать
нас всех от мала до велика.

Она заманивает исподволь
упрямых в лабиринты знания,
дразня воображенье истиной,
надёжно спрятанной заранее.

26 апреля 2005. Ветлуга

ПАМЯТИ ЗОРИКА ШАЛОНОВА

Голова моя фонариком,
Остальное столбиком.

З. Ш.

Был у меня приятель,
еврей-полумонгол,
враг правильных занятий,
он весел был и гол.

Глядел на всё с усмешкой,
подачек не просил,
быть не желая пешкой
в игре успешных сил.

Его не грызла зависть,
что к пропасти вела;
ему таланта завязь
дарована была.

А в том, что Зорик сгинул,
сорвался на бегу,
любую половину
винить я не могу.

28 апреля 2005. Ветлуга

Льётся время струйкой тонкой,
чуть заметен угол сдвига.
Как ничтожна перепонка
между вечностью и мигом!

Между временным и вечным,
между мнимой тьмой и светом.
Жизнь, конечно, быстротечна,
но велит забыть об этом.

Только ранят звуки рога,
только даль в душе поката,
и развёрнута дорога
от восхода до заката.

28 апреля 2005. Ветлуга

КАЛЕЙДОСКОП ПАМЯТИ

В крупном городе всё почему-то мелко.
Небо тонет, как всегда, в прогорклом game.
Я всё чаще вспоминаю Погорелку –
речку, лес да луг с примятыми стогами;
сонных тёлочек, что усталыми хвостами
отбиваются от нечисти летучей,
даже грозы, что в пути меня застали,
чёрной тучею грозя на всякий случай.
И росу, что воссияла спозаранку,
и нахальство безответственной сороки,
и готическую строгую осанку
можжевельника в притихшем наволоке.

Апрель 2005. Ветлуга

Из глубины, из тишины, из ниоткуда
и, главное, неведомо зачем
является мгновенный просверк чуда
в прозрачной новизне, открытой всем.

Я разгадал загадку эту вроде.
У мира к нам ничтожен интерес.
Он просто по самой своей природе
существовать не может без чудес.

А что до нас, то всё от нас же и зависит,
вот вспыхнул свет, открой глаза, смотри!
Однако здесь нужна не зоркость рыси,
но просветлённость взгляда изнутри.

Апрель 2005. Ветлуга

ПЕРВОМАЙ

Помню, напрягая слух,
как в колоннах люди пели,
жадно впитывая дух
первомайской канители.

Светлый день, он был сплошным
праздничным калейдоскопом.
Это выглядит смешным
в мраке нынешних раскопок.

Детской радости поток,
слепорожденная вера
в то, что хилый наш росток
всей растительности мера,

маскарада мишура...
липких сладостей крупицы...
Та далёкая пора
никогда не возвратится.

1 мая 2005. Ветлуга

Живу по своему календарю.
В нём есть и зной, и лютые морозы.
В нём я встречаю иногда зарю,
смеясь над явной тьмой житейской прозы.

Несовпадений этих частота
меня интуитивно не тревожит.
Гладь соответствий слишком уж проста,
а механизм движенья слишком сложен.

Живу, закономерности ценя,
их целесообразность признавая.
Но есть своя реальность у меня.
Порой она не менее живая.

9 мая 2005. Ветлуга

Я эгоист: ведь я, конечно,
пишу упорно для себя,
но, альтруизм в себе губя,
одновременно верю я,
что это не бесчеловечно.

Лукавство в этом есть, возможно,
но казуистики тут нет.
Легко пройти сквозь анфиладу лет
и не оставить даже слабый след
заманчиво, хотя и очень сложно.

10 мая 2005. Ветлуга

ГЛУБИНКА

Здесь на месте сонник и герань,
и дышу я с чувством примиренья,
перейдя невидимую грань,
воздухом другого измеренья.

Вопреки всему в сознанье длясь,
возникает из прозрачной дали
внешнего и внутреннего связь,
в гармоничной ясности реалий.

Я к потоку времени приник,
ощутив движенья постоянство.
Пёсий лай и петушиный крик
утверждают подлинность пространства.

11 мая 2005. Ветлуга

А под окном проклюнулась сирень,
добавив краски в дарственный орнамент,
и всё сложилось в царственную сень,
простёршуюся бережно над нами.

Природы переходная стезя
изменчивую прелестью богата,
и солнца луч, сквозь облака скользя,
не ведает о близости заката.

Да что закат! Всё лето впереди
сияет освежающим бутоном.
По узенькой дощечке перейди
в мир, неподвластный суетным законам.

20 мая 2005. Ветлуга

ЖАРА

Облако кажется лишним
в оторопи такой,
в небе, к земле прилипшем,
ненарушим покой.

Мир иллюзорно замер,
словно спешить устал,
рассыпался пред глазами
рухнувший пьедестал.

Бодрствованье условно
свой растворяет след.
Время свернулось, словно
двигаться смысла нет.

Если склониться к прозе
в ракурсе антител,
эту жару заморозить
очень бы я хотел.

24 мая 2005. Ветлуга

ПРЕДЛЕТЬЕ

В окно на клён сияющий гляжу,
тепло и свет накапливаю впрок;
сквозь живописно-трепетный ажур
сочится разомлевший ветерок.

Однако и туда стремится взор,
где сохнет в ожидании пока
вобравшая в себя земной простор
Ветлуга – многолика река.

Ещё не крепок травяной настой,
и зелень так естественна чиста,
а за горизонтальной чертой
бликует бедолага – суета.

26 мая 2005. Ветлуга

По небу волны катятся,
качая солнце блеклое.
Весенняя невнятица,
в пути прозрачность летняя.

Внушает неуверенность
унылая распутица,
но раз планета вертится –
сирень опять распустится.

И зазвучит взволнованно
торжественною песнею
в предощущенье нового
земное и небесное.

Май 2005. Ветлуга

Существование колыхается,
отталкивая силу злую,
и всё, что видится и слышится,
я, как могу, преобразую.

Вдали от буйного цветения
настырного чертополоха
живу, вникая, тем не менее,
в то, что явила мне эпоха.

И, пребывая словно в склепе,
порой заманиваю в строчку
трёхмерное великолепие,
отпущенное мне в рассрочку.

3 июня 2005. Ветлуга

Расположившись на соседской крыше,
разнежились лениво облака.
Любовно ветерок листву колышет,
её касаясь на лету слегка.

Объёмность тишины воспринимая
как проявление милости ко мне,
прощальную ловлю улыбку мая,
что воплотилась в благосклонном дне.

Тепло всё глубже проникает в тело,
сияющий простор слепит глаза.
Вот бабочка в окошко залетела
и явно хочет что-то мне сказать

на языке крылатого порханья
орнаментальной прелести своей,
преодолеть барьер непониманья
на этот раз не удаётся ей,

но главное мне всё-таки понятно:
в её порыве – радость бытия
и это передать сумела внятно
та гостья мимолётная моя.

Она, со мной простившись, улетела;
возможно, мы расстались навсегда,
но сделала благое дело,
на миг нетленный залетев сюда.

3 июня 2005. Ветлуга

Тишина обещает покой и уют,
суетливость при ней неуместна.
Из чего мотыльки тишину создают
никому, даже мне, неизвестно.

Но, возможно, в пространстве и времени длясь,
с нудной логикой так же в разладе,
существует, напротив, обратная связь
равнозначной возможности ради.

Я подобной задачи решить не могу,
но под ласковыми облаками
я лежу в тишине на нездешнем лугу,
вознесённый в себя мотыльками.

10 июня 2005. Ветлуга

Июнь за маем следом
явиться поспешил
и летним, тёплым снегом
простор запорошил.

Черёмуха печальна –
ушла её краса,
улыбкою прощальной
прощая небеса.

И зной, и дождь, и ветер...
А ведь ещё вчера...
Но для всего на свете,
видать, своя пора.

Всё это ей понятно,
но просьба – не упрёк
звучит довольно внятно:
продлись, цветенья срок!

11 июня 2005. Ветлуга

Сорока вести сбросила с хвоста
и снова полетела за добычей,
блюдя укоренившийся обычай,
она собой довольна неспроста.

Горда своей причудой многолетней,
манящей день за днём её в полёт,
она усердно собирает сплетни,
интриги хитроумные плетёт.

Сварливая, она всегда не в духе,
к тому же, как известно, в наши дни
почти всегда недостоверны слухи,
полны дезинформации они.

И всё же мы охотно ждём сороку
и слушаем её разинув рот.
В резонах мудрых, видно, мало проку.
Иду встречать плутовку у ворот.

15 июня 2005. Ветлуга

Как всякому античному ослу,
мне нужен стимул, без него ни шагу,
а с ним я пожирать готов бумагу
и в золото преобразжать золу.

Мне всех пороков царственная мать
всё, что смогла, передала в наследство,
чудесное от всех напастей средство,
в котором тихо дремлет благодать.

И пусть сегодня трудно уцелеть
ценителю целебного покоя,
я принял в дар наследие такое,
а стимул – это всё-таки не плеть.

29 июня 2005. Ветлуга

ТРИПТИХ

1

Нет, я не примерял корону из фольги
и редко надевал свой шутовской колпак.
Но я почти всегда платил свои долги,
сводя концы с концами кое-как.

2

Отсутствие верной опоры – беда.
Жизнь, собственно, поиск пути своего.
Мой путь был извилист, и знал я всегда,
что вера моя не от мира сего.

3

Неадекватных ценностей шкала
мешает обживанию вершин.
А что важней, Слова или Дела,
вопрос и для меня неразрешим.

30 июня 2005. Ветлуга

ГРОЗА

В борьбе с небес голубизною,
для штурма подготовив базу,
гроза ударила по зною
из всех своих орудий сразу.

Она характером, казалось,
несовместима с тучей слёзной,
и словно самоутверждалась,
явив безмерность силы грозной.

Потом она, пройдясь враскачку,
угомонилась понемногу
и, как медведица, на спячку
ушла в небесную берлогу.

Июнь 2005. Ветлуга

Я на пути к неведомому Богу
встречаю много путников благих,
но не могу шагать с другими в ногу,
хоть досконально одобряю их.

Им больше ничего искать не надо,
для них вопросы разом решены;
есть Высший суд и Высшая награда,
им жизненные бури не страшны.

Всё прочно, всё разумно, всё на месте,
а если что-то вроде и не так,
так ведь до нас не все доходят вести,
не всякий осознать мы можем знак.

И мне бы жить, «прозрев» и успокоясь,
перед лицом иного бытия.
Но оправданье жизни – вечный поиск.
На том стою и в это верю я.

Июнь 2005. Ветлуга

Гроза стремилась преподать урок
неотвратимости грядущей кары
и с яростью бродячей Ниагары
озвучивала вездесущий рок.

Сливались в торжествующий аккорд
огромной напряжённости разряды,
и молнии обугливали взгляды,
хоть некто был своим успехом горд.

Но для чего вся эта кутерьма
и что Земле небесные разборки,
когда окошек вздрагивают створки
и сотрясает непогодь дома?!

И пусть у всякой силы свой резон,
Земле так трудно с Небом сговориться.
Гроза, бесспорно, омрачает лица,
но, впрочем, не скупится на озон.

1 июля 2005. Ветлуга

ЧЕЛОВЕК

Вот он – источник излученья,
которому и сам не рад,
нелепое пересечение
таинственных координат.

В нём совмещенье дня и ночи,
но гонит тьму с его лица
и возрождение пророчит
цветущей радуги пыльца.

Уходит в млечность перспектива –
арена яростной игры,
вращаются неторопливо
вкруг нас нездешние миры.

Как неопознанные тени,
эпохи выстроились в ряд.
На языке прикосновений
мгновенья с нами говорят.

10 июля 2005. Ветлуга

Я словно вырвался из кокона
в сиянье Неба и Земли,
где взгляд летает вольным соколом
и смрад скрывается вдали.

И до чего ж просторно дышится,
всему безумству вопреки,
когда вокруг туман колышется,
встающий медленно с реки!

Здесь, где давно сошлись все линии
в единстве бдения и сна;
где две кокетливые лилии
видны из моего окна.

25 июля 2005. Ветлуга

Всё недоплощённое ушло,
и потому в нём проку не ищи.
Я облако в игольное ушко
могу себе на радость протащить.

И много я чего ещё могу
для поддержанья мира на плаву,
когда парю на праздничном лугу,
прямив обетованную траву.

Здесь не перечит больше свету тьма,
и этот ослепительный полёт,
который весь – иллюзия сама,
иллюзию блаженства создаёт.

Июль 2005. Ветлуга

В абсурдности земного бытия
сокрыта чья-то дьявольская шутка,
эксперимент, хоть выглядит и жутко,
однако в нём есть логика своя.

Но разъедает логику печаль,
та горечь, что и в сладости таится,
поскольку жизнь большая мастерица
на всё судьбы накладывает печать.

Блажен, кто окрылённый миражом
обрёл покой в полёте мотыльковом
и соблазнился запредельным зовом
в пространстве равнодушном и чужом.

3 августа 2005. Ветлуга

Можно жить легко и весело,
час за часом, день за днём,
сохраняя равновесие
на канате, над огнём.

Да и то, к чему печалиться,
стену лбом не прошибёшь.
Что ж, у многих получается
потреблять с ухмылкой ложь.

Чтоб скакать легко и весело
в череде друзей-подруг,
в этом выморочном месиве,
очертив заветный круг.

Только этот круг от чудищей
никого ещё не спас.
Говорят, что в жизни будущей
всё наладится у нас.

7 августа 2005. Ветлуга

В пространстве, где светлых мгновений немного,
мой путь обозначен давно.

Уходит в холмистое небо дорога,
с которой свернуть не дано.

Чего я ищу там, покуда не знаю,
но, видимо, всё же, не зря
стремится упрямо дорога сквозная
туда, где творится заря.

И взгляд, в недоступную высь прорастая,
уносит сознание туда,
где мыслей крылатых свободная стая
отыщет свой корм без труда.

8 августа 2005. Ветлуга

Подобна светлячку душа,
летающая в ночи.
Она, к бессмертию спеша,
несёт к нему ключи.

Её нетленный огонёк
не погасить ветрам;
он уцелеть в безумье смог
потрясших время драм.

Бушует ярость, всё круша,
но холодна как лёд,
а в тишину летит душа
и свет в Себе несёт.

9 августа 2005. Ветлуга

Давно я не пишу чужих стихов
и от ничьих капризов не завишу.
И обживаю собственную нишу
и не тужу, что выбор мой таков.

Тщеславия губительный микроб
в зародыше был вовремя задушен,
а зависть, разъедающая души,
к моей душе не отыскала троп.

Так и живу, с самим собой в ладу,
однако вовсе не самодоволен,
и потому мне, видимо, дозволен
взгляд, в бегство обращающий беду.

Смывает жизни времени волна,
уносит и надежды и эпохи,
тут бесполезны выдохи и вдохи –
со временем бессмысленна война.

На поражение мы обречены
задачей, не имеющей решенья,
поэтому, наверно, в утешенье
нам время всем живущим дарит сны.

10 августа 2005. Ветлуга

Ещё тепло нас радует пока,
ещё вокруг не увядает лето,
и солнце разгребаёт облака,
чтоб в жизнь пролить как можно больше света.

Но осень подступила к нашим снам,
готовясь изменить сюжет картины,
а в утешенье протянула нам,
обещанную присказку рябины.

И хочется, не обрывая нить,
связующую годы не приметно,
в себе частицу лета сохранить
во всём его сиянье самоцветном.

18 августа 2005. Ветлуга

ЦВЕТЫ

Дыханье роз, свет хризантем,
пионов нежная краса...
Нам трудно примириться с тем,
что все земные чудеса,

подобные нездешним снам,
хоть наяву привычней им,
случайно здесь достались нам,
а предназначены другим.

Природа в творчестве своём,
конечно, и на этот раз
сдавая Землю нам в наём,
проигнорировала нас.

Но разве кто-то виноват
в хитросплетениях таких?
О, как чудесен аромат
и как прелестен облик их!

21 августа 2005. Ветлуга

Мне не впервые глядеть устало
на копошливый род людской.
Моей судьбой с рожденья стала
жизнь в мясорубке городской.

Я редко убежал из плена,
глотал столичный дымный смрад,
и оттого самозабвенно
всегда земле и небу рад.

С подстрочником за эти годы
я перевёл немало книг,
но понимать язык природы
я без подстрочника привык.

23 августа 2005. Ветлуга

Вне времени, вне места, вне судьбы,
в пространстве, где, рассудку вопреки,
роются терпеливые рабы,
что от самопознания далеки.

В седом тумане тонут берега
эпох не совместимых никогда,
и грозных молний вольтова дуга
в тумане этом тонет без следа.

И мысль, что отвергает колею,
дерзает бесконечность обживать,
и подтверждая подлинность мою,
касается абсурда благодать.

26 августа 2005. Ветлуга

В эпохах тьма разительных отличий,
но не скудеет прошлого рука.
Я часто отправляюсь за добычей
в различные нездешние века.

Не то чтобы я был повсюду дома,
нет, я везде скорее гостем был,
однако жизнь казалась мне знакома,
куда бы ни занёс меня мой пыл.

Теперь я отправляюсь в путь всё чаще.
Сияет отгоревшее, маня.
И даже тут, в мертвящем настоящем
находки терпеливо ждут меня.

28 августа 2005. Ветлуга

МЕЧТА

Кружась на хищной карусели суеты,
когда рутина вас берёт за горло,
спешите сделать фотографию мечты,
чтоб время навсегда её не стёрло.

Чтоб возвращаться к ней хоть иногда,
взглянуть в её глаза и вострепнуться,
кляня пустопорожние года,
холодные и плоские, как блюдца.

Быть может, в некий день и в некий час
увидите вы просветлённым взором,
что, некогда поверившая в вас,
она глядит вам вслед с неммым укором.

Август 2005. Ветлуга

В слепом порыве годы мчатся
сквозь жизни радости и бедствия,
но удручают слишком часто
досадные несоответствия,
несовпадение направлений
непроизвольного движения,
несовместимость настроений
при невозможности сближения.

Наш мир как будто так устроен,
чтоб в нём жилось легко и весело,
но сор снимаем слой за слоем
для достижения равновесия.

Август 2005. Ветлуга

ДИСТРОФИКИ

Э.

Известно, жизнь искуснейшая сводня,
плетушая тишком свои интриги.
Тебе я пожелать хочу сегодня,
чтоб радость открывалась в каждом миге,
чтобы в резерве силы оставались
и чтоб в душе не поселилась скука,
чтоб все твои желания сбывались
со скоростью растущего бамбука.

2 января 2005

О воплощенье сам я не просил,
и ни о чём, конечно, не был спрошен.
Я в этот миг и в этот мир был вброшен
по воле неких inferнальных сил.

Но кармы изменить я не могу,
и пребывать здесь обречён с рожденья
среди нелепого нагроможденья
живых геометрических фигур.

12 января 2005

Всё сущее устремлено в грядущее,
а места в нём, конечно, маловато.
Отсюда раздражение, растущее
по мере приближения заката.

Однако день за днём конвейер движется,
и что-то повсеместно происходит,
и пишется увесистая книжица
о том, что Вечность явно на исходе.

22 января 2005

Как дико рисоваться, чтоб казаться,
свои перебирая достижения!
Распался круг, и не с кем состязаться.
Я вышел навсегда из окружения.

Остались незабвенные амбиции
в каком-то неучтённом измерении.
Но новый день, встающий над столицей,
уже не озаряется горением.

25 января 2005

Пернатый снег, над городом парящий,
приносит чистоты холодный свет,
недостоверный и ненастоящий
источник неразгаданных примет.

Но нет в нём ни коварства, ни обмана.
Он верность белизне своей хранит.
Небесная живительная манна
сейчас бетон питает и гранит.

27 января 2005

Эмоций положительных ценитель,
я не капризен и неприхотлив,
но как столичный убеждённый житель,
возможно, отрицательно болтлив.

При этом, если говорить серьёзно,
я к ближним положительно терпим.
А дальних приближать, пожалуй, поздно,
за что я даже благодарен им.

27 января 2005

Ах, эта вредная привычка!
Оставить бы её скорей.
Мысль ненадёжная отмычка
для отпиранья всех дверей.
И всё же манит чрезвычайно,
как ни кляни и ни божись,
нераспечатанная тайна
с таким простым названьем: жизнь.

28 января 2005

Мне позы любые давно не к лицу.
На мир ошалевший гляжу без укора
и верю в летящую к свету пыльцу,
которая цели достигнет не скоро.

Под зыбкой звездой стою на мосту,
себе лишь обязанный званьем и рангом;
брошаю спасательный круг в пустоту,
и он возвращается – бумерангом.

6 февраля 2005

Жизни кость обглодана,
остальное – там.
Что кому недодано,
то решать не нам.

Звёзды над равниною
кружево плетут.
Зоркость ястребиная
к нам придёт не тут.

22 февраля 2005

Люди время так и этак мнут,
но, как мина, терпелива бездна.
Сколько в здешней вечности минут,
никому на свете неизвестно.

Время тайн своих не выдаёт.
Все концы запряваны надёжно.
Это время нас, как птицу влёт,
бьёт, ничем не жертвуя, возможно.

24 февраля 2005

Выбор ведь не мною сделан.
То, что в жизнь ворвалось властно,
словно чёрное на белом,
проявляется контрастно.

Ощущая в сердце льдинки,
явь приемлю и такую.
Может, в этом поединке
я судьбу перекукую.

25 февраля 2005

Мы нарушаем правила игры,
вторгаясь в запретельные миры,
стремясь определить удельный вес
нам для чего-то явленных чудес.

Скользит по душам отражённый свет,
на миг неясный проступает след.
Зовёт нас вера, что всегда слепа,
туда, где обрывается тропа.

27 февраля 2005

ДВА ЗАЙЦА

Два зайца грызли сладкую морковку,
ушами дружно шевеля при этом.
Один с ней расправлялся очень ловко,
другой был явным снобом и эстетом.

Я думаю, вам объяснять не надо,
кому из двух она была дороже,
хоть скрылся от внимательного взгляда
след сладострастья на усатой роже.

28 февраля 2005

НЬЮТОНОВО ЯБЛОКО

Оно тяжёлым соком наливалось,
выглядывая из листвы несмело,
но, несмотря на видимую малость,
уравновесить шар земной сумело.

То яблоко, что легендарным стало,
в густой тиши росло с другими вместе.
Оно всего лишь вовремя упало,
ну и притом, конечно, в нужном месте.

4 марта 2005

Обычно всё в минувшем плотно слито,
но иногда, когда полёт не столь высок,
сквозь памяти услужливое сито
просеиваешь призрачный песок.

И в нём находишь солнечные блёстки,
что зажигают отсыревший взгляд,
поймавший в отдалённом отголоске
космической энергии заряд.

4 марта 2005

По камешкам обточенным
неведомо куда,
ничем не озабочена,
бежит, спешит вода.

Помашет веткой деревце,
луч песенку споёт,
и сразу ей поверится,
что кто-то ждёт её.

6 марта 2005

Повисла стрекоза в тиши
меж небом и землёй.
Я в глубине её души
не вижу мысли злой.

Гляжу в глубинные глаза
и верю ей одной.
Да, в цепких лапках стрекоза
удержит Шар Земной.

18 марта 2005

Жизнь – очень спорная идея,
но в то же время и удел.
Альтернативы не имея,
она являет беспредел.

И застывает постепенно
на срезе скверных новостей
меланхолическая пена
аналитических страстей.

29 марта 2005

Сегодня шутовской наряд
в чести, как ни печально это.
Самозомбирова́нья яд –
эпохи главная примета.

Бредут неведомо куда,
утратив образ и подобье,
титанов давешних стада,
на мир взирая исподлобья.

31 марта 2005

Всё, как обычно: Солнце светит,
Земля вокруг идей вращается,
но, хоть бесспорны факты эти,
ось безмятежности смещается.

Свет словно пролетает мимо.
Неладно в доме без хозяина.
Минувшее невосполнимо,
грядущее неосвязаемо.

3 апреля 2005

Не всё стремится грубо обозначиться,
поскольку есть познанию предел.
За видимым невидимое прячется,
чтобы его никто не разглядел,
чтоб не понять, где камуфляж, где истина,
что означает зыбкий, дивный свет.
Но манит нас невидимое издавна,
и этой маяте предела нет.

10 апреля 2005

Иногда я думаю с тоской:
– Может, обречён был род людской,
промотавший щедрые дары
в ослепленье дьявольской игры.

Не вчера гниенье началось –
молью всё проедено насквозь,
кроме жизни, нечем дорожить.
Оттого так трудно стало жить.

16 апреля 2005. Ветлуга

ВЕСНА 2005

Она навстречу лету не торопится,
как будто встреча вовсе не намечена.
Её живая сила, верно, копится.
Всё впереди, и волноваться нечего,
зелёных дней неузнанная вестница
в невнятице бредёт, никем не встречена.
Ещё черёмуха не заневестилась,
ещё сиренью небо не расцвечено.

28 апреля 2005. Ветлуга

Мы режим карантинный
безответственно строили,
что казалось рутиной,
оказалось историей.

А историю всё же
нелегко переделывать.
Впрочем, тем, кто моложе,
в чёрном видится белое.

29 апреля 2005. Ветлуга

ЖИЗНЬ

Так, верно, предназначено –
как надо не течёт она,
судьба творится начерно
с досадными просчётами.

Заветное – не сбудется.
Но что-то с явью встретится,
привидится, причудится,
в кромешной тьме засветится.

30 апреля 2005. Ветлуга

Рите Шкловской

Борясь с болезнями своими,
блюдя разбитое корыто,
в далёком Иерусалиме
торчит занозой наша Рита.

Она, стремясь навстречу чуду,
Москву покинула когда-то.
Я упрекать её не буду,
она ни в чём не виновата.

Апрель 2005. Ветлуга

Лето прячется за рощами вдали,
облака легли на землю зыбкой тенью;
вот и бабочки на ветках расцвели,
торопя заторможенное цветенье.

Скоро трав неповторимый аромат
воздух сказочный наполнит до краёв
и черёмухе поющей будет рад
клён, глядящий с нетерпеньем на неё.

14 мая 2005. Ветлуга

В процессе солнечного полдня
происходило ликование.
Окрестность, прошлого не помня,
меняла форму и названье.

Преодолев ограды плотность,
такое может лишь присниться!
Космическая мимолётность
задела крыльями ресницы.

18 мая 2005. Ветлуга

Вне времени, вне места, вне судьбы,
вне всякого сомнительного ряда.
Туда, где затеряются следы
того, что за беспамятство награда.

И если даже отстранённость блажь,
всех прочих, верно, этот путь короче.
Прикинувшийся сутью антураж
убогих безответственно морочит.

Май 2005. Ветлуга

Не торопиться жить, не торопиться быть.
Куда спешить? Какой пленяться целью?
Пусть спутники, готовясь к новоселью,
свою в пути подстёгивают прыть.

Я суть явлений вовремя схватил:
Вселенная сама проста, как репа.
Я верю в безответственность светил,
хоть это с точки зрения нелепо.

Май 2005. Ветлуга

Как много в жизни разного!
Всяк путь проходит свой.
Но намертво привязана
жизнь к стрелке часовой.

Напрасно ты надеешься:
та неразрывна связь,
да и куда ты денешься,
вне времени продлясь?!

11 июня 2005. Ветлуга

Что за странная картина!
Как в одно связать концы?
В гамаке из паутины
спят подросшие птенцы.

Их надежды и стремленья
от земного далеки,
и глядят с недоуменьем
на колибри пауки.

17 июня 2005. Ветлуга

Да, жизнь не сон в нирване,
в ней тьма сменяет свет.
Без разочарований,
наверно, жизни нет.

Нас взгляд порою ранит,
друг огорчит не раз,
но ландыш не обманет,
фиалка не предаст.

19 июня 2005. Ветлуга

Ревнива власть земного притяжения.
Его целенаправленность бесспорна,
предотвращая головокружение,
оно оберегает нас упорно,
но глубина ретроспективы звёздной
воздействует на плоское сознание,
и ножка циркуля легко и грациозно
очерчивает ёмкость мироздания.

8 июля 2005. Ветлуга

В мире, где с тёплых лучей
счастья свисают гирлянды,
как бескорыстный ручей,
мысли порою нарядны.

Но недоступно близка
Радости ясной зарница.
Рыщет по свету тоска.
Ищет в кого бы вцепиться.

9 июля 2005. Ветлуга

На сквозняке воинственного зла,
когда уходит вглубь душа живая,
воспоминаний тёплая зола
мой голос несозвучный согревает.

Мне самому, порою, чуть слышна
с ним слитая прерывистая нота,
но, верно, для того звучит она,
чтобы её ещё расслышал кто-то.

30 июля 2005. Ветлуга

Эти бабочки подобны облакам.
Пролетели и исчезли навсегда,
испарились, грациозно отмелькав,
не оставив беспокойного следа.

Только в памяти останется их след.
Да и тот среди других неразличим,
как мелькнувший в полумраке чистый свет,
стёртый временем без видимых причин.

Июль 2005. Ветлуга

Спорить можно о многом,
но бесспорно одно.
Тут изысканным слогом
воспарять не дано.

Говорю себе снова,
правду жизни любя:
унижая другого,
унижаешь себя.

Июль 2005. Ветлуга

История курьёзами богата,
но входит просвещение в каждый дом.
Вот аист конкурентом был когда-то
капусте. В это верится с трудом.

Не те младенцы в двадцать первом веке,
чтоб верить в бред родителей своих.
Они о современном человеке
всё досконально знают лучше их.

7 августа 2005. Ветлуга

В тусклом свете тающего дня
сквозь невосполнимые потери
прошлое взирает на меня,
в благотворность времени не веря.

Я в его расщелине зажат,
в строки упираются колени.
На моём прибежище лежат
прошлого и будущего тени.

12 августа 2005. Ветлуга

КОНЕЦ ЛЕТА

Потомству заготовив пищу впрок,
из нашей жизни исчезают осы;
листву ласкает лёгкий ветерок,
ещё не интегрированный в осень,
и грудятся над садом облака,
почти утратившие очертанья,
и черноплодка нежится, пока
дрозды не собрались в набег за данью.

22 августа 2005. Ветлуга

Добро вокруг себя упорно сея,
я в зло вносить поправки не берусь,
но, в житие вникая Одиссея,
по временам испытываю грусть.

Не прав герой эпического склада,
хоть Полифем и обозлил его.
Нельзя лишать единственного глаза
мифическое, в общем, существо.

28 августа 2005. Ветлуга

Оплачивая горькую потерю,
с которой примириться не дано,
я в прошлое России свято верю
при всех его неоспоримых «но».

Оно и вовсе было бы прекрасно,
когда б не глупость и не слепота
тех, кто считал, как ясно нам, напрасно,
что Русь и в диких мерзостях свята.

28 августа 2005. Ветлуга

Приветливость, что фальши лишена,
заключена в горизонтальном круге.
А там, внизу, искрится тишина,
доверчиво прильнувшая к Ветлуге.

Всё та же тишина и в этот раз
готова исцелять людские страсти.
Но одинокий постаревший вяз
уже не в силах отражать напасти.

30 августа 2005. Ветлуга

Мне нужен оппонент, обычно Бог
иль мой двойник (что не одно и то же!).
Давным-давно, когда я был моложе,
я обходиться без обоих мог.

Сейчас не то. Мне дорог диалог,
уж ты прости меня, великий Боже!
К познанию безответственно влеком,
я бдительность порой теряю где-то.

Август 2005. Ветлуга

МЕЛОЧЬ

Иллюзия – это когда, остановив часы,
ты думаешь, что остановил время.

—

Эпохи главная беда,
что шли всё время не туда.
Средь наших дедов и отцов
немного было мудрецов.

—

Не утоляет укус жажды,
в чём убедишься ты однажды.

—

Всегда ль приносят пользу нам богатства наши?
Ведь из жемчужного зерна не сварить каши!

—

Дарованные вечностью минуты
сжигая в очистительном огне,
смеясь навзрыд, бредут обернуты
туда, где что-то сдвинулось во мне.

Нет матерьяла лучше пустоты.
Безликая, она на всё годится,
чем как-никак заслуженно гордится —
равны ей только чистые листы.

Эпитафия отцу

Всю жизнь, одной идее предан,
боролся, верил и был предан.

Идею, овладевшую массами,
почти невозможно отмыть.

Да, часто в бороду внедрится седина,
а бес в ребро, смеясь, ударит прямо.
Ну что ж, и в этом логика видна:
на то оно и есть ребро Адама!

Недостоверность бытия
торчит в сознании занозой,
и оттого невязкой прозой
блажь изливается моя.

Несовместимость

Стремится жизнь к опасному пределу,
в чём все просчёты Вечности видны.
Душа обычно не подходит к телу,
взирая на него со стороны.

Часы

Всю жизнь они твердят одно,
своё упрямое тик-так,
и им узнать не суждено,
что всё давно идёт не так.

Закономерность

Нам исподволь внушали с детства,
что цель оправдывает средства.
Что ж, мы в учёбе преуспели:
сегодня нет ни средств, ни цели.

—

Да, мы должны быть первыми во всём.
Мы крест всегда куда-нибудь несём.
Когда меняют что-то на Руси,
сама Земля смещается с оси.

Закономерность

Что ожидалось, то и случилось –
земного Рая не получилось,
когда свободу скотам вручили,
а что с ней делать не научили.

—

Кроме жизни, нечем дорожить.
Оттого так трудно стало жить.

—

От всей житейской канители
усталость распухает в теле.

—
Мне иноходь воображения
всегда внушала уважение.

—
Полно ловушек в мире здешнем,
жизнь – штука многомерная.
Слиянье внутреннего с внешним
и есть гармония, наверное.

—
Конфликтом лучшего с хорошим
себя восславила эпоха.
Обычный тезис был отброшен,
что кончилось, конечно, плохо.

—
Мне всех пороков царственная мать
всё, что смогла, передала в наследство,
чудесное от всех напастей средство,
в котором тихо дремлет благодать.

In vino veritas

Хоть все твердят, что истина в вине,
прошу простить невежество моё,
но почему-то неизвестно мне,
чтоб кто-то из вина извлёк её.

—
Колоколов церковных медь литая
гремит, громоподобна и свята,
но часто до потомков долетает
и смех бубенчика на колпаке шута.

—
Э.

Ты в трёх лицах являешься мне:
Муза, критик и ангел-хранитель.
И, чтоб жизнь стала яркой вполне,
свет приносишь в земную обитель.

—
Позади тернистый путь.
Впереди сплошная муть.
Я стою на пяточке
с горсткой пепла* в рюкзачке.

2005

* «С лунным светом» – неопубликованный вариант.

Миниатюры разных лет

МИНИАТЮРЫ В ПРОЗЕ

Лес

Он долго шёл, тяжело переступая корнями, поддерживая неокрепший молодняк, без остановок, всё вперёд и вперёд. И вот он дошёл до реки и увидел в ней своё отражение. Он остановился, поражённый своей красотой и силой. Потом он решил войти в реку, чтобы перейти её вброд и двигаться дальше. Но пока он стоял, его корни проросли так глубоко в землю, что он не мог двинуться с места, но он быстро примирился со своей судьбой.

Река

Она текла быстро, не глядя по сторонам, потому что у неё была своя цель. Она знала, что где-то впереди встретится с другой рекой, сольётся с ней и тогда станет ещё более сильной и быстрой... И вот она встретилась с другой рекой, смешала с ней свои воды, слилась с ней.

И тут она заметила, что стала много шире, но гораздо мельче, чем была прежде. Река хотела остановиться и вернуться обратно. Но всё, что ей удалось, это замедлить течение. Что ж, ей ведь некуда было теперь спешить.

Луна

Она очень самовлюблённая и кокетливая особа. Лёжа огромным сияющим опалом на темно-синем небе, она часами смотрится в тысячи зеркал, угодливо повторяющих её светлейший образ. Но что может видеть зеркало, когда

оно глядится в другое зеркало? Чем была бы Луна без Солнца? Но, любуясь своим отражением, она не думает о Солнце, она не помнит о нем, как, впрочем, и мы.

Дерево

Напротив моего окна, как бы нарисованное и оправленное в его раму, стоит дерево. Но оно не нарисованное. Оно всё время в движении. И вдруг я понимаю, почему его ветви и листья не знают ни минуты покоя. Они упрямо стараются поймать ветер, а он всегда ускользает. Но если дереву удастся когда-нибудь его схватить, всякое движение прекратится. Дерево оцепенеет в неподвижности и станет картиной в раме моего окна.

Дождь

Большая мохнатая туча закрывает солнце, и на землю надвигается чёрная тень. Туча смотрит на потемневшую землю. Она не знает, что это её вина. Она любит землю, озарённую солнцем. Ей становится грустно, и она плачет.

Солнце

Оно потеряло что-то очень нужное и никак не может найти. Возможно, то, что оно потеряло, скрыто в глубине дикого ущелья или лежит на дне океана? День за днём солнце медленно проплывает над землёй, пристально вглядываясь в каждый клочок поверхности и освещая его яркими лучами. Тщетно. И я думаю, что оно уже никогда не найдёт утерянного, хотя будет продолжать поиски вечно. Оно забыло: то, что им потеряно, это и есть сама земля.

Гуси

Они бегут, распустив крылья, вытянув шеи, и дружно гогочут. Они жаждут спасти Рим или совершить

что-нибудь другое, не менее героическое. Но Рим далеко, да и спасать его не от кого, и героический порыв, как это слишком часто случается, пропадает даром.

Впрочем, они ведь не в состоянии спасти даже самих себя. Время от времени то один, то другой из них, оципанный и разделанный, исчезает на дне котла, а остальные не успевают даже осмыслить его исчезновения или хотя бы пожелать «ни пуха ни пера».

Они вытягивают и без того длинные шеи и дружно гогочут.

Ромашка

Этот скромный полевой цветок хорошо знаком каждому из нас. Он так примелькался, что мы порой вообще не замечаем его. Впрочем, многие его любят, плетут из него венки и собирают в букеты. Но, слабые и пугливые, люди пытаются превратить Ромашку в оракула, заставить прекрасный в своей простоте цветок предсказывать их будущее, словно он может сказать больше того, что знает. А знает он правда побольше, чем колокольчик, но всё-таки меньше, чем василёк.

Гора

Гора родила мышь. Это событие вызвало много насмешливых откликов. Все тыкали пальцами в гордую молчаливую гору и оглушали её своим презрительным смехом. Подумать только, такая гора и родила... мышь! Один лишь старый, много повидавший на своём веку дуб скорбно прошептал: «Над чем смеются эти глупцы?! Кто из них способен сотворить подобное чудо? Любая гора может родить песчинку, скалу или глыбу, а эта родила из своих каменных недр живое существо. Но это никого не потрясло. Они смеются, недоумевая, почему она родила мышь, а не мамонта!»

Паук

Отчего мы так несправедливы к пауку? Чаще всего он вызывает у нас сложное чувство, в котором можно различить омерзение, презрение, ужас. Разве то, что он делает, не приносит нам пользу? Подобно дятлу или ласточке, он уничтожает мух и мошек, а ведь мы так часто с удовольствием и умилением наблюдаем, как это делают птицы. Может быть, всё дело в его безобразном облике? Но мне кажется, что его в равной мере можно назвать элегантным и грациозным. И всё же мы обычно с жалостью и состраданием глядим на бьющуюся в липких сетях паутины муху и с чувством брезгливости и неосознанной ненависти следим за спешащим к своей жертве торжествующим пауком, возбуждённым предчувствием свежей крови.

Но можно ли от нас требовать справедливости?

Подсолнух

Влюблённый в солнце, он старается во всём походить на него. Весь – один широко раскрытый глаз, он восторженно глядит на свой кумир, медленно поворачивая голову соответственно движению солнца в небе, чтобы ни на секунду не оторвать от него взгляда. В этом вся его жизнь. И когда его отяжелевшая голова склоняется к земле и он больше не может смотреть на солнце, он покорно позволяет себя сорвать.

Для чего живёт человек?

Сколько людей на протяжении тысячелетий задавали себе этот вопрос! Многие пытались ответить на него. Были ответы простые, были и мудрёные, но единственный окончательный, удовлетворяющий всех ответ так и не был найден. Да он и не будет, я думаю, найден никогда. Но мне кажется, что я нашёл ответ на этот вопрос

для себя: человек живёт для того, чтобы задумываться над этим вопросом вновь и вновь. Разве этого не достаточно?

Рыбы

Мне хорошо видно, как они прогуливаются в прозрачной воде, любопытные и осторожные в одно и то же время. Они то как бы парят, подобно обитателям поднебесья, то замирают в настороженной неподвижности, то стремительно исчезают, спасаясь от действительной или мнимой опасности. Порой какая-нибудь из них подплывёт к червяку, насаженному на мой крючок, и, презрительно взглянув на него, с достоинством удаляется. Но вот поплавок вздрогнул, скользнул под воду, и через секунду на песке бьётся серебристая плотвица, та, что оказалась самой доверчивой и простодушной. И мне кажется, что я вижу, как те, осторожные и осмотрительные, закатив лицемерно глаза, разводят плавниками и говорят: «Что поделаешь, такова жизнь!»

Мотыльки

Ранним утром вместе с солнцем, как бы рождённые его лучами, они появляются над землёй. Легкие и свободные, они беспечно танцуют в теплом прозрачном воздухе, опускаются на цветы и траву и снова взлетают, чтобы закружиться в пьянящем потоке жизни. А вечером последние лучи солнца гасят их жизнь. То, что было для нас одним из бесчисленного ряда дней, для них заключало целую жизнь. Только ли неведение делает их счастливыми? Ведь они не успевают не только состариться, но даже просто освоиться в этом мире.

Смерть обрывает их воздушный танец. А утром солнце поднимает в воздух новое поколение легкокрылых мотыльков. Они грациозно танцуют, и я гляжу на них со смешанным чувством жалости и зависти.

Но они даже не замечают меня. Они слишком счастливы, чтобы обращать на меня внимание.

Мухомор

Когда я гляжу на стройный, нарядный мухомор, яркая ядовитая красота которого как бы бросает вызов добропорядочной чопорности подосиновиков и подберёзовиков, я не испытываю к нему никакого недоброго чувства. Он по-своему прав. Не каждый рождается для того, чтобы быть съеденным.

Роза

Однажды роза так окунулась в милые её сердцу воспоминания, что не заметила наступления ночи и не сомкнула, как обычно, своих лепестков. Она узнала ночь со всем, что в ней есть прекрасного и ужасного. А утром её подруги обнаружили разбросанные на земле под кустом засохшие лепестки.

Корова

Я стою на морском берегу и смотрю в быстро темнеющую даль, туда, где морские волны уже смыли без всякого сожаления светящиеся праздничные краски июльского заката. Внезапно моё внимание привлекает какой-то шорох. Я оборачиваюсь и вижу низкорослую, тощую абхазскую корову, которая, стоя у самой кромки прибоя, нетерпеливо пьёт воду из чаши Чёрного моря. Это не просто утоление жажды. Корове нужна соль. Я вижу, как она вылизывает круто посоленную прибрежную гальку. Потом она благожелательно взглядывает на меня, приглашая заняться тем же. Я отрицательно качаю головой. В её глазах отражается недоумение, и, подумав о чём-то, она спрашивает: «Но тебе всё-таки нравится наше море?»

Чайки

В Сухумской гавани, вблизи набережной можно всегда увидеть десятки прекрасных черноморских чаек. Они покачиваются на лёгких, заботливых волнах и ждут очередной порции хлеба, который им щедро бросают люди. Они неторопливы в движениях и удивительно терпеливы, и кажется, эти гордые вольные птицы забыли о том, что существует беспредельный простор, забыли, что они умеют летать. Осмелевшая кефаль беззаботно резвится вблизи хищников, ставших непостижимо кроткими, а с набережной на чаек покровительственно глядят ленивые городские голуби, словно говоря: «Ешьте, милые, ешьте. Привыкайте».

Снежинка

Снег уже осыпался с большого белого облака, и только одна лёгкая, пушистая и словно подкрахмаленная снежинка порхала над мостовыми и тротуарами. Она то опускалась до уровня человеческого роста, то взлетала и заглядывала в окна на третьем этаже. И снова опускалась, поднималась и беспомощно кружилась на месте. Скоро я потерял ее из вида. Я так никогда и не узнал, что с ней случилось и чем кончился её полёт. То ли она заблудилась и никак не могла найти того места, куда она летела, то ли никак не решалась опуститься на землю, боясь испачкаться. Но, так или иначе, её путешествие должно было чем-то кончиться. Ведь ещё ни одной снежинке не удавалось порхать между небом и землёй вечно.

Поиски друга

Ветер был очень одинок. Ему не хватало теплоты и дружеской ласки. А как можно жить без них? И когда ветер осознал это, он решил, что надо найти друга. Но никто не хотел с ним дружить. «Ты злой», «Ты насмешливый», «Ты ветреный», – говорили ему.

Однажды ветер увидел одуванчик. «Как он хрупок, нежен, печален», – подумал ветер и осторожно приблизился к одуванчику. «Давай с тобой дружить, – сказал он. – Ведь ты так же одинок, как и я». – «Да, – кивнул одуванчик, – я очень одинок. Я буду тебе верным другом». И он улыбнулся, может быть, впервые в жизни. Ветер подпрыгнул от радости и закружился в диком танце. Ему хотелось прижать одуванчик к своей груди и рассказать ему, как он счастлив. Но когда ветер взглянул на одуванчик, то увидел только тонкий, сгорбленный стебелёк.

Дорога

Она льнёт к моим ногам и заглядывает мне в глаза ласково и покорно. «Я твоя, – говорит она. – Все мои богатства принадлежат одному тебе. Иди и возьми их». – «Нет, – отвечаю я, – ты не моя дорога». Она тяжело вздыхает, задумывается, и я слышу её тихий голос: «Да, это так. Но я стану твоей дорогой». Я качаю головой в ответ. Тогда она говорит: «Хорошо, идём, я выведу тебя к твоей дороге. Поверь мне». Какую-то минуту я колеблюсь. Она ждёт, затаив дыхание. Но я поворачиваюсь и молча ухожу прочь.

Два невероятных происшествия

В этот день произошло сразу два совершенно невероятных происшествия.

Во-первых, в уютном и, словно бы, защищённом сонной ряской от всех жизненных бурь пруду утопилась потрясённая изменой любимого супруга молодая жизнерадостная утка.

Во-вторых, никто даже не заметил этого, по меньшей мере, события века.

Не более того

Адам и Ева гуляли по Райскому саду. Они подошли к яблоне и увидели змея, обвинившегося вокруг её ствола. Змей стал искушать их, уговаривая отведать чудесный запретный плод. Но Адам и Ева решительно отказались от угощения и, смеясь, продолжили прогулку.

Они и по сей день пребывают безгрешные и счастливые в том саду. А как же человечество, его многовековая история с войнами, эпидемиями и прочими плодами цивилизации, – спросите вы, – и что же такое мы сами?

Всё это только беспробудный сон раздосадованного змея. Не более того.

Камень (метаморфозы)

Как-то раз камню надоело быть камнем, и он захотел стать цветком. И он так сильно этого захотел, что тут же пустил корни, зазеленел и обзавёлся яркими, нежными лепестками. Ему очень понравилось быть цветком.

Но однажды, когда он, высунувшись из травы, наблюдал за полётом птиц, ему стало грустно. Он захотел стать птицей. И он так сильно этого захотел, что тут же встрепенулся, взмахнул самыми настоящими крыльями и полетел. Скоро он скрылся из вида. Что с ним стало, не знает никто: ни люди, ни цветы, ни камни.

1971–2004

ИЗ ЦИКЛА «СНЫ»

2. Встреча в Раю

Я шёл по дорожке тихого уголка Эдема и внезапно сквозь листву увидел сидящих на скамье уютного грота и задушевно беседующих Сталина и Гитлера.

– Скажи, генацвале, как тебе удалось попасть в Рай? – спрашивал Сталин.

– Это было просто, – ответил экс-фюрер, – когда я предстал перед престолом Господа, он спросил меня: «Считаешь ли ты, что совершал в своей жизни добрые дела, которые могут открыть перед тобой врата Рая?» – «Да, Господи», – сказал я. «Какие же это дела?» – спросил Господь, сильно заинтересованный. И я ответил: «Я пытался устроить Ад на земле, чтобы грешники видели, что их ожидает на том свете. Правда, мне помешали, но всё же я успел сделать немало».

– Ай, молодец! – воскликнул Сталин, хлопнув себя ладонью по колену. – Ведь и я мог бы то же самое сказать ему.

– А что же сказал ты? – спросил Гитлер ревниво.

– Я сказал: «Господи, я выдал столько путёвок в Рай людям, которые о нём и не помышляли, что было бы просто несправедливо лишить их удовольствия встретиться со мной в Раю».

– Неплохо сказано, – одобрительно кивнул головой Гитлер.

Они оба засмеялись. Потом Сталин прищурился, задумчиво глядя в розовую даль, и голосом, просветлённым воспоминаниями, произнёс:

– А славно мы тогда повоевали, а, дорогой?

Гитлер хитро взглянул на него, откашлялся и вдруг запел срывающимся фальцетом: «С песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт!» Растроганный Сталин подхватил припев. Меня разбудило радио.

6. Собрание

Шло комсомольское собрание, посвящённое очередному подвигу нашей замечательной молодёжи. Я сидел в первом ряду и не очень внимательно слушал выступления восторженных ораторов, с интересом разглядывая огромный плакат, висевший на сцене. На нём был изображён во весь свой могучий рост бывший великий вождь гражданин Сталин Иосиф Виссарионович. Его указующий перст был направлен прямо на трибуну. Отношение бывшего вождя к происходящему передавала крупная надпись: «Правильной дорогой идёте, товарищи!»

Между тем моё внимание привлёк голос очередного выступающего, показавшийся мне знакомым. Его выступление было посвящено коварным проискам империалистов в области смертельной идеологической борьбы. И вот, когда он справедливо заметил, что и на этом фронте мы в ближайшее время одержим безусловную и окончательную победу, я вдруг вспомнил: ну, да, это же он приходил при мне с месяц назад к моему приятелю и кланчил плёнку с последними песнями Галича, чтобы переписать их. «Однако, молодец!» – подумал я.

Тем временем трибуну захватила восторженная девушка, о которой мой сосед сообщил мне, что её отец – редактор весьма прогрессивной московской газеты (кажется, имелась в виду «Строительная газета»). Девушка докладывала о повсеместном вращении в быт «МКСК».

– Мы с гордостью можем заявить, – кричала она, закрыв глаза в экстазе, – что сегодняшние комсомольцы ни в чём не уступят славному комсомолу конца тридцатых годов!

В этом месте её речи я явственно услышал, как бывший великий вождь на плакате одобрительно крикнул.

Я был очень удивлён, когда после окончания торжественной части в фойе ко мне подошла эта самая девица.

– Ты комсомолец? – спросила она меня в упор.

– Да, – рассеянно подтвердил я.

– Давай не расставаться никогда, – доверительно предложила она.

Я рванулся и... проснулся.

1970

ФЛЕШИННИЗМЫ И АФЕРИЗМЫ

Любовь бывает возвышенной и низменной. Всё зависит от рельефа местности.

Не верьте тому, кто скажет, что Вы – негодяй!

Не каждая планета в состоянии обзавестись собственной атмосферой!

Если бы в алфавите остались одни согласные, какая была бы от него польза? Гласность необходима!

Не выносите сор из избы! Вы рискуете остаться в пустом помещении.

Отсутствие личного автомобиля – один из признаков порядочности человека.

Дети никогда не простят вам того, что вы – их родители!

Лавры, венчающие победителей, извлекаются обычно из похоронных венков.

Возвышаться над окружающей средой – ещё не значит быть человеком.

Прошлое – неуловимо, настоящее – недостоверно, будущее – невероятно. И тем не менее, водка дорожает!

—
В последнее время выяснилось, что Ад и Рай находятся гораздо ближе, чем считали раньше. То, что до них на самолёте добираются за час и даже быстрее, в наше время никого не удивляет.

—
Заглядывая далеко вперёд, вы утрачиваете способность ориентироваться на местности.

—
Одним людям живётся хорошо, другим – плохо. Вопиющая несправедливость! Всё должно быть наоборот.

—
Как бы глубоко вы ни проникли, исследуя человеческую подлость, вам никогда не достичь дна.

—
Чаще всего человек говорит именно тогда, когда ему нечего сказать.

—
Оставшись без хвоста, человек почувствовал, что ему чего-то не хватает. Это было первым проявлением того, что сейчас называют комплексом неполноценности.

—
В жизни должна быть цель, – любила повторять пуля.

—
Телохранитель – должность при душегубе.

—
Со-петь – подпевать.

—
Украденные у нас годы никому не пойдут впрок!

—
Идти в ногу со временем – удел проходимцев.

МЫСЛИ ДЛЯ МЫСЛЕЙ

Люди, будьте бдительны – не бойтесь друг друга.

—

Искусство требует жертв, но само оно не должно быть жертвой.

—

Изменяя мужу с каждым встречным, она была верна себе.

—

Заведование пивным ларьком – это у меня, как теперь говорят, хобби, а вообще-то я – поэт.

—

Народ любит курить, алкоголить и наркоманить.

—

У хорошего настроения много врагов.

—

Мудрость заключается в том, кто способен её вместить.

—

Мораль – это нечто баснословное!

—

Что проходимцы любят иметь дело с порядочными людьми – это понятно, но почему порядочные люди должны постоянно иметь дело с проходимцами?!

БЕЗВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ

Ни при каких обстоятельствах не забывайте, что материя – это объективная реальность, данная нам в ощущении.

—

Не судите настоящее с позиций прошлого. Это опасно.

—

К какой бы цели вы ни стремились, стремянка в доме всегда будет полезна.

—

Не считайте Бога глупей себя!

ВЫПИСКИ ИЗ «КНИГИ ОТКРОВЕНИЙ»

Бесконечность адекватна неизбежности, но имеет противоположный знак.

—

Нет прошлого, нет настоящего, нет будущего. Есть лишь кольцо, объятые пламенем.

—

Познать можно только то, что существует в нашем воображении.

—

У смерти нет тайн. В этом её главное отличие от жизни.

—

Отсутствие равновесия между духовным и физическим в человеке – один из признаков того, что он жив.

—

Обретенная истина превращает человека в раба.

—

Для того чтобы сон сбылся, надо хотя бы проснуться.

—

Пережившему Великую Революцию терять нечего.

—

Старость – отвыкание от жизни, но смерть слишком часто наступает преждевременно.

—
Одиночество нередко даёт иллюзию свободы. Иллюзия рано или поздно рассеивается. Остаётся голое одиночество.

—
Разница между подвигом и преступлением порой так условна, что лучше об этом не думать.

—
Все пути выходят из огня и уходят в огонь.

—
Радуйся – радуй!..

1964–2005

НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ*

Воспоминания по касательной

*В. Ситников, А. В. Фонвизин, М. Гробман, Л. Гудиаишвили,
А. А. Штейнберг, Г. Д. Костаки, А. Зверев, А. Есенин-Вольпин,
В. Яковлев, Д. Плавинский, Л. Рыжов, В. Вейсберг,
М. Шварцман, В. Лопухин, Р. Ивнев, Л. Иоффе, Е. Сабуров,
Л. Васильева, В. Шлёнов, В. Гершуни*

Память, ты рукою великанши
жизнь ведёшь, как под уздцы коня.

Н. Гумилев

Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость

А. Пушкин

Наш дом

Так сложилось, что, хотя мы и не имели никакого отношения ни к рисованию, ни к живописи, на протяжении сорока семи лет вокруг меня, а потом и Саши были так называемые подпольные, неофициальные художники. Постепенно собирались рисунки, акварели, работы маслом. Это не была коллекция в обычном понимании, так как в доме оставались только те работы, которые были созвучны именно нам.

Мы и художники... Этот союз был более чем странен и даже несовместим. Не секрет, что почти все они, за небольшим исключением, были поклонниками Бахуса, а мы *пили только чай да кофе*.

* Дополненный и исправленный вариант. Впервые опубликовано: Полет Икара: Избранное. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Как сейчас помню, в 1963 году пришёл к нам, ещё в коммуналку, художник Отик Кандауров, Сашин сосед по дому, и принёс свою большую картину «Гея»; мы повесили ее над столом. Прошло несколько недель, и чем дольше она висела, тем больше вызывала отторжение. Пришлось вернуть. Отик, конечно, обиделся, но картина оказалась «чужой».

Уже живя в своей квартире в Гороховском, мы поехали домой к Володе Яковлеву – кто-то из наших знакомых захотел купить его работу. Приезжаем. Дома оказались все: и мать, и отец, и сестра. Володя стал показывать свои старые работы, которые мы уже видели, и новые, среди них были и удивительные цветы на больших листах картона. Я сразу в них влюбилась. Денег не было, взяли в долг две работы. Одна из них: на густом темно-зелёном фоне, чуть светлее – цветок, крупный, сияет, переливается изумрудными оттенками, гордый, радостный. Второй – такой же, только написан в вишнёвых тонах. Обе картины выполнены крупными, густыми мазками.

А однажды прихожу домой с работы, а на стене висит новая картина Толи Зверева «Аллея», написанная маслом в 1967 году, большого формата. Осень, сосны, берёзы, взгляд уходит в лес по размытой дождём глинистой дороге... Густые мазки краски, и если бы не они – Шишкин и Шишкин. Тогда, в 67-м году, Толя написал несколько таких работ одного размера, примерно 0,7×1,2 м; позднее мне встречались её «сестры» на разных выставках, но эта была одна из лучших. Первое время я её не замечала – ну осень, ну лес (хотя осень моё любимое время года). Но время шло, и «Аллея» стала моей – я гуляла по этой размытой дороге, а сломанная полузасохшая верхушка берёзы жаловалась мне.

Недавно, весной 2008 года, побывав в Доме Нащокина на выставке одного из самых любимых моих художников, А. Древина, впервые увидела его ранние работы, некоторые из них были написаны такими же густыми, мощными, многослойными мазками, как и «Аллея», и вспомнилось:

И новый бард всё ту же песню сложит,
И как свою её произнесёт.

А. Флешин

Вася Ситников – первый битник на Москве

Моё знакомство с художниками началось с Васи – Василия Яковлевича. К нему меня привела Рита Шкловская в 1960 году, когда приехала ко мне погостить из Таллина.

Вася – высокий, стройный, поджарый, атлетического сложения, с густыми темно-русыми волосами с прямым пробором посередине и пронзительным взглядом серо-голубых глаз.

Большая коммуналка в Рыбниковом переулке, в центре Москвы, на последнем, третьем этаже; на кухне четыре четырехконфорочные газовые плиты. У Васи комната-пенал 10–12 метров, на тахте волчья шкура, на потолке две лодки-байдарки (говорил, что сам их сделал в молодости), на маленьком круглом столике вазы с кистями, по стенам картины, а над ними, под высоким потолком, иконы XVII–XIX веков.

Напротив двери – окно, подойти к которому вдвоём можно только боком. Везде всегда чистота, ни пылинки. За окном висит небольшой транзисторный приёмник, форточка открыта, и мы слушаем то «Свободу», то «Голос Америки», то по «Би-би-си» чаще всего передачу «Глядя из Лондона» – как шутил Вася, «Бляди из Лондона». Вася – отец? старший брат? – впервые я не чувствовала так остро своё одиночество.

Я сижу в уголке на тахте. А у Васи то ученики, то придёт Дима Плавинский, то Саша Харитонов принесёт удивительные свои картины-сказки: на больших полотнах замки, звезды сияют, наивные принцессы на балконах ждут своих принцев; тёмный колорит полотна весь светится, глаз не отвести... В раннего Харитонова, тогда казалось, влюбилась навсегда. Даже пару раз была у него дома где-то в районе Смоленской площади, тоже, конечно, в коммуналке.

Жил с матерью. Перед глазами тихая, небольшого роста, худенькая простоволосая блондинка в ситцевом платице, с измождённым серым лицом, оба пили...

У Васи я впервые услышала такие имена как Дали, Танги, Поллок, Дельво, Бэкон, Джакометти и многие, многие другие, и познакомилась с их работами. К нему попадали книги, альбомы и каталоги по постимпрессионизму, сюрреализму и абстракционизму. Ещё до знакомства с ним я постоянно бегала то в Третьяковку, то в музей им. Пушкина. Бывая в Питере, посещала Русский музей и Эрмитаж, отстояв большую очередь в кассу, по студенческому брала сразу 8–10 билетов на несколько посещений и навещала своих живописных знакомых, родственников и друзей...

Вася был прирождённым педагогом. Учил рисовать – сапожной щёткой, предлагал и мне учиться, но тогда это было не моё. Учились рисованию у Васи многие будущие известные художники, но открыто об этом не говорили. И только Володя Яковлев у нас в Гороховском как-то заметил, что учился у него мало, надо бы больше.

Вася любил эпатаж. Тогда в Москве ещё был континентальный климат – жаркое лето, суровая зима. Даже в самый сильный мороз, 27–29 градусов, Вася выходил на улицу без шапки, только в наушниках – а ведь тогда уже был пожилым; он обладал неиссякаемым чувством юмора, по словам тогдашних моих знакомых, часто встречал гостей в плавках, а иногда и без, но я в таком виде никогда его не заставала.

Вася мог нигде официально не работать, так как состоял на учёте в психушке, и у него даже был опекун – Володя Мороз, художник и жуир, друг С. Рихтера и Н. Дорлиак. Когда я засиживались допоздна у Васи, а метро уже не работало, он подвозил меня домой на большой рихтеровской машине. Много позднее Володя появился у нас в Гороховском, он уже был женат, родил сына, иногда приходил со своей женой Наташей Гутман. Меня, тогдашнюю серую мышку, я думаю, он не помнил...

Иногда Вася брал меня с собой то в Третьяковку (учил не только смотреть, но и *видеть* картину), то к А. Фонвизину, то в салон Фридэ. «Салон» – огромное помещение, кажется, чердак; полно народа – человек тридцать–сорок, все самого разного возраста; всё в табачном дыму. Здесь тусовались не только неформальные поэты, художники, но и экономисты, социологи; все собраны в «кружки по интересам», и я перехожу от одной группы к другой, некоторые читают свои произведения, обсуждают, спорят... Там я впервые услышала, как читает свои стихи Игорь Холин.

Часто, когда у Васи никого не было, он при мне работал – писал большие картины маслом а ля русс: Красную площадь с Василием Блаженным или Кремлёвскую стену, а за ней купола Кремлёвских соборов; всё освещено лунным светом и бесчисленные снежинки мягко падают на всё полотно, и если бы не они, всё смотрелось бы довольно мрачно... Как говорил Вася, эти картины охотно покупали иностранцы, и когда исчезала одна, он принимался за такую же. Но мне больше нравились его рисунки цветными карандашами. На большом листе бумаги – буйство полевых цветов, разнотравье или поле поспевающей ржи; разгар лета, солнце сияет, небо голубое с лёгкими кучевыми облачками, посередине тропка, а в углу обязательно автопортрет-шарж: Вася стоит вполоборота к зрителю, голова задрана вверх, а на землю льётся золотая струйка... Живя в городе, видимо, тосковал по просторам своего детства...

На память от Васи остался рисунок «Малахольная» в нашем альбоме в Гороховском, куда он иногда заходил, небольшой карандашный мой портрет, выполненный сапожной щёткой им и его ученицей Гюзелью, которая позже стала женой Андрея Амальрика, да несколько писем с рисунками.

Гюзель, всегда улыбавшаяся, с задорными искорками в весёлых карих глазах, высокая смуглая семнадцатилетняя девочка, бросившая школу и учившаяся у Васи

рисованию, подрабатывала в Большом театре. Благодаря ей я пару сезонов 1960–1961 годов бесплатно пересмотрела все балеты: «Лебединое озеро», «Жизель», «Каменный цветок», «Бахчисарайский фонтан», «Красный мак», «Пламя Парижа», «Легенда о любви». (Балет – ещё одно моё увлечение.) Тогда попасть в Большой «с улицы» было невозможно: в главный театр страны билеты продавали в спецкассе или дорого у спекулянтов. А я дарила ей стихи поэтов Серебряного века, переписанные в читалке Ленинской библиотеки (Гумилёва, Кузмина, Белого, Волошина, Ахматовой и др.). Фамилии её я не знала. И тогда, в 60-е годы, и позднее, когда мы уже не встречались, свои работы она подписывала только именем – «Гюзель».

Иногда мы с Сашей навешали Васю уже в его квартире на Лубянке, а перед самым отъездом его в Америку где-то в районе станции метро «Семёновская». Последний «привет» от него я получила уже в новом XXI веке – поздно ночью по ТВ показали большой документальный фильм «Вася», который был снят в Штатах и в России уже после его смерти.

А. В. Фонвизин

С Артуром Владимировичем меня познакомил Вася. А. В. жил в маленькой однокомнатной квартирке вдвоём с женой. Невысокий кругленький старичок с живым, лукавым взглядом... Таким я его увидела. В небольшой уютной комнате сразу бросался в глаза комод, на скатёрке которого весело пестрели всеми цветами радуги многочисленные дымковские игрушки.

Позднее, когда я уже была с Сашей, А. В. нарисовал несколько моих портретов. Прежде чем писать акварелью, он делал набросок тушью, и когда рисунок не нравился, мгновенно комкал лист и бросал на пол. Один из них удалось «спасти», попросив отдать его мне. Уже рисуя акварелью, как бы «про себя» проговаривал: «Ах, не так,

не то, ах, не выходит...» – но в конце концов выходило. Один из них висит в нашем доме, с другим я встречалась на выставках А. В. уже после его смерти; где остальные – не знаю. Он очень любил художника Дюфи, и Саша подарил ему альбом во французском издании.

А про знакомство Васи и Фонвизиных по Москве ходила такая байка: в 50-е годы Фонвизины устроили обед и пригласили Васю. Обед торжественный: на столе белая скатерть, разнообразные закуски, рюмки, тарелки, приборы... Жена А. В. приносит всем первое блюдо – не то борщ, не то щи, и вот Вася в свою тарелку с первым методично накладывает все закуски, затем ещё крошит туда хлеб и начинает есть при гробовом молчании... Зная Васю, вполне верю этой истории.

Миша Гробман

Старый Сашин приятель по многочисленным книжным обменам. Это была нескончаемая игра, кто кого... Обоим доставлял удовольствие сам процесс. Началась она ещё в нашей коммуналке; Миша собирал буквально всё: книги, рисунки, гравюры, картины, открытки, и все свои приобретения заносил в амбарную тетрадь (формата А4). А сам в то время увлекался монотипиями, рисовал картины, кажется, маслом, но тогда мне больше нравились его стихи. Так у нас появились Мишины монотипии.

У его жены Иры, видимо, была близорукость, очки она не носила, и когда прищуривалась, разглядывая рисунок, её взгляд приобретал неожиданную игривость, что весьма оживляло окружающих. У Иры была двойная фамилия – Врубель-Голубкина. Саша и Мише составил такую же: Гробман-Мавзолейман; «в ответ» он нарисовал в нашем альбомчике несколько карандашных Сашиних портретов, очень похожих и характерных, некоторые были «под Сталина».

Ладо Гудиашвили

За этой дверью притаилась сказка...

А. Флешин

Впервые Саша и я попали в Тбилиси в 1963 году. И сразу повезло: нас пригласили в дом к известному художнику Ладо Гудиашвили. В этом доме бывали Пушкин, Грибоедов, а позже – весь цвет грузинской и русской поэзии... Ладо – коренастый, с красивой сединой, спокойный, с внимательными серыми глазами, с прекрасной русской речью без малейшего акцента. Не сговариваясь, «про себя» сразу окрестили: Европеец.

И в большом зале с наборным старинным полом, и в комнатах все стены увешаны его картинами. В молодости, в 20-х годах прошлого века Ладо несколько лет жил в Париже вместе с Ш. Кикодзе и Д. Какабадзе (их, трёх художников, Тбилисская Академия художеств отправила в Париж совершенствоваться в живописи). Теперь он увлекательно рассказывал о встречах с Пикассо, о посиделках в знаменитом кафе «Ротонда», где однажды его приняли за Чарли Чаплина; об общении там же с Модильяни – он подарил Ладо свой рисунок, не понравившийся девице, которую рисовал, со словами: «Возьми, ты оценишь и поймёшь».

Указав на одну из стен в зале, где висели картины, Ладо Гудиашвили рассказал удивительную историю. Как-то в гостях за столом у художника оказались одновременно три поэта: П. Яшвили, Т. Табидзе и гостивший в это время у него Б. Пастернак. Когда застолье было в разгаре, неожиданно кто-то из поэтов попросил у хозяина уголь и написал на стене две строки, затем их продолжили остальные. Так на стене экспромтом появилось шестистишие. Позднее, когда П. Яшвили покончил с собой, а Т. Табидзе был арестован и расстрелян в 1937 году, Л. Д. позвал мастеров, чтобы те заштукатурили стену, но так, чтобы можно было её восстановить в прежнем виде. Так стихотворение в прямом смысле

оказалось в застенке. Не знаю, наступил ли при жизни Л. Д. момент, когда штукатурку сняли и стихотворение увидело свет...

Ещё Ладо Гудиашвили вспоминал, что после того, как он расписал в 1947 году в Тбилиси Кошветскую церковь Св. Георгия, его уволили из Академии художеств, где он преподавал, и как они с женой не спали по ночам, ожидая ареста...

В этот же, первый наш приход Ладо протянул Саше альбом, где были стихи, автографы известнейших людей, побывавших здесь с 30-х годов и до наших дней. Незадолго до этой поездки Саша написал стихотворение о Дон-Кихоте, которое и вписал в альбом.

Этот дом всегда был гостеприимным. В зале за большим столом жена Ладо Нинó (из рода Чавчавадзе) и Ладо угощали нас белым вином и орехами, вино – всегда своё, «Тетра», орехи – фундук. Бывая в Тбилиси по своей переводческой работе 2–3 раза в году, Саша навещал и этот радушный и удивительный дом.

Позднее, в разное время, Саша написал несколько стихотворений, посвящённых Ладо Гудиашвили.

От этих встреч в нашем доме осталась на память загадочно улыбающаяся Нани – рисунок, раскрашенный акварелью, с дарственной надписью на двух языках и книга с автографом и рисунком Ладо. Так выразил свою дружбу и любовь к Саше автор, большой художник.

Рюрик Ивнев

Читая его стихи, я почему-то думала, что его уже нет с нами. Друг Хлебникова, Есенина, Мандельштама и приятель всех поэтов, художников, актёров – всего Серебряного века. Он появился в нашей жизни в 1965 году, когда мы ещё жили в коммуналке.

Рита Шкловская, гостившая у нас, со своим приятелем и с Сашей в сентябре 65-го поехали в Голицыно под Москвой, где отдыхал Рюрик. Увы, я была на рабо-

те и присоединиться к ним не могла. Вернувшись, Саша рассказывал: небольшая комната, стол, на нем краюха чёрного хлеба, недоеденный солёный огурец... и пишущая машинка. Саша привёз первый привет от Рюрика – стихотворение, посвящённое Мирре Венус и отпечатанное слепым шрифтом на машинке «Москва». С тех пор Рюрик навещал нас, и если не заставал дома, оставлял записочки в почтовом ящике; некоторые из них сохранились.

Рюрик Ивнев – высокий, худой, сутуловатый, с уже водянистым светлым взглядом. Приходя к нам, дарил свои книги, вышедшие в 20-х годах XX века, читал свои стихи, хвалил Сашины и говорил, что они ему близки. Очень хотел, чтобы Саша стал редактором книги его стихов, которую готовил к печати. Об этом он неоднократно говорил, чем приводил Сашу в смущение – как, редактировать самого Рюрика?! Когда в 1966 году мы жили летом в Тарусе, Рюрик тоже хотел приехать туда и пожить пару недель. Мы уже присмотрели для него такую же уютную маленькую комнатку, как и у нас, на Горе – рядом дом Марины Цветаевой, могила Борисова-Мусатова, но что-то не сложилось, и он не приехал, может быть, просто не было денег.

От этих далёких и интересных встреч остались подаренные Рюриком книги с автографами и письма.

А. А. Штейнберг

Родился в море, умер на реке...

А. Флешин

Аркадий Акимович жил с женой и сыном Эдиком в коммуналке на одной из Мещанских улиц. Не помню, кто нас познакомил, мы с Сашей уже были вместе.

Акимыч, как мы его звали, – поэт, переводчик (современный Гнедич, как его называли в переводческих кругах); художник (закончил ВХУТЕМАС), скульптор, график, врач (не доучился до диплома), играл на скрипке,

фисгармонии, знаток русской поэзии начала прошлого века, кулинар. Как-то показали ему маленькую тоненькую книжицу страниц на пятнадцать издания 20-х годов XX века, отпечатанную на серой бумаге, – сборник поэта А. Тинякова, и Акимыч начал читать его стихи наизусть...

Летом 1968 года А. А. пригласил нас отдыхать в деревню на речке Хотча (название деревни не помню) около Белого Городка, где он снимал избушку, и как-то угостил настоящими суточными щами, приготовленными по рецепту Е. Молоховец, а иногда катал на своём польском паруснике. Остановились мы тогда у бабы Дуни – маленькой сухонькой старушки, всегда весёлой и доброжелательной. Как-то захожу на кухню, а она моется в русской печке, зовёт и меня, но я не рискнула. Не помню, чтобы она что-то ела, но всегда за самоваром, с хлебом и вареньем. И вспомнилось: «На завтрак – чай, на обед – чаёк, на ужин – чаище» – это я услышала в уже ставшей близкой Ветлуге.

Однажды – Акимыч уже жил в отдельной квартире – протянул мне толстую пачку своих новых работ и предложил выбрать одну в подарок. Я растерялась, многие работы оказались «моими» – выбрать было трудно. Акимыч несколько раз предлагал сделать для нашей библиотеки экслибрис, был мастер и здесь, но Саша, ленивка, видимо, боялся перспективы наклеивать знак на несколько тысяч книг. У меня уже был готов и текст: «Всё приходит, всё проходит» – с изображением песочных часов. Жаль, не сбылось...

Акимыч был и старшим другом, и наставником Саши в переводческой работе, он искренне радовался Сашиным успехам в поэзии. Закончив стихотворение ночью и зная, что А. А. не спит, Саша мог сразу позвонить и прочесть его. Акимыч искренне восклицал: «Саша, вы опупели, писать такие стихи...»

Саша вернулся из Коми в Москву по условно-досрочному освобождению весной 1978 года. Дружеские

встречи с А. А. возобновились. Он не только высоко оценил Сашины лефортовские и лагерные стихи, но и неоднократно приглашал его принять участие в семинарах в ЦДЛ, где он занимался с молодыми поэтами. Но Сашу эта идея почему-то не вдохновляла.

У Акимыча было три сына: Ясень, Борух и, как в русских сказках, – третий вовсе был Эдик, самый одарённый. Акимыч, прекрасный рассказчик, выдавал разные байки. Одна из них – про детство Эдика, который поздно начал говорить. Жили Штейнберги на первом этаже, и, сидя у окна, выходящего на проезжую часть улицы, Эдик говорил слово «машина», проходила минута-другая, и он произносил: «задавит», потом говорил: «собака», и через такой же промежуток следовало: «укусит». Однажды, не дождавшись продолжения после слова «машина» – не хватило терпения, Акимыч сказал «укусит», а после слова «собака» – «задавит», и двухлетний мальчик был очень рассержен и топал ногами.

В отличие от А. А. Эдик нам своих работ никогда не дарил, но от него мы получили самый необыкновенный подарок в нашей жизни: живую, вечно меняющуюся картину – вид из окна нашей избы в деревне Погорелка, куда мы попали в 1979 году благодаря Эдику.

А. А. был в приятельских отношениях с К. Паустовским. Отдыхая в Тарусе летом, где Паустовский жил постоянно, они нередко вместе гуляли в её окрестностях. Вот рассказ Акимыча. Как-то в начале осени – был пасмурный безветренный денёк – под вечер, гуляя в поле и беседуя о русской литературе и её представителях, Паустовский вдруг остановился и обратил внимание Акимыча на странный предмет, зависший под облаками недалеко от них. Акимыч посмотрел в указанном направлении и увидел НЛО, большую тарелку овальной формы. А. А. хорошо её рассмотрел и подробно рассказывал нам с Сашей о её параметрах, называл даже какие-то цифры (диаметр и высоту). Наблюдали они её недолго, так как быстро темнело, а огней на ней не было.

Не меньше Акимыч был поражён и тем фактом, что Паустовский смог увидеть «тарелку» в надвигающихся сумерках, ведь без очков он уже видел плохо. Я думаю, что он сначала её *почувствовал*, а уж потом увидел.

Нельзя было не поверить этой истории, которая изобиловала массой мелких реальных деталей, хотя рассказ и был фантастичен, ведь в то время эта тема так широко и открыто, как сейчас, не обсуждалась.

Акимыч сидел в лагере по пресловутой 58-й статье. Помню его рассказ, как там, на зоне, работая врачом, он спас жизнь художнику Борису Свешникову, когда тот уже умирал от дистрофии. Там, в лагере, они познакомились и подружились.

И мы были знакомы с Борисом Петровичем. У нас были и его рисунки пером, и прозрачные акварели с тарусскими пейзажами, которые он любил писать. Если в акварелях чувствовалась лирика зарождающейся весенней жизни или осенняя грусть окрестностей Тарусы, то в тонких рисунках больше присутствовала насмешка над нашей сов. жизнью. Восхищение вызывали и картины маслом, но их у нас не было. Большие полотна, выполненные в холодных голубых тонах: холодные улицы с силуэтами домов на втором плане, а на первом – маленькая одинокая бегущая в никуда фигурка женщины или мужчины... Прекрасные работы, но от них исходило столько безысходности и боли одиночества, которую испытывал сам автор, что мне долго находиться рядом с ними было тяжело.

Умер Акимыч неожиданно летом 1984 года, заводя моторную лодку. Эдик и Саша были в Погорелке и вдвоём отправились в Москву на похороны. По дороге Саша написал стихотворение «Памяти Акимыча», которое начиналось так: «Родился в море, умер на реке...» – и читал его над могилой.

Осиротели и Саша, и Фома, огромный добродушный ньюфаундленд.

Г. Д. Костаки у А. А. Штейнберга

Впервые мы увидели Георгия Дионисовича у Акимыча в середине 60-х годов. Заглянув к нему как-то днём, узнали, что через полчаса приедет Костаки смотреть картины Эдика. Акимыч давно был знаком с Г. Д. и предложил нам остаться.

Эдик и Акимыч волновались, так как Костаки впервые приезжал не в гости, а как коллекционер и «купец». Г. Д. приехал не один, а с женой. Тогда Эдик писал ещё импрессионистские, воздушные, полные света картины большого формата. Рассмотрев последние работы, Георгий Дионисович стал его хвалить, говоря, что Эдик вырос как художник, и захотел приобрести две работы, а одну – небольшой натюрморт «Цветы в вазе» – Эдик подарил жене Г. Д. Все были довольны, и хотя денег Костаки сразу не давал, находиться в его коллекции всегда было престижно, особенно для начинающего молодого художника. Даже работы Володи Яковлева Костаки начал собирать позже.

Перед этим визитом Акимыч и Эдик поспорили: Акимыч утверждал, что Костаки купит хотя бы одну работу, Эдик сомневался... и проиграл. Мы поехали домой, а Эдик побежал в магазин за проигранной бутылкой водки.

Когда в Москву прилетел А. Скира, известный издатель книг по искусству и коллекционер (не помню, кажется, в начале 80-х годов), он посетил и Георгия Дионисовича. Осмотрев уникальное собрание картин, они стали играть в игру: какую каждый из них выбрал бы себе одну картину (речь шла о первой половине XX века). Оказалось, что оба остановились на одной и той же работе – картине Александра Древина, удивительного художника, которого знали лишь в узких кругах, так как он был расстрелян в 1938 году в расцвете творческих сил, не дожив до пятидесяти лет. Он был реабилитирован в 1957 году «за отсутствием состава преступления». Как писал сам художник,

он «рисует свое впечатление от увиденного», а не просто пейзаж, портрет...

А для меня Александр Древин – волшебный колорист. Древин, Ихмальян, Сутин, Врубель, Руо, Тернер... Этот список можно долго продолжать.

Толя Зверев

Сперва в доме появились его небольшие акварели, рисунки пером, гравюры, а потом и он сам. Крупный, небрежно одетый, с непослушными лохмами, с внимательным взглядом.

Взяв большой кусок чёрного хлеба, намочив его в воде, пока не размяк, он быстро проводил им по всей поверхности бумаги, а затем прямо тюбиком, размашисто наносил краску на бумагу; его взгляд становился сосредоточенным, колючим. Так был написан мой портрет. Перед сеансом Толя спросил, в какой манере я хочу, чтобы он меня нарисовал? Под Рембрандта или как он, Зверев? Ответ был: конечно, как Зверев.

Наша квартира в Гороховском была нестандартная: высота потолков четыре с половиной метра, потолок сводчатый из четырёх арок – до революции здесь была конюшня, – и Толя всё порывался расписать его.

Появлялся он у нас нечасто, только когда был *слегка* подшофе, и когда удавалось с ним поговорить, читал стихи, и не только свои; рисовал в альбоме. В памяти осталась строчка из стихотворения А. Вольпина: «Чист, как чекист, и кристален, как Сталин».

Алик Есенин-Вольпин

Алик Вольпин был сыном Сергея Есенина. Свои стихи он подписывал фамилией матери – Надежды Вольпин. Я познакомилась с ним у своей двоюродной сестры Иры Г., в которую он был влюблён. Математик и поэт, он был намного старше нас. Живой, общительный, остроумный – разницы в возрасте мы не чувствовали.

В этой компании я была самой младшей. Это был 1957-й или 1958 год. Нас, молоденьких девчонок, он развлекал своими стихами, по тем временам совсем небезопасными. В памяти остались отдельные строчки:

О, сограждане коровы и быки,
До чего вас довели большевики.

Сейчас, когда проезжаю мимо станций метро «Полянка» и «Лубянка», вспоминаю его:

Я вчера ещё резвился на Полянке,
а сегодня я проснулся на Лубянке.

Как-то, выйдя на улицу из Ириного дома – а жила она с родителями на Таганке у самой Москвы-реки, мы, человек пять-шесть, пошли гулять по набережной. У меня с собой был томик Спинозы (я тогда не на шутку увлекалась западными философами). Повертев его в руках, Алик вдруг размахнулся и бросил его в реку. Книга была библиотечной, и мне пришлось немало побегать по букам, чтобы купить этот двухтомник. Первый том вернулся в библиотеку, а второй до сих пор стоит на полке, напоминая об этом курьёзном эпизоде.

Володя Яковлев

С Володей нас познакомил Саша Васильев, которого мой Саша называл «сыном братьев Васильевых». И он действительно был сыном одного из двух братьев, известных кинорежиссёров. Это было, кажется, в 1966 году. С тех пор Володиные картины стали самыми любимыми. Покупали сами, приводили к Володе своих друзей и знакомых, и никто не уходил, не купив хотя бы одну работу.

Среднего роста, молчаливый, на крупной голове густые прямые тёмные волосы, с грустными карими глазами. Грусть уходила, когда он начинал рисовать. Появлялся в Гореховском всегда один, приезжал на метро, хотя уже

тогда плохо видел. Перебирал цветные шариковые ручки, фломастеры, редкие по тем временам, и начинал рисовать в альбомчике для гостей или на отдельных листочках. Яковлевских работ у нас было больше всего – цветы, портреты, абстракции, выполненные гуашью, акварелью, маслом. Позднее у некоторых появились и двойники – Сашины стихи.

Самые любимые и у Саши и у меня – яковлевские *цветы*. Володе удавалось иногда передать не только их физическую суть... И тогда возникало ощущение: не только ты смотришь на цветок, но и он смотрит – говорит с тобой...

В феврале 1969 года мы устроили одну из первых выставок Володи. Она прошла в районной библиотеке, где я в своё время отработывала диплом. Выставка так и называлась – «Вечер цветов». Саше даже удалось залитовать пригласительный билет с рисунком Володи и организовать вечер, на котором выступали члены Комитета литераторов с чтением стихов о цветах.

А библиотека, где прошла выставка, была уникальна по составу сотрудников – интернациональная. На абонементе работала Екатерина Николаевна Бауэр, обрусевшая немка; дома у неё была прекрасная библиотека, которой совсем не интересовались её близкие, и кое-что мне дарилось; Маргарита Леонидовна Меранвиль, обрусевшая француженка, – кузен её жил в Париже и присылал с разными okazиями в письмах написанные от руки стихи русских эмигрантов первой волны. Так я познакомилась с Г. Ивановым, М. Цветаевой, З. Гиппиус, Н. Тuroверовым, Г. Адамовичем и другими. А в читальном зале работали Сильвия Гедеоновна и Люция Георгиевна, польки. Все сотрудники были «старорежимные» – кому за пятьдесят, а кому и за шестьдесят. Только заведовала читальным залом молоденькая Татьяна Вестерман, еврейка, с которой я подружилась. А руководила всеми выдвиженка из пролетариата Мария Алексеевна, дородная украинка лет сорока пяти, которая никак не могла

правильно произнести фамилию только что вышедшего у нас Хемингуэя – получалось то Хемингуй (с ударением на последнем слоге), то Хемингуен, где твёрдое русское «г» переходило в мягкое украинское «гх»...

Дима Плавинский

Впервые увидела его у Васи в Рыбниковом переулке, кажется, в 1961 году. Пришёл худенький, тихий мальчик небольшого роста, наверное, мой ровесник; в памяти осталось: почему-то всегда в тюбетейке – было лето? осень? Потом, через много лет, он появился в Гороховском, где у нас уже были его ранние карандашные рисунки, многослойная картина маслом.

Димыч, как мы его звали, оказался прекрасным рассказчиком. Как-то летом в Тарусе, где мы проводили свой отпуск, в маленькой избушке Акимыча сидели за столом Эдик Штейнберг, его жена Галя, я с Сашей, кто-то ещё, не помню, пили чай, и Димыч стал рассказывать, как он с Толей Зверевым приехали в Тарусу порисовать и как-то вечером, выпив, решили пойти на танцплощадку, а там, не поделив с парнями местных красавиц, подрались, и когда поняли, что силы неравны, дали дёру. Убежать им удалось, но потрепали их сильно, и больше они на танцы не ходили. Рассказ был настолько красочен и эмоционален, что мы все живо перенеслись в тот тихий вечер, пережили и драку, и погоню по тёмному ночному городку.

Лёва Рыжов

Высокий, под два метра, массивный, неторопливый, с крупными чертами лица. Знали, что он художник, а что был поэтом – нет. Выяснилось это случайно. Как-то, придя к нам в Гороховский 16 ноября и узнав, что у Саши день рождения, Лёва уединился на кухне и минут через пять принёс лист бумаги с сонетом, посвящённым Саше. В этот вечер у нас было тихо, без гостей. Потом втроём

на кухне пили чай. Недавно, при разборе нашего архива, мне попался и этот пожелтевший листочек бумаги. А через несколько дней Лёва принёс в подарок свою картину: на фоне белёсо-голубого неба, которое бывает в Москве только поздней осенью или зимой, на тоненькой ветке сидит маленькая птичка. Для меня это был не только портрет Саши, но и автопортрет Лёвы. До сих пор Птичка живёт в нашем доме.

Он пил, лежал в разных больницах, писал и реставрировал иконы для Елоховской церкви...

Володя Вейсберг

С Володей мы познакомились неожиданно в 1968 году. Наша знакомая Лена Сулимова как-то спросила: «Хотите, приведу вас к интересному художнику?» Оказалось, что она живёт в одной коммуналке с Володей, недалеко от нас, у Покровских ворот.

Володя – выше среднего роста, плотный, сутуловатый, немногословный. Казалось, его светлый взгляд видит и тебя, и одновременно наблюдает за своим внутренним миром.

В комнате аскетично. Первое, что замечаю, – картины, подрамники, на полках из белых досок сосуды разных форм, аптечная стеклянная посуда для натюрмортов. Мебель самая простая, необходимая. Володины шедевры – белое на белом – ещё впереди, а пока на больших многослойных полотнах и голубые, и серовато-жёлтые оттенки.

С тех пор и Саша и я время от времени с ним общались. Иногда Володя приходил к нам в Гороховский, где на стенах висели его работы разных периодов, и критически их рассматривал. Как все большие мастера, всегда был чем-то в них не удовлетворён и говорил об этом.

Последний раз мы виделись в 1984 году. Он уже давно жил в своей квартире на Арбате, уже часто болел, жаловался на быструю утомляемость и показывал нам небольшие по размеру, но удивительные работы-шедевры.

Когда наш дом в Гороховском стали расселять в середине 1980-х годов, нам пришлось расстаться со многими работами любимых художников, в том числе и с Вейсбергом. А «нашего» Вейсберга я ещё раз увидела уже после Володиной кончины, на его первой персональной выставке летом 1994 года в Третьяковке на Крымском валу.

Михаил Шварцман

С Мишей нас познакомил Аркадий Акимович в самом начале 80-х годов, привезя на его квартиру. Вся небольшая комната, где работал Миша, была увешана его работами. Мишины картины я увидела тогда впервые, и они произвели на меня ошеломляющее впечатление – ни до, ни после ничего подобного не видела. Метафизика, философия, выраженная красками в живописи; картины, на которые нужно смотреть *долго*. Акимыч приехал к Мише, чтобы купить какой-нибудь рисунок. Мы сидели на стульях рядом друг с другом, а Миша показывал рисунки на больших листах бумаги. Пока он убирал одну работу и доставал другую, мой взгляд привлекла картина маслом, которая висела напротив, она меня заворожила. Оказалось, что Миша начал писать её ещё лет тридцать назад и продолжал и сейчас, хотя она и казалась законченной. После этого знакомства Миша стал бывать у нас в Гороховском.

Когда Миши уже не стало, я, посетив его персональную выставку в Доме Нащокина, опять ощутила: было что-то неуловимо единое в его личности и в его картинах.

Валерий Лопухин

Картины Валеры объёмные. Выпукло-вогнутые элементы на холсте, картоне, гипсе, папье-маше превращаются в цветы, птиц, зверей, людей... Эти работы излучают удивительную энергетику. Картины Валера начал писать относительно недавно, лет двадцать назад, поэтому он

самый «молодой» из всех знакомых нам художников нашего поколения, и самый «старый» – с ним и его женой Эммой мы знакомы почти полвека.

Рисованию Валеру учил дед, В. М. Лопухин. Закончив училище барона Штиглица в Санкт-Петербурге, он работал декоратором в Мариинке, а когда переехал в Москву, преподавал рисунок в Архитектурном институте.

К живописи Валера шёл издалека и стал художником во второй половине жизни. Ещё в 70-е годы проявились его дизайнерские способности: он оригинально оформил свою квартиру, нередко рисовал для себя и друзей, мастерски копировал понравившиеся картины Бердслея, Сомова, Бакста, Бенуа... Любовь и пристрастие к художникам Серебряного века сформировались под влиянием его матери, Валентины Васильевны, солистки балета Большого театра, заслуженной артистки РСФСР. Сейчас в их квартире все стены одной из комнат увешаны его картинами. Это и лубок, и абстракция, и примитив, и все с элементами конструктивизма; картины, которые излучают иногда лепую, иногда нелепую, но всегда радость жизни. И в нашем доме есть Валерин уголок.

Мехматовцы

Осенью 1967 года у нас в коммуналке появились Витя Фультмахт и Лёня Иоффе, а под Новый 68-й год мы переехали в свою квартиру в Гороховском переулке, где на кухне и начались мехматовские посиделки (все они были выпускниками мехмата МГУ): Витя, Лёня, Женя Сабуров, Валера Шлёнов, Володя Гуде, Юра Плотинский, Володя Шахновский, Леночка Васильева (племянница скульпторов и художников Н. Габо и А. Певзнера) и другие, всех имён уже и не помню. Многие из них писали стихи и там, на кухне, читали их.

Женя, Лёня, Валера распечатывали свои стихи на пишущей машинке, сброшюровывали их по 20–30 листов в сборники и дарили знакомым. Так они и сохранились

в нашем архиве. Эти сборища продолжались до Сашиного ареста в конце 1974 года.

Л. Иоффе и В. Шлёнов любили цитировать Ломоносова, Тредьяковского. Как-то при мне Лёня процитировал: «Открылась бездна, звезд полна», – и когда я продолжила, он был слегка удивлён. Эти две строчки стали сейчас расхожим местом, а тогда... Ещё раз подтвердилась правота теории В. Кандинского, которую он разработал и опубликовал впервые в Германии, сравнивая новые художественные и научно-технические открытия с растущей верхушкой пирамиды, где предыдущие слои опускались всё ниже к её основанию... («О духовном в искусстве», полный вариант).

И Лёня, и Женя Сабуров полусхотливо-полусерьёзно называли Сашу последним классиком. Однажды я застала на кухне спорящих Женю, Лёню и Сашу. Лёня горячо укорял Сашу, разбирая его новое стихотворение: «Другие не могут, ты можешь писать как мы (читай: по-современному), почему же не пишешь?» Но у Саши была своя поэтическая тропинка.

С Лёней Иоффе у Саши сложились особо близкие отношения. Отъезд Лёни в 1972 году в Израиль стал для него первой большой потерей.

Тогда отъезжающих провожали навсегда, как «на тот свет». Как оказалось позднее, связь с Лёней возобновилась в письмах. Вначале со мной в 1977 году, а потом, когда Саша вернулся из заключения и смог прописаться, и с ним... Переписка продолжалась до конца 1986 года, как мы шутили – с переменным успехом (некоторые и его и наши письма не доходили до адресатов – пропадали в архивах КГБ). Ручеёк переписки иссяк совсем, когда мы, выйдя на пенсию, уезжали в Погорелку на 5–6 месяцев (с весны до осени).

В то время Горький и вся Горьковская область были закрыты. Из Москвы к нам в деревню нельзя было приехать ни на своём автомобиле, ни даже на велосипеде – только на поезде. Летом 1984 года Валера

Лопухин, выехавший из Москвы на велосипеде, так и не смог до нас добраться: военные кордоны «заворачивали» обратно. Сесть на поезд с велосипедом в Горьком он не захотел и возвратился на нем обратно в Москву! Даже письма из Москвы шли 16–20 дней, некоторые пропадали, а некоторые приходили с явными следами вскрытия.

В начале 70-х годов и до ареста Саша общался со многими литераторами, поэтами. В памяти остались лишь некоторые имена: Петя Вегин, Алёша Заурих, Володя Бурич, Саша Ревич, Алёна Басилова, Саша Аронов, Герман Валиков, Женя Храмов, Миша Либин, Лёня Чертков, Лёва Аннинский, Толя Маковский, Володя Алейников. С последними двумя сложились более тесные отношения. Володя часто бывал у нас в Гороховском, да и мы приходили к нему в коммуналку, кажется, в Подсосенском переулке. Володя любил читать свои стихи и был одержим идеей поехать читать их то в Питер, то в Крым (тогда он много писал) и уговаривал Сашу поехать с ним. Толя Маковский также появлялся у нас часто, когда приезжал в Москву и жил у Леночки Васильевой. В то время он писал длиннющие сатирические поэмы, где фигурировали Ленин, Сталин, но иногда выдавал и что-то короткое. Запомнилось:

у батарейки стояли
две еврейки

Когда Саша в 1975 году попал в лагерь в Коми, и Леночка и Толя переписывались с ним.

Леночка Васильева... Жила недалеко от нас, кажется, в своей квартире с матерью, братом, мужем и девочками-погодками. Духовная дочь о. Александра Меня, ода-ривала нас его книгами и как-то подарила «Евангелие» (Лондон, издание «Британского и Иностранного Библейского общества», 1960), где в «Евангелии от Матфея» на 39-й странице написано: «Он вошёл в лодку и прибыл в область Магаданскую». У русскоязычного

редактора, видимо, были очень непростые отношения с этой областью.

Леночка, родив трёх дочек, время от времени порывалась уйти в монастырь и даже как-то в начале 80-х годов сорвалась и уехала в Пюхтицкий, бросив всё и всех. Только о. Александру удалось её возвратить. Нам тоже он был знаком. В 1964 году, отдыхая в Эстонии на хуторе, под конец отпуска мы съездили в этот монастырь. Любовались окрестностями – лесами, полями; сверху был живописный вид – стой и рисуй... Почему-то мы приглянулись настоятельнице, и она предложила даже остаться на ночь в одной из келий, а монашка, которая водила нас по территории, жаловалась, что у них отобрали маленький домик, где была гостиница, и запретили принимать новых послушниц.

Леночка часто водила девочек гулять в сад им. Баумана, рядом с которым мы жили. Однажды, придя после прогулки с детьми (Саша уже был в лагере в Коми), самая старшая – ей было лет пять – войдя в комнату и увидев много книг и картин, воскликнула: «Какое богатство! Какое богатство!» Мы рассмеялись...

У Саши есть несколько стихотворений, посвящённых Леночке, одно из которых начинается так:

Была ты когда-то
Звездой мехмата...

Володя Гершуни

Володя был внуком известного революционера-террориста и пошёл по стопам деда, но мирным путём.

Худой, черноволосый, с небольшими живыми кариными глазами, с быстрой речью и порывистыми жестами во время разговора.

Он был ярым противником советской власти, и она ему отвечала тем же. Первый раз в лагерь он попал ещё юношей, организовав не то кружок, не то выпуская антисоветскую листовку.

Казалось, что его речь не поспевает за его воспоминаниями. Это были бесконечные рассказы о лагерях, психушках, куда его время от времени сажали кагэбэшники, о конспиративных квартирах КГБ, куда его вызывали, когда он бывал на свободе. И он подробно рассказывал, как это происходило, – то на Арбате, то на улице Горького...

Чаще всего он появлялся у нас без звонка, неожиданно. За чаем с одинаковым увлечением говорил обо всём; казалось – а может быть, так и было? – выговаривался за годы молчания в лагерях и психушках. Володя был в курсе всех правозащитных дел, помогал собирать разные материалы по архивам, библиотекам, в том числе и по просьбе А. И. Солженицына.

Последний раз мы его видели накануне переезда из Гороховского на Бутырскую улицу в марте 1986 года.

КГБ у нас в Гороховском

Тридцать первого октября 1974 года в восемь утра раздался звонок в дверь. Открываю – трое мужчин из КГБ предъявляют ордер на обыск. Саша не был ни диссидентом, ни правозащитником, но собирал книги, изданные на Западе, которые были запрещены в то время. Первые появились у нас ещё в коммуналке где-то в 1965 году. Они были самые разные: романы, стихи, мемуары литературные, политические, книги по философии. Объединяло их лишь одно: это были книги русских эмигрантов, изданные за рубежом. Все они были «клеветнические», как утверждала наша советская пропаганда, – неважно, были это стихи Н. Гумилёва, Г. Иванова или романы Набокова, Солженицына.

В это время Саша уже давно активно занимался переводами стихов народов СССР по подстрочникам. Знал он только английский и китайский языки, а эти переводческие ниши были заняты. Пробивным он никогда не был, хотя к моменту ареста был председателем секции

переводчиков в Комитете литераторов при издательстве «Советский писатель» (должность была выборная, голосовали члены секции). Кроме переводов, занимался и другой литературной работой: в воскресном приложении «Неделя» к газете «Известия» вёл рубрику «Клуб книголюбов». Также появлялись его рецензии на сборники стихов молодых поэтов в журнале «Знамя», где под крылом Гали Корниловой (зав. отделом поэзии) собирались литераторы и поэты. Как-то зайдя в редакцию в конце лета 1968 года, Саша застал там Наташу Горбаневскую, которая на следующий день собиралась на Красную площадь с новорождённым ребёнком, протестуя против ввода наших войск в Прагу; она позвала и Сашу. Придя домой, Саша посвятил в это и меня. Я его не агитировала ни за ни против. Детей у нас не было (мой осознанный выбор), но с нами жила Сашина тяжелобольная мать, и он никуда не пошёл.

Обыскав всю квартиру, даже подняли Сашину мать, перерыли её постель, и, так и не найдя ничего криминального, кроме западных книг, они увезли Сашу, его рукописи и записную книжку. На следующий день обыск продолжался...

Позднее я была удивлена тем, что они не забрали два фотопортрета, которые висели на стене в одной из комнат. Каждый по-своему хорош: один – удивительный по глубине парижский портрет М. Цветаевой, а второй – портрет А. И. Солженицына, оба подаренные Лёвой Турчинским.

Так Саша попал в Лефортовский следственный изолятор. Следствием занимался КГБ Москвы и Московской области. Обвинялся он по статье 70-й «Антисоветская пропаганда и агитация», но потом её заменили на статью 190-1, «более мягкую» – «Хранение и распространение антисоветской литературы».

Увидела я Сашу в Лефортове только летом следующего года, когда закончилось следствие. За время, что мы не виделись, он написал много стихов, принёс их на свидание, кое-что прочёл, а я решила попробовать взять их

с собой. Это были три школьные по 12 листов в клетку и одна самодельная тетрадки, исписанные простым карандашом. И повезло – при выходе меня не обыскали. Они все сохранились.

В КГБ меня вызывали только два раза, но следили постоянно. Помню, как в конце декабря еду в метро к отчиму – у мамы день рождения, везу маленький букетик цветов, будни, народа в вагоне много, я уже у двери, надо выходить, и вдруг сзади голос: «Что, на могилку везёшь цветы?» Но времена были уже другие, меня не выгнали из техникума, где я работала преподавателем, и даже ничего туда не сообщили.

Ни в моей семье, ни среди родственников не было репрессированных. Отец, рядовой, погиб под Смоленском, один дядя, брат мамы, также не вернулся с войны, другой вернулся инвалидом. Я родилась в конце 1939 года. Из Москвы попала в эвакуацию в глубинку Башкирии в городок Урман, где двадцатилетней маме пришлось работать в цехе на конвейере военного завода по полторы смены. Домой вернулись в 1944 году.

Как из личного киноархива памяти – несколько стоп-кадров: первый – открывается дверь нашей комнатки, и я вижу пол с разбросанной обувью, её много, так как всё удваивается в огромном зеркале однодверного светлого шкафа, который напротив двери, мне почти пять лет. Второй – наша кухня, где у каждой хозяйки свой примус, керогаз или керосинка. Третий – мои ладони, исписанные двух- и трёхзначными числами химическим карандашом с номерами очереди за хлебом, яйцами, керосином.

В день Шашиного ареста, уже вечером, приехал его отец навестить жену. Узнав о случившемся, был потрясён: старый партиец, настоящий коммунист, отсидевший по 58-й статье от звонка до звонка, при реабилитации в 50-е годы отказавшийся от персональной пенсии и отдельной квартиры – хотел только восстановления в партии – и вдруг узнал, что сын антисоветчик... Даже не зашёл к жене, а она не поняла, что произошло, и уже спала. Мы долго

сидели на кухне; напоив Ефима Ильича чаем, я пошла провожать его до метро. Была уже ночь. А на обратном пути я стала обзванивать из телефона-автомата друзей и знакомых, чтобы не приходили и не звонили; мою записную книжку ещё не забрали, и в тот вечер слезки ещё не было. Пошли впрок прочитанные воспоминания Н. Мандельштам, Л. Гинзбург, Е. Гинзбург и других авторов.

Реабилитацией Ефима Ильича в Москве занималась В. Ф. Пикина. Она работала в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС, занималась делами людей, пострадавших в годы сталинского произвола. Сама была репрессирована в 1938-м, работая с А. Косыревым (одним из его секретарей) – первым секретарём ЦК ВЛКСМ; реабилитирована в 1956-м. Ознакомившись с делом Ефима Ильича, при очередной встрече она заметила: «А ведь вас могли тогда и расстрелять». На что он ответил: «И сейчас ещё не поздно...» А когда в архиве не могли найти его партийные документы и Валентина Фёдоровна спросила, не помнит ли он номер своего партбилета, Ефим Ильич его назвал.

Погорелка

Когда ещё имел я столько света?

А. Флешин

Но люблю мою бедную землю,
оттого, что иной не видал.

О. Мандельштам

Из Коми Саша вернулся домой весной 1978 года, а летом 1979-го мы оказались в деревне Погорелка Горьковской области в 750 километрах от Москвы. Дорога длинная: ночь на поезде до станции Урень, потом автобусом до города Ветлуга около часа, потом паром через реку Ветлугу, а там нас уже встречал Эдик Штейнберг и на своей лодке привёз в деревню. Так я попала в Погорелку первый раз.

И Саша, и Эдик были заядлыми рыбаками. Рыбу ловили не только в Ветлуге, но и на речках Малая Какша, Большая Какша, которые впадали в Ветлугу, на Чёрном озере. В них в изобилии водились щуки, язи, судаки, жирные лещи и всякая мелочь – плотва, окуньки, караси, чехонь.

С лёгкой руки Эдика в Погорелке обосновался художник Володя Янкилевский, рядом в деревне Микрихе – Илья Кабаков, а в Спасском, куда мы ходили за хлебом, – свояк Эдика актёр Петя Вельяминов, тоже рыбак. В разное время в деревне гостили художник Ф. Инфантэ, актер В. Заманский.

Погорелка стоит на реке Ветлуге в семи километрах от одноименного городка, название которого знают все слависты мира, – там родился В. В. Розанов.

Тогда, в 1979 году, только это мы и знали о городе Ветлуга. Позже выяснили, что в XIX веке архитектор Н. Л. Шевяков построил здесь торговые ряды, которые сохранились до наших дней; здесь провёл детство писатель А. Ф. Писемский; известный художник, основоположник конструктивизма В. Е. Татлин жил в Ветлуге во время войны в эвакуации; родился драматург В. Розов и много других замечательных людей...

В деревне, когда мы там появились, было всего 17 жилых изб. До войны в Погорелке было 90 дворов, скотный двор со свинофермой, коровником, овчарней, курятником. Рядом, в Спасском, была большая деревянная действующая церковь, в её приход входили 10 окрестных деревень (Песниха, Спириха, Петрово, Ляпоухово, Костливое, Шарапиha, Спасское, Большая Микриха, Зиновиха и Погорелка). При нас в полуразрушенной церкви был склад...

Погорелка горела несколько раз, последний – в 1943-м, когда дети, играя, случайно подожгли солому... Погорелка – одно из самых распространённых названий деревни, не надо объяснять – почему. Нашу Погорелку Саша воспел в стихах, а Эдик – в своём «Деревенском цикле» картин.

В первые годы деревенской жизни особенно острым было чувство простора – как в избе, так и вокруг! Кладовки, терраска, сеновал под крышей; солнце, которое гуляло целый день в избе, переходя от одного окна к другому, а всего их было шесть!

И Эдик, попавший в Погорелку из крошечной однокомнатной кооперативной квартирki в Москве, и мы, жившие на первом этаже, где никогда не было солнца, упивались этим чудом! Погорелка для нас стала раем на два летних месяца.

Изба, которую мы приобрели, оказалась старой, была построена в середине 20-х годов прошлого века, стандартно-классической: 6×6 метров, с большой русской печью с лежанкой; с потолка свисало крупное металлическое кольцо для люльки, а у двух стен под прямым углом стояли двухметровые лавки шириной 60 сантиметров и толщиной 15 из цельного дерева, на которых днём сидели за столом, а ночью спали.

Я освоила русскую печь и много готовила в ней. Особенно вкусными были щи, борщи и каши – рисовая, гречневая, пшённая, которые готовились на молоке в керамических старых плошках; потомившись несколько часов, они приобретали удивительный вкус, а сверху от парного молока образовывалась аппетитная розовато-бежевая корочка; а вкус рыбы, пойманной Сашей, пожаренной на большой сковороде во дворе на костре – не описать!..

Саша приезжал в деревню весной, а я могла только в отпуск на два месяца. Он занимался маленьким огородом, где сажал в основном травы: несколько сортов салата, кинзу, иссоп, тархун, петрушку, мелиссу, шпинат, лук-порей, лук-батун, щавель, редиску, кабачки, цветную капусту. Семена привозили из Москвы, из опытного хозяйства на ВДНХ, куда Саша осенью специально ездил. Через пару сезонов мы нашли в окрестностях деревни заросли иван-чая, тмина, луговой мяты, дикой малины и шиповника.

У крестьян на огородах росли только картошка, капуста, огурцы, помидоры, лук да укроп, и многие приходили смотреть на Сашины травки... У меня сохранился дневник, который я вела с первого сезона жизни в деревне, где отмечала каждый день какая была погода, когда и кто приехал из наших знакомых, что посадили, собрали. Открываю 1981 год и читаю: Саша поймал 1326 рыбок (отдельно записывала рыбку только от 400 граммов).

Сашино увлечение рыбалкой продолжалось всю жизнь. Ездил на разные водоёмы Подмосковья, в памяти осталось только Круглое озеро, рядом с которым была дача родителей Лёни Хлебникова. Когда выпадало несколько свободных дней, он и Эдик Штейнберг ездили на Чухломское озеро, порыбачили и в окрестностях Галича и Солигалича. Уже живя в Погорелке, Саша в основном ловил рыбу с берега, а Эдик с лодки и иногда вылавливал по 7–9 килограммов крупных щук, лещей, язей; Галя, его жена, приносила вкуснейшие рыбные котлеты, и не только нам – летом в жару хранить рыбу было негде, жили бедно, без холодильников.

В лесах за рекой водились волки, кабаны, медведи. Рядом с нашей избой находилась калда – летний открытый загон для молодых тёлочек. Иногда ночью мы просыпались от переполоха: волчица приводила подросших волчат – учила охотиться. Утром пострадавших, но живых тёлочек увозили на ферму.

Один раз в сезон Саша присоединялся к нашему соседу Юре Редькину – шли за клюквой на Привал. Поход длился с 5 часов утра до 10 часов вечера. Возвратившись, на следующий день, Саша с увлечением рассказывал, как они шли по свежим медвежьим следам.

В деревне, когда «лил дождь с утра до вечера», когда рыбалка и работа на грядках отменялись, слушали «голоса» по старенькому ламповому «Уралу», играли в карты в «66», пели (и у Саши и у меня был хороший слух) песни Галича, Окуджавы, гимн Китая на китайском языке – так Саша меня развлекал... Саша по памяти читал стихи,

чаще всего любимого Леонида Мартынова; он обладал удивительным, сильным голосом, с богатыми модуляциями – особенно это слышалось, когда он читал по-английски стихи По, Китса, сонеты Шекспира...

Ни у нас, ни у наших родителей никогда не было ни дачи, ни земли. Для нас, жителей города, свой огород был чудом! Как шутил Саша, в деревне мы переходили на «подножный корм» – ягоды, грибы, рыба, своя зелень; у крестьян молоко, творог, сметана; особый деликатес – икра, которую я засаливала, самая вкусная из жирной уклеи, но и шучья была хороша. В Москву мы возвращались «с добычей»: грибами маринованными, солёными, сухими, клюквой и брусникой, высушенными травками с нашего огорода и дикорастущими, вареньем из земляники, малины, чёрной и красной смородины.

Погорелка расположена не на горе – это две разные по уровню плоскости рельефа: на одной деревня, на другой, ниже, – река, а между ними перепад высотой с десяти-двенадцатиэтажный дом. Наша изба как раз над рекой. Из двух боковых окон открывается удивительный, завораживающий пейзаж: наволок, песчаные отмели, река, а за ней – бесконечные, до горизонта, хвойные леса и бескрайнее небо с вечно живыми облаками.

В этом раю мы прожили 27 счастливых летних сезонов.

Элла Флешина
Москва – Ветлуга. 2016–2017

СОДЕРЖАНИЕ

1990–2000

Погорелка. Москва. Ветлуга

- 7 «Чего бы мы у Бога попросили?...»
8 «Созвучье, согласие, сопенье...»
9 «Я часто восхищал гостей своих...»
10 «Путь на Парнас извилист...»
11 «Гляжу на облака холодные с тоской...»
12 «Как в реке Ветлуге...»
13 Оса и осёл. *Антибасня*
14 «Ночь за окном, а я пишу стихи...»
15 Лёне Иоффе
16 «Хотел бы я, чтобы хоть раз...»
16 «Тебе на свете равных нет...»
17 Действо
18 «Черти ждут меня в Аду...»
19 «Если вдруг разонравится жить...»
20 Надпись на титульном листе сборника «Полёт иКара»
20 Надпись на обороте титульного листа сборника «Полёт иКара»
21 Лето
22 «Груз прожитых лет...»
23 Картина
24 «Витиеватость слога...»
25 Тайны
26 Капель
27 «Укоренённый в небесах...»
28 Рыбалка
29 Воспоминания об интернате
- Д и с т р о ф и к и
- 30 «Когда мгновенье разбивает скорлупу...»
30 «По сугробам отчаянный скачет кузнечик...»
31 «Как-то жизнь предосудительно меняется...»
31 «Прожив на свете много лет...»
32 «Весна на встречу с летом...»
32 «Ныне для остроты взгляда...»

- 33 Акростихи
 36 Мелочь
 39 Ветлуга
 40 Яковлевские цветы
 1. «Бездорожье. Ни звука, ни знака...»
 2. «Четырьмя стенами отгороженный...»
 42 Память
 43 По зверевским местам
 44 «Как говорится, человек не птица...»
 45 Картинам в моей комнате
 46 «Я лежу с карандашом в руке...»
 47 «Порой в былое бросим взгляд...»
 48 Оазис
 49 «В плену фантазий пребывая...»
 50 Диалог
 51 «Что видно со второго этажа?...»
 52 «Ты не смотри, что я прилѣг...»
 53 Сон
 54 «Створки раковины приоткрою...»
 55 Двухтысячный
 56 «Восьмой десяток?! Что-то тут не так...»
 57 «Иллюзия... мираж... самообман...»
 58 Порыв
 59 Свет погасшей звезды
 60 Портрет
 61 Праздники двухтысячного года
 62 «Нас морочат всю жизнь всезнайки...»
 63 «Я с матерью всех пороков...»
 64 «Небо в тучах, а хочется ясности...»
 65 Вечер на реке
 66 Моему читателю
 67 «Я на обочине сияющего лета...»
 Д и с т р о ф и к и
 68 «Когда февраль перетекает в март...»
 68 «С годами время чувствуешь иначе...»
 69 Утро
 69 «Непререкаема времени сеть...»
 70 «Ветер мечет мелкий бисер града...»
 70 Утро
 71 «Опять гроза скользнула по касательной...»
 72 Мелочь

2001–2005

Москва. Погорелка. Ветлуга

- 75 «Может, это просто мне приснилось...»
76 Интермедия
77 Беспокойство
78 «Буднично, а значит безоглядно...»
79 «За окном белым-бело...»
80 «Не требую к себе внимания...»
81 «Бог, как известно, любит троицу...»
82 «Весна стучится в двери...»
83 «Сколько время весит?...»
84 У т р о
 1. «Ни кузнечиков, ни мотыльков...»
 2. «Уже пылает солнце на краю...»
85 «Какое утро...»
86 Совмещение
87 Шёпот
88 «В ясном небе легче пуха...»
89 Весна
90 Глубинка
91 Летний вечер
92 «Нами третье октября...»
93 Интернат
94 Беседа
95 Силуэт
96 На выставке
Д и с т р о ф и к и
 97 Моей звезде
 97 «Я облака пытался заманить...»
 98 С точки зрения рыбака
 98 «Раз Фрейду приснилась...»
99 М е л о ч ь
101 «Как-никак, а век мой на исходе...»
102 Сон
103 Мордохвост и Брюхонос
104 «Здесь, где в сияющей глуши...»
105 «Важнейшее из всех основ...»
106 След
107 «Жизнь раскидала друзей, как поленья костра...»
108 «Вера в Бога сама – Божья милость...»
109 «Когда безумья прорастают зёрна...»
110 «О, чудо ретрансляции...»
111 Творец
112 Автопортрет В. Яковлева

- 113 Лугоцвет
114 Музыка и слово
115 Живая вода
116 «Подобно многим, в Бозе...»
117 «Быть может, мысля и темно и вяло...»
118 «Всё перемелется. Баланс добра и зла...»
119 Поиски бессмертия
121 Москва – Ветлуга
122 «Ещё не проросла рассада в сны...»
123 «Не успел ещё город расстаться...»
124 Астрологическое
125 Ночной эскиз
126 «Весь день с утра накапывает время...»
127 Твоя дорога
128 Об одежде
129 «Изменяюсь, болею, старею...»
130 «Нет, резонанс не обязателен...»
131 «Сократ был в обвинениях неистов...»
132 «Мы живём в немыслимое время...»
133 Погорелка
134 «Нет, подобную привычку...»
135 «Пишется легко порою мне...»
136 «Когда в нору я уползал...»
137 Знакомое...
138 Моя планета
139 «Лежу, гляжу на потолок...»
140 «Различны земные пути...»
141 «На гребне сна в окно влетают вести...»
142 Волга
143 «Есть на земле неяркий, тихий край...»
144 «Темны контакты тела и души...»
145 «В плену неадекватных чувств...»
146 Дом на Кецховели
147 «Что скрыто в недрах утомлённых глаз...»
148 На улице Неждановой
149 «От жизни что могу беру...»
150 «Вокруг камышовой купели...»
151 Фантазия на тему
152 «Почки вызрели на клёнах...»
153 «Вглядываясь в сонную глубину...»
154 «Слишком быстро погружаюсь в старость...»
155 Генетическое
156 Май
157 «Эмбарго объявив на междометия...»
158 «В мае дышится легко...»

- 159 «В небе бродят облака и тучи...»
160 Оса
161 Перед восходом
162 «Взгляд в окно тревожный брошу...»
163 «Ветер, выкупавшись в речке...»
164 «...А раньше всех проснулись мотыльки...»
165 «Где та зола бывшего пыла?...»
166 Лягушка и я
167 «Игра воображения...»
168 Наедине с зарёй
169 «Гнетёт давление извне...»
170 «Все поэты немного язычники...»
171 «Гаснет день замусоленный...»
172 Обычные дела
173 Летопись
174 «Солнце переходит небо вброд...»
175 «Что всё на свете перемелется...»
176 Время
177 Сельская жизнь
178 Времени рельеф
179 «Дни пошли шершавые, колючие...»
180 «Я пытаюсь разобраться...»
181 «Поутру глаза протру...»
182 Несуразное
183 Последний летний
184 «Мир изначально и щедр и чудесен...»
185 Предосеннее
186 «Я мысленно живу уже в Раю...»
187 Предрассветье
188 «Я сам с собой порой играю в прятки...»
189 «Средь ветвей берёз и сосен...»
190 «С каёмочкой той же то самое блюдце...»
191 Отблеск романтики
192 «Тишина. Луна невозмутимо...»
193 «А у нас всё не как у людей...»
194 Здесь
195 «Едкий дым, пары бензина...»
196 «Здесь ни судьба, ни время ни при чём...»
197 «Когда сегодняшняя едкая печаль...»
198 «В пустынной отрешённости печали...»
199 «Мгновенья радости уносят облака...»
200 «Нам всем безумно повезло...»
201 Смена вех
202 «Асфальтового неба тяжкий груз...»
203 «Упорно отменяя липкий морок...»

- 204 «Вот и снова в свой черёд...»
 205 Истоки
 206 Есть люди...
 207 Единственной
- Д и с т р о ф и к и
- 208 «Никто не сеет на земле печаль...»
 208 «Мне современность не к лицу...»
 209 «Черёмуха, сирень, шиповник...»
 209 «Виденья над развилками дорог...»
 210 «Как мало для полёта надо!...»
 210 «Жизни прищур двулик...»
 211 Река
 211 «Когда два мира я пишу...»
 212 «Гляжу на жизнь без раздраженья...»
 212 «Все яркие в полночный час...»
 213 «Однажды мудреца спросили...»
 213 Звёзды
 214 «Он, слава Богу, на кресте распят...»
 214 «Хоть не добавит радости склероз...»
 215 «Меня природы творчество влечёт...»
 215 «Соцветья слов перебирая взглядом...»
 216 «Евреи, известно, гонимое племя...»
 216 «Послезавтра весна – календарь это вам подтвердит...»
 217 «И вновь двоих пересеклись пути...»
 217 «Прочна невидимая клетка...»
 218 «Иду по жизни налегке...»
 218 «Какая нынче жизнь тревожная!...»
 219 Под прессом прогресса
 219 «В окно впорхнула лёгкая строка...»
 220 «Что бы ни писала наша пресса...»
 220 Сёстры
 221 Лето
 221 Нет худа без добра
 222 «Печально всюду видеть дрянь...»
 222 «Пыль веков, пыльцу тысячелетий...»
 223 «Душе светил вибрации слышны...»
 223 «В тихом городе Ветлуге...»
 224 Гроза
 224 Эта лунная ночь...
 225 «В жизни главный вопрос: – Для чего?..»
 225 «Душа, словно в бурю судно...»
 226 «Дыханьем яблок старый дом наполнен...»
 226 «Как трудно быть сегодня оптимистом!..»
 227 Меланхолический дистрофик

- 227 «Не каждому дано увидеть знаки...»
228 «Разомкнуты цепочек жизни звенья...»
229 Мелочь
236 Новогодняя ночь
237 Отблеск лета
238 «Избегаю взгляда строгого...»
239 «Вы слышите, как тикают цветы...»
240 «Дарило щедро утро...»
241 Антибасня
242 Свет луга
243 «Нет, я не верю зеркалам...»
244 «Мне дорого всё тленное, земное...»
245 «Всё привычной движений размеренность...»
246 «Хмуры тучи над столицей...»
247 «Я по земле порой, как по Луне...»
248 «Ещё чего-то ждешь, надеешься...»
249 «Нас держит слишком пристально земное...»
250 «Определив меня своей мишенью...»
251 «Преобразуя в мысли ощущения...»
252 «Роится свет в оконной раме...»
253 «Грядущего бесформенная сущность...»
254 «Поощряя мыслей легкость...»
255 «И во мне тишина тут, и рядом...»
256 «В Москве зима лишилась прав...»
257 «Я вам открою тайну...»
258 «Трудные сегодня времена...»
259 «Всё слишком ярко, грубо, броско...»
260 Игра
261 Ожидание
262 «Всю жизнь он рай земной искал...»
263 «Ветви, тучами придавлены...»
264 «Манит взгляд ослепительная глухомань...»
265 «На зыбкой застыв пристани...»
266 Гипертония
267 Голос оптимиста
268 «Окунаясь порой в давнишнее...»
269 «Дарами добрых фей не избалован...»
270 Тени
271 «В полдень блики собираю...»
272 «Вот ведь любит дятел короледа...»
273 На закате
274 «Ушли из комнаты лучи...»
275 «Роняют в небо дым печные трубы...»
277 «Не будучи ни трагиком, ни комиком...»
278 «Да, блекнут все события и даты...»

- 279 «Жизнь прекрасна при всех своих вязких заботах...»
 280 Нашей Муське
 281 «Мой дом, парящий над рекой...»
 282 Юбилейное
 284 «К чему мне подводить итоги...»
 285 «Среди глобального непостоянства...»
 286 «Вот и выпало очко...»
 287 «Прошлое со мной играет в прятки...»
 288 «В голубые возносясь глубины...»
 289 «Как пишется легко! Спугнуть боюсь...»
 290 «В плену у функций ясных и простых...»
 291 «Похоже, мне прорваться удалось...»
 292 «Меня в постели муза навещает...»
 293 «Теперь уж за столом не соберёшь...»
 294 «Не стоит ныть и хмуриться...»
 295 «Платой за недожитое лето...»
 296 «Вот нам досталась только горсть золы...»
 297 «Пытливый ум рискует притупиться...»
 298 «Эти двери были мне чужими...»
 299 «Не довелось мне ездить на слоне...»
 300 «По горизонту я ходил, как по канату...»
 301 «Воспринимаю всё шутя...»
 302 «Отслаивая облаков чешуйки...»
 303 «Я обличать не буду никого...»
 304 Твой цветок
 305 1. «Уж ты меня, пожалуйста, прости...»
 305 2. «Сужу себя за промах своей любой...»
 306 «На маленьком листке бумаги белой...»
 307 «Как хорошо, что был не я Адамом!...»
 308 «Всё упрощается в конце концов...»
 309 «Когда надоедает воду в ступке...»
 310 Ода книге
 311 «Я в точке «А» упрямо остаюсь...»
 312 «Сейчас не понять, что нужней и полезнее...»
 313 «Пусть тучи стелются всё ниже...»
 314 «Стрижи стригут прилежно облака...»
 315 Магический кристалл
 316 Два соловья
 317 Как я пишу стихи
 318 Сны
 319 «Кому не лень, все Пушкиным клянутся...»
 320 «Как быстро изменился мир вокруг...»
 321 «Жизнь – достойная награда...»
 322 «Ну вот, и отшумели страсти...»
 323 Памяти Анны Ахматовой

- 324 «Как правило, природа знает меру...»
325 «Жизнь – движение в пути...»
326 Игра воображения
327 «Творить добро, не думая о том...»
328 «Стихи писать совсем не трудно...»
329 «Протёртый теми годами...»
330 «Как бы спасаясь вечно от погони...»
331 За клюквой
332 Это было
334 «Мы все во что-то верим в разной мере...»
335 «Жизнь изучив людскую досконально...»
336 «Усвоив уроки прошлого...»
337 «Вот лежу я на песке...»
338 «Всё приемлю: и клевера сладость...»
339 «Глаза закрою, вижу луг...»
340 «Мне хорошо – от всех напастей средство...»
341 Памяти Лёни Иоффе
343 Эскиз
344 «Как часто боль чужая ранит нас!...»
345 «Когда-то славилось лесбосское вино...»
346 «В эпохах отдалённых часто странствую...»
347 «Нет, греки, видно, собственных богов...»
348 «Был мир к обновленью готов...»
349 «Да, это истина святая...»
350 «Когда-то в Нижнем Пшапи вечерами...»
351 «Процарапав след в мозгу...»
352 «Суду людскому неподсудна...»
353 «Признаюсь честно, я не воин...»
354 «Нынче климат явно портится...»
355 «Нам нужен сон, как утоление жажды...»
356 «И я изведаль мрак неправой кары...»
357 «Как было бы благоприятно...»
358 «Эту неся кладь...»
359 «Сквозь асфальт прорастает изморозь...»
360 «Мне понять до конца не дано...»
361 «Знает всё лишь Бессмертный Кощей...»
362 «Легко, посеяв клеветы...»
363 «Лжи удобной не проси...»
364 «Мир к открытию готов...»
365 «Путь благочестья не просто пройти...»
366 «Солнце выпило туман...»
367 «Истины всегда незримы зёрна...»
368 Читая письма тех времён
369 «Было их и прежде мало...»
370 «Я покидаю этот смутный год...»

Д и с т р о ф и к и

- 371 «Преодолеть безумье и чуму...»
371 Дальтонизм
372 Утешение
372 «Пройду сквозь дней напластованье...»
373 «Я запомню её обязательно...»
373 «Вокруг непуганый покой...»
374 «Может, мы живём, и верно, в лучшем...»
374 «Как никогда, пожалуй, прежде...»
375 Дым без огня
375 «Туман пролился вдалеке...»
376 «Нет, всё же, что ни говори...»
376 «Тишина есть отсутствие шума...»
377 Память
377 «Верю, всё вернётся скоро...»
378 «Зачем я лежу тут покорно, скажи...»
378 «Не выходя из поднадзорной зоны...»
379 «Прикрытый странника плащом...»
379 «Иллюзорная плоскость небес...»
380 «Я снова в мир поэзии вошёл...»
380 Лепица
381 «Природу юмора не стоит изучать...»
381 «Ни перед кем не возношусь...»
382 «Погрузившись в историю Рима...»
382 «Я с прямого пути не сверну...»
383 «В непостижимой круговерти...»
383 Дома! (Возвращение)
384 «Китайские божки являют нам...»
384 «Не в открытую, не лихо...»
385 «Так уж это получается...»
385 «Воображенье – путь преображенья...»
386 «Нынче, впрочем, как и встарь...»
386 «Две даты. Между ними прочерк...»
387 К моему портрету, написанному
С. Симаковым
387 «Хоть предан слишком часто лени я...»,
388 «Прикрыв махровой тучей веки...»
388 «А если этот мир расколдовать...»
389 «В славной луже на опушке...»
389 «Вылущивая ядрышки из дней...»
390 «Время вещь довольно строгая...»
390 «Болезнь меня изрядно обглодала...»
391 «Ждут каждого, наверно, на пути...»
391 «Как часто, приводя все чувства в трепет...»
392 «По улице Бутырской днём и ночью...»

- 392 «Времени всё время не хватает...»
 393 «На плоскость проецируя свой взгляд...»
 393 «В гарь Москвы, задохнувшейся в жажде
 озона...»
 394 Эпохи
 394 «Всё временное ненадёжно...»
 395 «Пусть пути разнообразны...»
 395 «Иллюзорен мир утопий...»
 396 «Успехи человечества бесспорны...»
 396 «Пролетело, проскользнуло, промелькнуло...»
 397 «Где вы, воздушных замков обитатели...»
 397 «В природе чудо всё-таки встречается...»
 398 «Как архаичен день вчерашний...»
 398 «Всё до поры таится в оболочке...»
 399 Однажды
 399 «Конечно, хорошо порой забыться...»
 400 «Как в жизни перепутаны пути!...»
 400 «Тайн в природе нераскрытых нет...»
 401 «Меняется природа...»
 401 «Сколько в неприкаянности их...»
 402 «Как всё нелепо в мире этом!...»
 402 «Суть явлений нередко во тьме не видна...»
 403 «Да, предки были не дурнее нас...»
 404 М е л о ч ь
 414 «Время крысится ехидно...»
 415 «Бездонная бетонная завеса...»
 416 «Бреду с фонариком в руке...»
 417 «Всё пройдёт, лишь тишина останется...»
 418 «Сны прорастают сквозь траву...»
 419 «Слетаются тревоги отовсюду...»
 430 «Ничто меня не сможет убедить...»
 421 «Сегодня я проснулся на заре...»
 422 «Однажды счастье улыбнулось мне...»
 423 «Отгадывая жизни тайный код...»
 424 «Глядитесь солнце в подсыхающие лужи...»
 425 «Огорожен мир мой замкнутой кривой...»
 426 «Меня безмерность не тревожит...»
 427 «Ты смотришь в корень, я – наоборот...»
 428 Отпуск
 429 Правозащитное
 430 Отцы и дети
 431 «В мире очень много смеха...»
 432 «Всё в мире этом зыбко и условно...»
 433 Прах тех эпох
 434 «Всё смутно, непонятно, вкривь и вкось...»

- 435 «Свой персональный завершая век...»
 436 «Провинция, бесспорно, сущий Рай...»
 437 Свой Китеж
 438 «Князя и ослики из мира Пиросмани...»
 439 «Когда, оптимизму в угоду...»
 440 Как прежде
 441 «Мне к солнцу путь заказан...»
 442 «По капле я накапливал судьбу...»
 443 «Тревоги притихли, забота забыта...»
 444 «Жизнь то берёт меня на мушку...»
 445 «Сквозь крылья бабочки глядеть...»
 446 «Остаток дней считаю по минутам...»
 447 «Как всё в природе состыковано...»
 448 «Трепещет флаг над пристанью...»
 449 Дума о гусе
 450 «Взгляни: опять волнуется листва...»
 451 На лугу
 452 Сирень
 453 «Приземистые, кряжистые мысли...»
 454 Происшествие
 455 «Как старый дуб, зализывая раны...»
 456 «Самообмана морок...»
 457 Лето 2004
 458 «Скрижали веры монолитны...»
 459 «Незримо вызревают сроки...»
 460 Молитва
 461 «Наступает время ясности...»
 462 Э. Штейнбергу
 463 «В своей основе жизнь нелепа...»
 464 «Жители в маленьком городе N...»
 465 «Знаков вопросительных цепочки...»
 466 «Зачем топить вопрос простой...»
 467 «Всё так: оскудела Земля семенами...»
 468 «Есть край, где злоба дня неубедительна...»
 469 «Мы от земли оторваться надолго не можем...»
 470 «Возможно, всем завистникам назло...»
 471 «Снежинок и воздушных мотыльков...»
 472 «Хоть много выпало невзгод...»
- Д и с т р о ф и к и
- 473 Деревянному ангелу в моём доме
 473 Судьба
 474 Портреты
 474 Комната
 475 «Может, в этом знака свыше нет...»
 475 «В спорах недоразумения...»

- 476 «Стих не ёлка, его украшать ни к чему...»
 476 «Какая часть меня ещё жива?...»
 477 «Сон Солнца, моя планета...»
 477 «Действительность сегодня такова...»
 478 «Словесность на прозренья мастерица...»
 478 В набоковском калейдоскопе
 479 «Бесценный дар бестрепетно дробя...»
 479 «Прислонясь плечом к лучу...»
 480 Исход
 480 «Трудно не вникать в частности...»
 481 «Отступила злая сила...»
 481 «Планета погружается во мрак...»
 482 «В космическом тигле расплавятся годы...»
 482 «Явь растекается, словно в тумане...»
 483 Весна
 483 «Разве нуждается время в огранке?...»
 484 Анпилову
 484 «Нет, время никуда не движется...»
 485 «Не то чтоб якобы, но как бы...»
 485 «Время растворяется во мне...»
 486 «Воркует ветерок, листва щебечет...»
 486 «Не знаю, что тому причиной...»
 487 «Он совместил в себе и явь, и сон...»
 487 «По тёмной стороне Луны...»
 488 «Слаб человек. Он загодя страшится...»
 488 Клён
 489 «Не знаю уж кому назло там...»
 489 «Мне служит исправно зрение...»
 490 «В привычной атмосфере маскарада...»
 490 Осень
 491 «Мгновенья не всегда равновелики...»
 491 «Жизнь для одних людей сплошная мука...»
 492 «Какая-то хромая хромосома...»
 492 «Жизнь многоцветна, а чего-то жаль...»
 493 «Мне в самом деле дела нет до дел...»
 493 Мудрость детерминизма
 494 «Всё в нашей жизни переплетено...»
 494 «Я стал терпимей с некоторыми пор...»
 495 Мелочь
 500 «В нашей жизни всё условно...»
 501 «Сегодня, встав зачем-то спозаранку...»
 502 «Я прожил много разных лет...»
 503 «Я сквозь туман с тяжёлой головой...»
 504 «Так уж получается...»
 505 «Не туда страна идёт...»

- 506 «Итак, я убеждённый домосед...»
507 «Душа растёт неведомо откуда...»
508 «Ну да, непримирим обычно к злу я...»
509 «Чего ещё надо питомцу страны...»
510 «Сегодняшнее вынеся за скобки...»
511 «Да, было всё: просчёты и потери...»
512 «Жила-была в миру коза...»
513 «При жизни в Бога я почти не верил...»
514 «В нездешний мир ушедших лет...»
515 «Прикрыта суть для верности...»
516 «Горбатого – могила...»
517 «Я иду по канату, внизу пустота...»
518 «Не вписываюсь и не совпадаю...»
519 «Мне приснилось...»
520 «Не стал я ничьим эпигоном...»
521 «Уж не знаю, трезвость или мания...»
522 «Кто знает, где граница неизбежности...»
523 «Момент пересечения коллизий...»
524 «Когда наедине с собой...»
525 «Пылинки в дерзком солнечном луче...»
526 «Из ниоткуда в никуда...»
527 «Нависло низко небо надо мной...»
528 «Стекло шлифую – вот такая проза...»
529 «Не стоит вглядываться пристально...»
530 Памяти Зорика Шалонова
531 «Льётся время струйкой тонкой...»
532 Калейдоскоп памяти
533 «Из глубины, из тишины, из ниоткуда...»
534 Первомай
535 «Живу по своему календарю...»
536 «Я эгоист: ведь я, конечно...»
537 Глубинка
538 «А под окном проклюнулась сирень...»
539 Жара
540 Предлетье
541 «По небу волны катятся...»
542 «Существование колышется...»
543 «Расположившись на соседской крыше...»
544 «Тишина обещает покой и уют...»
545 «Июнь за маем следом...»
546 «Сорока вести сбросила с хвоста...»
547 «Как всякому античному ослу...»
548 Т р и п т и х
1. «Нет, я не примерял корону из фольги...»
2. «Отсутствие верной опоры – беда...»

3. «Неадекватных ценностей шкала...»
- 549 Гроза
550 «Я на пути к неведомому Богу...»
551 «Гроза стремилась преподать урок...»
552 Человек
553 «Я словно вырвался из кокона...»
554 «Всё недоовощённое ушло...»
555 «В абсурдности земного бытия...»
556 «Можно жить легко и весело...»
557 «В пространстве, где светлых мгновений немного...»
558 «Подобна светлячку душа...»
559 «Давно я не пишу чужих стихов...»
560 «Ещё тепло нас радует пока...»
561 Цветы
562 «Мне не впервые глядеть устало...»
563 «Вне времени, вне места, вне судьбы...»
564 «В эпохах тьма разительных отличий...»
565 Мечта
566 «В слепом порыве годы мчатся...»
- Д и с т р о ф и к и
- 567 «Известно, жизнь искуснейшая сводня...»
567 «О воплощенье сам я не просил...»
568 «Всё сущее устремлено в грядущее...»
568 «Как дико рисоваться, чтоб казаться...»
569 «Пернатый снег, над городом парящий...»
569 «Эмоций положительных ценитель...»
570 «Ах, эта вредная привычка!..»
570 «Мне позы любые давно не к лицу...»
571 «Жизни кость обглодана...»
571 «Люди время так и этак мнут...»
572 «Выбор ведь не мною сделан...»
572 «Мы нарушаем правила игры...»
573 Два зайца
573 Ньютоново яблоко
574 «Обычно всё в минувшем плотно слито...»
574 «По камешкам обточенным...»
575 «Повисла стрекоза в тиши...»
575 «Жизнь – очень спорная идея...»
576 «Сегодня шутовской наряд...»
576 «Всё, как обычно: Солнце светит...»
577 «Не всё стремится грубо обозначиться...»
577 «Иногда я думаю с тоской...»
578 Весна 2005
578 «Мы режим карантинный...»
579 Жизнь

- 579 «Борясь с болезнями своими...»
 580 «Лето прячется за рощами вдали...»
 580 «В процессе солнечного полдня...»
 581 «Вне времени, вне места, вне судьбы...»
 581 «Не торопиться жить, не торопиться быть...»
 582 «Как много в жизни разного!...»
 582 «Что за странная картина!...»
 583 «Да, жизнь не сон в нирване...»
 583 «Ревнива власть земного притяжения...»
 584 «В мире, где с тёплых лучей...»
 584 «На сквозняке воинственного зла...»
 585 «Эти бабочки подобны облакам...»
 585 «Спорить можно о многом...»
 586 «История курьёзами богата...»
 586 «В тусклом свете тающего дня...»
 587 Конец лета
 587 «Добро вокруг себя упорно сея...»
 588 «Оплачивая горькую потерю...»
 588 «Приветливость, что фальши лишена...»
 589 «Мне нужен оппонент, обычно Бог...»
- 590 Мелочь

МИНИАТЮРЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Миниатюры в прозе

- 597 Лес
 597 Река
 597 Луна
 598 Дерево
 598 Дождь
 598 Солнце
 598 Гуси
 599 Ромашка
 599 Гора
 600 Паук
 600 Подсолнух
 600 Для чего живёт человек?
 601 Рыбы
 601 Мотыльки
 602 Мухомор
 602 Роза
 602 Корова
 603 Чайки
 603 Снежинки
 603 Поиски друга
 604 Дорога

- 604 Два невероятных происшествия
605 Не более того
605 Камень (метаморфозы)
Из цикла «Сны»
606 2. Встреча в раю
607 6. Собрание
609 Флешинизмы и аферизмы
611 Мысли для мыслей
612 Безвредные советы
613 Выписки из «Книги откровений»

615 *Элла Флешина. Неслучайные встречи.
Воспоминания по касательной*

Часть тиража настоящего издания сопровождается аудиоприложением (на двух компакт-дисках), включающим звукозаписи стихотворений А. Флешина в авторском чтении, осуществленные Э. Флешинной в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Звукорежиссер аудиоприложения Катя Жукова. Редактор Максим Фролов

В оформлении обложки использован фрагмент картины художника В. Яковлева из архива Флешиных.
На фото: А. Е. Флешин. Последняя московская фотография.
Лубянка, март 2005. Фото И. А. Пальмина.

На фронтисписе: Александр Флешин. Москва, 1990-е.
Фото В. Хопёрского

Флешин Александр Ефимович
СТИХОТВОРЕНИЯ. ИЗБРАННОЕ
Книга вторая

Редактор *М. М. Уразова*
Художник *Р. М. Сайфулин*
Вёрстка *А. Г. Мордвинцева*

Подписано в печать 01.11.2019
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 34,86.
Тираж 232 экз., из них 21 экз. нумерован

Издательство «Возвращение»
vozvrashchenie@bk.ru

Отпечатано в типографии: Чеховский печатный двор
Московская обл., Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Телефон: +7(495) 9886341. Сайт: www.chpd.ru

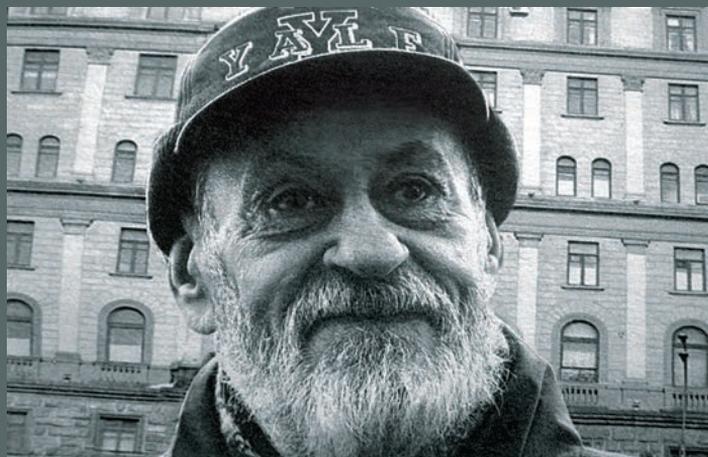
ISBN 978-5-7157-0632-4

9 785715 706324

Замеченные опечатки

Страница	Строчка	Напечатано	Следует читать
29		Стихотворение «Воспоминания об интернате»	дублирует т. 1, стр. 672
282		<i>Деревне Погорелке</i>	Добавить посвящение: Э.
296		<i>А. И-ой</i>	<i>А. Ч-ой</i>
297		Отсутствует посвящение	Добавить посвящение: Э.
588	1	Оплачивая	Оплакивая
617	3 св.	<i>А. Флешин</i>	Убрать подпись <i>А. Флешин</i> под цитатой

И я изведал мрак неправой кары,
рукой холодной брошенный на нары,
и знаю, так сказать, не понаслышке,
зачем томится часовой на вышке
и что творится в лагерном бараке,
там, где зимуют зэки, а не раки.
Я древесину обмерял на бирже,
писал душеспасительные вирши.
Не вычеркнуть ту боль и ту усталость,
ведь жизнь всё время набело писалась.
Но чтоб весной тянулась к солнцу ветка,
я эти годы вспоминаю редко.

20 октября 2003. Москва